

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

ВЫПУСК 5

Сыктывкар 2013

УДК 947.07/084.6 (470.13)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ. Сыктывкар, 2013. Вып. 5. 116 с. (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН).

В сборник статей вошли материалы, посвященные различным сторонам повседневной истории провинциальной России.

Редакционная коллегия

И.Л. Жеребцов (председатель), М.В. Таскаев (зам. председателя), Е.Н. Рожкин (отв. секретарь), О.В. Золотарев, А.Д. Напалков, В.А. Семенов

Ответственный редактор и составитель выпуска
доктор исторических наук И.Л. Жеребцов

Рецензенты

доктор исторических наук А.К. Гагиева
доктор исторических наук В.И. Чупров

Сборник издается при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

ISBN 978-5-906394-08-8

© Коллектив авторов, 2013
© ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013
© И.Л.Жеребцов, составитель, 2013

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН продолжает издание серии сборников, посвященных различным аспектам истории повседневности. Первые четыре сборника вышли в 2006–2010 гг. под названием «Повседневная жизнь Коми края» (перечень изданных в них материалов помещен в библиографическом разделе настоящего сборника). Интерес широких кругов читателей к истории повседневной жизни региона оказался довольно значителен, так что два из этих сборников были выпущены вторыми, дополненными изданиями.

Директор ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН А.Ф. Сметанин (1949–2010), очень много сделавший для организации издания серии «Повседневная жизнь...», в предисловии к самому первому сборнику справедливо указывал: «История повседневности – обширная и многогранная проблема, привлекающая в последние годы все большее внимание исследователей различных специальностей. Весьма важным представляется изучение самых разных аспектов данной проблемы, поскольку даже кажущиеся «мелкими», «незначительными» на первый взгляд детали жизни представителей того или иного социального слоя, национальности, вероисповедания на самом деле могут сыграть (и, без сомнения, играют) чрезвычайно важную роль при попытках адекватной реконструкции досуга, быта, трудовой деятельности человека во всех ее проявлениях и со всеми подробностями в ту или иную историческую эпоху. Увлечение глобализацией научных исследований нередко приводило к тому, что за раскрытием основных направлений исторического развития общества, важнейших факторов этого развития на общегосударственном или региональном уровне забывалась обыденная жизнь человека. А ведь этот сюжет чрезвычайно интересен и сам по себе (при рассмотрении его в контексте «истории повседневности»), и немаловажен для углубления знаний, например, в различных срезях социально-экономической истории. Бесспорным представляется и то, что история повседневности, история образа жизни немаловажна для понимания проблемы преемственности поколений, сохранения и возрождения традиций – возможно, в несколько модернизированном виде. <...> Настоящее, увы, очень быстро становится прошлым. То, что представлялось незыблемым, исчезает или рушится; то, что, казалось, будет помниться вечно, начинает

забываться. Путаются детали, даты, а потом и оценки событий – и вот уже порой то, что выглядело белым, в результате чьих-то усилий становится то ли серым, то ли вовсе черным; и с течением лет иногда уже не вспомнить, где кончается наша реальность и начинаются их фантазии. Сохранить для потомков нашу коллективную память о том, как на самом деле жили мы и наши предки – святая обязанность каждого».

Первый заместитель Председателя Президиума Коми научного центра УрО РАН А.И. Таскаев (1944–2010), с большим энтузиазмом поддерживавший издание сборников «Повседневная жизнь...» и являвшийся членом их редколлегии, в предисловии ко второму выпуску подчеркивал, что «истории повседневности присущи две черты – эта проблема, с одной стороны, имеет большую научную значимость, а с другой, она вызывает чрезвычайное любопытство у читателей, от науки весьма далеких», призывал к тому, чтобы круг авторов постоянно расширялся, «поскольку к изучению истории повседневности могут быть в той или иной мере причастны и ученые других специальностей».

Сегодня мы можем сказать, что пожелания этих замечательных ученых и организаторов науки сбылись: издание серии продолжается, тематика материалов и круг авторов расширяются. Публикуемые статьи касаются теперь уже не только истории повседневности Коми края или Европейского Северо-востока, но и повседневной жизни населения других регионов России. С данного выпуска сборники будут выходить под названием «Повседневная жизнь российской провинции». Безусловно, повседневной истории Коми края будет уделяться особое внимание, но редколлегия с удовольствием предоставит страницы сборников для авторов из любых регионов России и иных стран.

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Ю.М. Смирнов (Муром)

О МУРОМСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ

Антропологическая подгруппа русских, в которую входит население Мурома, формой ареала, обозначенного на карте, весьма напоминает муромский огурец, широкий конец которого (примерно сорок-пятьдесят километров) на востоке покрывает Муром, а узкий, западный, почти через триста километров захватывает Москву. От окружающих подгрупп Нижегородского, Рязанского и Владимирского регионов население, составляющее эту подгруппу, внешне отличается невысоким ростом, плотной, довольно коротконогой фигурой; широким, порою достаточно скуластым лицом. Существует и муромский говор; в отличие от «оканья» рязанцев и нижегородцев, «яканья» владимирцев, муромцы «укают»: «угурод», «удеялка», «урганзация».

Яркую картину этих различий рисует в середине XIX в. полковник Генштаба Талызин в военно-статистическом описании Владимирской губернии: «В пределах Владимирской губернии жили в древности, в диком состоянии, два народа: Мурома и Меря (Чудь). Первый занимал пространство от границ Тамбовской губернии по берегам Оки, до впадения ее в р. Волгу... Трудно в теперешних жителях губернии, составляющих с Москвою как бы центр Русского народонаселения и связанных издавна одною религиєю, подметить какие-нибудь следы обрядов и привычек поколений, давно исчезнувших, давно обрусевших. Время не могло совершенно изменить одного – наружного вида, и действительно, тип Финского племени и народа Мурома, сходного с ним, сохранился в некоторых местах. Так, жители уездов: Муромского, Меленковского, Гороховецкого и южной части Покровского резко отличаются, по наружному виду, от жителей уезда Владимирского и прилежащих к нему частей Суздальского, Александровского, Юрьевского и верхней части Покровского: первые (т.е. в том числе и муромцы. – Ю.С.) малорослы, уродливы и носят на себе известный отпечаток Финского племени; вторые отличаются высоким ростом, хорошою наружностью, правильностью черт лица, представляя вполне тип Славяно-Русса. Первые, сверх того, вообще ленивы, невежественны,

тогда как вторые сметливы, ловки, деятельны, известны по всей России своею красотою и смышленостью. Первые потомки народов: Мурوما и Меря, смешавшиеся с Русским поколением; вторые потомки Славяно-Руссов, переселившиеся из Новгородской земли и мало слившихся с Финским поколением» [1]. Однако эти не весьма лестные в отношении муромцев сентенции заканчиваются неожиданным резюме: «Нынешний Муром есть один из лучших городов губернии по богатству жителей, по промышленности и образованию» [2], – чего, казалось бы, никак не могло быть из-за «лености», «невежества» и «уродства» муромских жителей. А вот жителям Владимира их «большая образованность и смышленость» на пользу не идет: она «часто обращается в плутовство, в разгульную, беспорядочную жизнь по трактирам и кабакам. Более скромною, правильною жизнью отличаются мещане Муромские и Суздальские» [3].

Это, если не вдаваться в детали, в общем справедливое, замечание Талызина не находит отражения в муромском менталитете: «Муромляне в большинстве своем совершенно не ощущают себя наследниками финно-угров... В «муромском мифе» важен лишь факт существования муромы, что она была; к дальнейшей ее судьбе миф безразличен.

Иными словами, происхождение от финно-угорского племени актуализируется лишь в «историческом» тексте, но не переживается муромлянами как повод для выстраивания своей идентичности. Племя муромы для «муромского мифа» – это персонаж не столько истории, сколько «предыстории». Историю же муромляне наполняют «русскими» символами» [4].

Что же касается «уродливости» муромлян, то таковыми они себя не считают, равно как и их современные ближайшие соседи: «У нас в Нижегородской области... тоже неплохие есть девушки, но таких красивых нет... Это потому что, наверное, все-таки корни-то старославянские. Мне кажется, лица и обличья все равно какие-то вот настоящие русские... Такая старославянская раса такая прямо. Четко выраженная...» [5].

Поскольку для составления военно-статистического описания проводилась большая работа – рекогносцировки, опросы населения и пр., осмелюсь предположить, что приведенное Талызиным описание является не только результатом личных наблюдений его и его подчиненных, но и в известной степени отражает отношение к муромцам их ближайших соседей. Действительно, судя по прозвищам, которые даны были муромцам, пиетета по отношению к ним у соседей не было. Если Рязань по фольклорной характеристике традиционного ремесла была «косопужой» из-за особой манеры завязывать кушаки, позволявшей бродячим рязанским плотникам носить за поясом топор – хотя муромские плотничьи артели были не менее известны, – пермяки ходили с «солеными ушами» из-за переноски кулей с солью, – хотя основными грузчиками соли по Оке и Волге были

ватажки муромских отходников, – то первое прозвание муромцев было «калачники». Однако муромские калачи, несмотря на свою широкую известность, не были ни главным предметом производства жителей, ни основой городской экономики. Правда, то, что муромские калачи имели специфическую форму (впоследствии она была названа «замкообразной», но это едва ли отражает первоначальный смысл ее конфигурации), что выпекались они без добавления сдобы, т.е. из архаичной разновидности теста, что вода для них бралась из строго определенных источников, что выпекались они в специальных печах, что рецепт их держался в тайне, что еще в XIX в. они преподносились на именины или по какому иному торжественному случаю, невольно заставляет задуматься об их ритуальном происхождении и изначально сакральном значении. Два других прозвища, о которых в свое время я упоминал, несомненно, указывали на непростой, поместному – «гонобобистый», характер муромцев: «рогатые орехи» и «вертячие бабы (или бобы)» [6]; есть и еще одно обидное прозвище: «святогоны».

Известные исторические источники не дают основания назвать средневековых жителей Мурома особо задиристыми и воинственными, однако свои интересы они отстаивали всегда, в том числе и на поле брани, и демонстрацией силы, и хитростью. Показательна в этом отношении ситуация, сложившаяся при крещении Мурома и известная по «Сказанию о граде Муроме», или, по другому названию, «Повести о водворении христианства в Муроме», входившей в цикл так называемых «Муромских повестей». Жители Мурома, понимая неизбежность принятия христианства, тем не менее, шантажом и угрозами выторговали себе наиболее выгодные условия с малыми даяниями от них, подарками им и ежедневной княжеской трапезой «для всех сословий» [7]. И совершенно непонятно, почему это время в истории Мурома нередко называют периодом «религиозных войн», тогда как это была блестяще проведенная муромцами торговая сделка. Так или иначе, но отношения с соседями – рязанцами и владимирцами – у муромцев не заладились изначально, свидетельства чему можно найти и в летописях, и в повестях муромского цикла, как, например, в «Повести о Марфе и Марии», где прослеживаются реминисценции неприязни Рязани и Мурома. С другой стороны, нет, наверное, необходимости в особо пристальном взгляде на русскую историю того времени, чтобы задаться вопросом: «А у кого же из соседей тогда были добрые отношения?»

И непростые отношения с соседями, и статус первого города, возникшего в регионе, и его перманентное пограничное положение – сначала на восточных форпостах Руси, а затем на внутренних административных границах – способствовало осознанию некоторой самодостаточности Мурома [8] и перманентной настороженности его жителей. Даже на протяжении XX в. административное положение и подчинение города менялось не один раз.

Отсюда постоянный расчет только на собственные силы, и как следствие – независимая позиция по отношению к начальству, нежелание что-то просить, отсутствие представлений о том, что им кто-то что-то должен; главное – чтобы не мешали.

Выработке такой самодостаточности в свое время, как это ни странно, в немалой степени способствовала и громкая разбойничья слава муромской округи. Даже до Западной Европы докатилась недобрая молва о лихих муромских татях. Напомню, что на голландской карте 1595 г. в лесах на противоположном от Муром берегу помещена легенда: «Мордовские разбойники магометанской веры» [9]. Разбойники вокруг Муром пошаливали часто [10]. Для города это имело совершенно неожиданные последствия: дворяне – несколько десятков семейств – Муромского и окрестных уездов на зиму не уезжали в Москву, поскольку жили они не в деревнях, в имениях, а в городе, что представляло «резкую противоположенность с другими городами Владимирской губернии... К этому, говорит предание, принуждены были сначала дворяне по необходимости. Муромский уезд, как известно, заключал в себе некогда сплошные леса, любимый притон разбойников; а потому отдельная жизнь по деревням и селам подвергалась опасности от неожиданного посещения лесных жильцов, которые особенно любили грабить помещичьи усадьбы. Необходимость обратилась в привычку и, мало-помалу, Муром для многих дворян сделался первым городом после Москвы» [11]. Таким образом, в муромское городское благородное сословие входили и помещики, в отличие от других городов губернии, где оно состояло «исключительно из гражданских должностных лиц, чиновного сословия, наполняющего губернские и уездные присутственные места» [12].

Видимо, в связи с разбоями в муромской округе сложился обычай, который со стороны воспринимается как неучтивость и негостеприимство: запирать двери и крайне неохотно пускать в дом чужаков и даже знакомых. Интересная бытовая деталь есть в «Повести об Ульянии Осорьиной» – местной святой Ульянии Муромской (Лазаревской), – написанной ее сыном Каллистратом (Дружиной) Осорьиным в XVII в.: однажды ночью, когда Ульяния встала на молитву, бесы вознамерились убить ее. Однако на помощь праведнице явился святой Никола, разогнал бесов и стремительно вышел. Ульяния бросилась за ним, но двери покоя, по обыкновению, оказались крепко запертыми.

Муромское купечество, по определению Талызина, принадлежало к «старинному», т.е. ведущему торговлю в течение нескольких поколений. В отличие от нуворишей, сходных со «старинными» по «умственному образованию», они «торгуют всегда на верный капитал, довольствуются незначительными процентами и ведут скромную жизнь. Муромское купечество, например, по сию пору (середина XIX в. – Ю.С.) держится поговорке:

чтобы бабушкин сарафан служил подвенечным платьем внучке. (Хрестоматийным стал пример, когда Екатерина II, проезжая через Муром, на вышедших покрасоваться перед ней муромских женщинах «милуя подданных, костюмы русски зрела, / одоббив характер, менять их не велела» [13]. – Ю. С.). От этого редко, или почти никогда не случается, чтобы между этим купечеством встречались банкроты, хотя промыслы их, исключительно полотняная фабрикация и кожевенные заводы, давно пали и торговля поддерживается только тем, что купечество имеет большие капиталы, торгует с осторожностью и расчетом» [14].

Купеческая жизнь, вопреки стереотипам обыденного сознания, во многом сложившегося под влиянием пьес А.Н. Островского, была очень мобильной. Даже сиделец в лавке долго не задерживался на одном месте, меняя не только заведения и улицы, но и города, и уезды. Волей-неволей это расширяло кругозор, прибавляло эрудиции. Поэтому в городской ментальности находили место и новые технические идеи, и увлечение театром [15], и излюбленные, периодически ходившие по городу слухи о заживо погребенных и оживших мертвецах [16]. Да что говорить, если изобретение собственного шампанского в России произошло благодаря любовной истории, случившейся в Муроме!

Не все новшества принимались сразу и безоговорочно. Например, среди археологических находок в раскопах и случайных встречаются в небольшом количестве турецкие курительные трубки XVIII в., а это значит, что с курением табака муромцы были знакомы достаточно давно. Однако в тридцатые годы XIX столетия купец Е. Перлов, сам занимавшийся, в том числе, оптовой продажей табака, как нечто особое отмечает: «Мес. Август! 1835 года. 1-го... Были у м(еня) Иван Андреев. Нестирев и Дмитрий Н. Кадников, пили чай, курили таб(ак)... 10-го. ...сидел у нас курил табак Яков Иванович Якимов» [17]. Даже во второй половине века курение на людях в Муроме, как это следует из дневника А.И. Гладкова, очень не одобрялось: «Мая. 22 ч. Вечером в 10-м часу, бывши с похмелья, у дома на завалинке курил табак с Михаилом Федоровым Смольяниновым. Пристал Иван Михайлов Смольянинов (в это время он был старостой по улице нашей над сторожем), в одной рубашке, и мне наговорил разных грубостей (за то, что я курил трубку)... 25 ч. ...В часу 1-м пополудни призывали меня в Думу к Алексею Васильеву Ермакову (городскому голове – Ю.С.) по жалобе Ивана Михайлова Смольянинова (за трупку и за ругательства). Я показал, что Смольянинов неверно доносит, что я трупку не курил, и не ругался. Хотя был виноват и оправдывался» [18].

При всем консерватизме в быту муромское купечество не было чуждо технических новинок. В соседней Выксе муромцы строили свои пароходы для перевозок грузов по Оке. Городской голова А.В. Ермаков на свои

собственные деньги и вопреки препонам, чинимым губернским чиновничеством, построил в городе один из первых в провинции водопроводов. Позже поставили одну из первых телефонных станций и хлопотали о междугородней телефонной связи. Подумывали пустить трамвай, и не какую-нибудь конку, а на «самой современной электрической тяге», для чего нужно было и электростанцию построить, но помешала первая мировая война. С воодушевлением встретили прокладку железной дороги, через Муром, а не через соседние Меленки, но это благо цивилизации больно ударило по благосостоянию города. С началом железнодорожных перевозок резко сократился объем грузов, перевозимых по реке, соответственно, в несколько раз упал товарооборот на муромской ярмарке, а местное купечество, потеряв большую часть доходов, потеряло и свое значение, и возможность жить по старинке. К тому же новшества стали вызывать еще большую опаску: когда в начале XX в. Рено вознамерился построить в Муроме автомобильный завод, купечество сделало все, чтобы не допустить этого. В советское время власти уже не спрашивали согласия жителей на размещение промышленных предприятий в городе.

Заметное влияние на становление городской самоидентификации муромцев оказали древнерусские литературные произведения, входившие в так называемый цикл Муромских повестей, сложившийся в XVI–XVII вв.: Повесть о Петре и Февронии, Повесть о водворении христианства в Муроме, Повесть о святом епископе Василии, Повесть об Ульянии Осорьиной, Повесть о Марфе и Марии, Повесть о чудесах Виленского креста [19]. Едва ли найдется в России еще город, в то время столь часто фигурирующий в художественных произведениях, причем, некоторые из них ныне расцениваются специалистами как шедевры, выходящие за рамки канона, и считаются родоначальниками отдельных жанров в истории русской литературы. Эти повести были чрезвычайно популярны в Муроме и вплоть до конца XIX в. от руки переписывались в тетрадки. Неслучайно, говоря об идеальных характерах Древней Руси, Ф. Буслаев и В. Ключевский опирались на Муромские повести [20].

На совершенно необычную черту местного мировоззрения обратила внимание О.А. Сухова [21]. Касается оно сакральной сферы и связано с особым характером почитания муромских святых. Дело в том, что, в отличие от других городов, в Муроме нет местных почитаемых преподобных, т.е. монахов, а также юродивых и мучеников. Муромские святые – миряне. По подсчетам О.А. Суховой три четверти всех святых в пятидесяти восьми городах относятся к монашескому чину. На всех остальных приходится одна четверть. Царей и князей лишь одна седьмая от общего числа, столько же поименованных мучеников, а праведных мирян вместе с юродивыми – лишь одна тринадцатая, т.е. сорок человек; из них шесть – муромских, к тому же

почти половина из них – женщины, что для России довольно большая редкость. Это князя Петр и Феврония, креститель Муром князь Константин с женой Ириной и чадами Михаилом и Федором, «болярыня» Ульяния Лазаревская; в местной традиции почитаются к тому же муж Ульянии и ее дочь. Единственный из святых-монахов в здешнем пантеоне – епископ Василий, по преданию, был изгнан горожанами, и вошел в собор рязанских святых. Поэтому муромцы и получили прозвище «святогоны». Кстати сказать, выгоняли они и Петра с Февронией, но затем упросили их вернуться.

Нетрудно заметить, что муромские святые почитаются семьями и это уникально. Хотя муромские княжеские семейства, канонизированные в 1547 г., Иван IV объявил «своими сродниками», официальная церковь не поощряла их почитания: «Повесть о Петре и Февронии» не вошла в Великие Минеи-Четии; а праведную Ульянию позже исключали из числа святых. Однако муромские жители с присущей им «непокоривостью», порою с ухищрениями, продолжали чтить своих земляков, олицетворявших для них «идеальные примеры того, что можно угодить Богу не только в монастыре, но и в обычной жизни, следуя правилам благочестия, чистоты в браке, помощи нищим и убогим» [22]. «Обладание мощами Петра и Февронии, – пишет исследователь, – служит для утверждения “русскости” Мурома не только через значения церковное, православное. То, что Петр и Феврония – святые муромские, позволяет этому городу претендовать на особую значимость, выделяющую его среди других русских городов в противостоянии западному миру» [23].

Порою «культ» семьи принимал, на современный взгляд, анекдотические формы. В 1865 г. муромский мещанин А.И. Гладков, горький пьяница, вел дневник. Есть там такая запись: «Напившись очень пьян, ругал всячески жену. Потом в 3-м часу пополудни, при входе брата на двор, выбил топором из одной рамы стекла. За это брат с дворником Зиновием Андреевым меня связали, и я был связан с час, и валялся во дворе. Потом, в 5-м часу пополудни, я ругал жену, замахивался ножом и кричал: “Сожгу дом”. Жена же меня ударила палкой, и лицо прошибла палкой до крови, очень больно. Я же за ней погнался, но она ушла. И потом приходит со своей матерью. Мать же ее вошла ко мне в комнату (я ей сказал: “Что вам угодно?”), она же выразилась: “Я де пришла – не убил ли ты мою дочь (т.е. мою жену)”. Мне эти слова показались очень прискорбны, я ей сказал, что я тебя, матушка, по лестнице спущу, и замахнулся на нее ножом. Она убежала, пригрозивши мне всячески. В 7-м часу пополудни пришел из Думы сторож и по приказанию головы Алексея Васильевича Ермакова отвел меня под арест в полицию (в Трубну). В этот день никто у меня в Трубной не был, и я был без хлеба.

28 ч. Сидел в Трубной, к обеду принес сын Иван немного поестъ; к вечеру была сестра Прасковья.

29 ч. ...Во 2-м часу по полудни вызвали нас в Думу... И для нас Ермаков собрал сход человек из 30 (для посрамления). И тут нас обоих усощевали. И принуждали дать подписку, чтоб вина не пить и не буянить (в противном случае подвергаемся воле общества, бесспорно и прекословно). Крылов дал подписку и общественникам и начальству кланялся в ноги. Но я не соглашался дать подписки. В это время Василий Усов... читал из закона статью, что за такие поступки могут сделать, и делал разные жесткие наставления... И был отведен обратно в Трубну...

30 ч. Сидел в Трубной... К вечеру ешь не приносили. Жена оправдывалась, что будто бы посылала сына Ивана, но он сказал, будто бы я не велел приносить ешь...

31 ч. ... В 1-м часу пополудни потребовали меня и Василья Васильева Стулова в Думу. В Думе находились голова Ермаков, трое гласных, стряпчий и Иван Прокофьев Зворыкин. Тут меня усощевали и принуждали дать подписку, чтоб вина не пить, но я не соглашался дать подписку, потом приказали мне идти домой...

В эти дни были у меня в Трубной из родственников: жена – 1 раз, брат – 1 раз, зять – 1 раз, сестра Прасковья – 3 раза, сын Иван несколько раз носил пищу, а дети – Павел 19-ти лет и Константин 15-ти лет – не были ни раза. При выпуске меня из Трубной, я в Думе высказал голове Ермакову, что дети старшие в Трубной у меня в течение 5-ти дней не были... покачав головою, Ермаков осудил мать и детей моих, что не посетили заключенного отца: «Стало быть, пустая жена, и дети глупы и пусты»» [24].

Сто пятьдесят лет назад Талызин отметил и то, что «общественное образование городского сословия развито гораздо более в гг. Владимире и Муроме; в них мало помалу развивается уже вкус к изящным искусствам», понимая под общественным образованием не столько обучение в школах и т.п. [25], сколько отношение общества именно к «изящным искусствам». Парадокс в том, что, начавшись относительно рано, оно так и не завершилось. Хотя Муром нередко называют «городом художников» – а интересных художников здесь немало, – общественные вкусы остались на уровне предметно-реалистического искусства. Виной тому, пожалуй, еще один парадокс: присутствие в городе до начала сороковых годов прошлого века маститого художника, ученика И.Е. Репина, академика живописи И.С. Куликова. Куликов взял художественное образование горожан в свои руки, и, будучи сторонником только реалистической школы, воспитал общественный вкус в предпочтительном для него направлении. Это хорошо легло на купеческий консерватизм, что в обывательских суждениях чувствуется до сих пор, чего нельзя сказать о профессиональных муромских художниках.

Пожалуй, наиболее наглядным воплощением муромского менталитета может служить жизнь муромского купца Владимира Козьмича Зворы-

кина. Не желая участвовать в братоубийственной войне, он после революции уехал в Америку, добился больших успехов в области электроники и благодетельствовал человечество, подарив ему телевидение. Однако в собственном доме отца телевидения телевизора никогда не было. Этаким «рогатый орех» Владимир Козьмич...

Для мифологии города Мурома определяющим стал его возраст (Муром впервые упоминается в летописи в 862 г.). Основными признаками Муром в «локальном тексте» становятся следующие: это город русский, древний, православный, былинный. Как показывают интервью с муромлянами, первый признак (русский) семантически объединяет остальные, тем самым становясь главным топом муромского «локального текста»...

Для муромлян «русскость» в определенном смысле синонимична древности.

Уточнение информанта, поправившего «Россию» на «Русь», не случайно: слово Русь подразумевает отсылку к «древней», «изначальной» истории. Вообще в рассуждениях муромлян о родном городе распространен мотив постоянного соприкосновения с историей...

Обилие в городе архитектурных памятников – церковей и монастырей, помноженное на «русскость», рождает восприятие Муром как города церковного, православного. Часто это выражается через призму отношения к православию как историко-культурному наследию...

Наконец, еще одним мотивом муромского «локального текста», опосредованно отсылающим к «русскости», является связь Муром с русским фольклором. Не будет ошибкой сказать, что большинство жителей России узнали об этом городе в младшем школьном возрасте из переложения былин о богатыре Илье Муромце.

Литература и источники

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи, Владимирская губерния / Сост. полковник Генштаба Талызин. СПб., 1852. Т. VI. Ч. 2. С. 141–142.
2. Там же. С. 284.
3. Там же.
4. Ахметова М.В. «Русскость» как топос «локального текста»: случай Муром // http://student.km.ru/ref_show_frame.asp?id=2600A2E552BE45BF90A80B733DCD257A.
5. Там же.
6. См.: Смирнов Ю.М. «Русский» Муром: Очерк этнодемографических контактов за тысячу лет // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. М.; Сыктывкар, 2005. С. 82.
7. См. об этом: Ю.М. Смирнов. Еще раз к вопросу о христианизации города Муром // Материалы областной краеведческой конференции. Владимир, 2007. Т. 1. С. 132–137; Он же. Крест, меч и золото. Еще один взгляд на христианизацию

Мурома // Владимир: Литературно-художественный и краеведческий сборник. Владимир, 2008. Кн. 21. С. 149–152.

8. Подробнее см.: Смирнов Ю.М. «Русский» Муром... С. 87.

9. Фоменко И.К. Руссия, Московия и Владимирщина на средневековых европейских картах // Уваровские чтения–V. Муром, 2003. С. 63.

10. См., например: Турусов И.В. Нижегородские предания о разбойнике Кузьме Рошине: от фольклора до литературы // Жизнь провинции как феномен духовности. Н. Новгород, 2004. С. 118–121.

11. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 143.

12. Там же. С. 144.

13. Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Высочайшие путешествия. Остановка в Муроме // Уваровские чтения–V. Муром, 2003. С. 212.

14. Там же. С. 145–146.

15. См., например: Журнал или ежедневные записки муромского купеческого сына Егора (Георгия) Ивановича Перлова. 1833–1837 гг.; 1839 г. // Муромский историко-художественный музей. Инв. № М-9729.

16. См.: Дневник А.И. Гладкова // Научный архив МИХМ.

17. Журнал или ежедневные записки... Л. 20–21.

18. Дневник А.И. Гладкова.

19. Руди Т.Р. Муромский цикл повестей в рукописной традиции XVII–XVIII вв. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 207–214.

20. Буслаев Ф.И. Идеальные женские характеры Древней Руси // Исторические очерки русской народной словесности и искусства». СПб., 1861. Т. 2. С. 238–268; Ключеский В.О. Добрые люди Древней Руси. М., 1896.

21. Сухова О.А. «Святые семейства». Особенности почитания муромских чудотворцев // Уваровские чтения–VII. Муром, 2011.

22. Там же.

23. Ахметова М.В. Указ. соч.

24. Дневник А.И. Гладкова.

25. Военно-статистическое обозрение Российской империи...

В.Э. Шарапов (Сыктывкар)

«ПОДОШЛИ МЫ К ТЕМ КАЧЕЛЯМ...»*

Устраивать качания на качелях с приходом весны – древняя традиция многих народов, в том числе и финно-угорских [1]. В этнографической литературе неоднократно высказывалось предположение о том, что в прошлом качели выступали магическим средством увеличения плодородия земли, а само раскачивание на качелях символизировало собой весеннее пробуждение природы [2]. Не случайным в связи с этим представляется эротический характер традиционных качельных песен и игрищ [3]. Ритмичное движение качелей само по себе является достаточно прозрачной метафорой соития.

Повсеместно у коми качели были любимым развлечением молодежи, начиная с масленичных гуляний. Накануне праздника практически в каждом доме, на сарае вешались веревочные качели – «сеник гыдсан» или «вевт гыдсан». Качались на таких качелях преимущественно маленькие дети и подростки, но в последний день Масленицы (йöв выв лун) – воскресенье – только неженатая молодежь. Дети качались на таких качелях вплоть до окончания Петровского поста (Петыр выдза пыран лун), когда начинался сенокос и сараи заполняли сеном.

С масленичной недели и вплоть до третьего дня Троицы – «Именин земли» («Му ним лун») – излюбленной забавой девушек было скакание на доске – «перескачка» («Чеччалöм»). Поперек чурбана, лежащего на земле, укладывали длинную гибкую доску, на оба конца которой становились две девушки и, поочередно подпрыгивая, подбрасывали друг друга вверх. По обе стороны доски выстраивались девушки, желающие попрыгать, а вокруг собирались парни и веселыми возгласами подзадоривали девушек прыгать как можно выше – чем выше подпрыгивала девушка, тем сильнее у нее задирался подол сарафана... такое упражнение требовало немалой сноровки – в момент приземления очень трудно обеими ногами попасть на край доски и при этом не соскользнуть с него. Если у девушки одна нога соскальзывала на землю, то она уступала место следующей «прыгунье».

* Работа публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

На Пасху повсеместно у коми сооружались большие качели на открытом воздухе. По традиции пасхальные качели воздвигались неженатыми парнями накануне Светлого Воскресения (Ыджыд луи), причем поставить качели старались до наступления рассвета – так, чтобы никто не видел самого процесса их воздвижения. Место для качелей выбирали в центре селения – около церкви (соответственно рядом с кладбищем), либо за селом – на прибрежных лугах, где молодежь проводила игрища весной и летом. Нередко в одном селении устанавливалось до десяти больших качелей – в каждом грезде или сикте свои качели. Такая традиция сохраняется до настоящего времени в с. Петрунь на р. Уса. У ижемских и интинских оленеводов в случае, когда Пасха приходилась на конец апреля и нельзя было отлучиться от стада оленей во время кочевья, пасхальные качели устраивали в тундре, используя в качестве опор сосновые жерди от остова чума, а в качестве сидения одну из деревянных лат, которыми выкладывался в чуме пол. У коми бытовало два основных типа больших качелей: на двух опорах с неподвижной перекладиной, на которую подвешивали на цепях или веревках доску-сиденье и качели карусельного типа с вертикально вращающейся крестовиной, укрепленной на двух опорах или горизонтально вращающейся крестовиной, укрепленной на одной опоре. Обычно опора для размашистых качелей изготавливались из еловых жердей, которые связывали в два треножника, или сосновых столбов. Качели вешали между двумя деревьями (как правило, между соснами или березами, растущими рядом), либо на прочной ветви многолетней березы. Любопытный вариант пасхальных качелей бытовал в прошлом в с. Объячево на р. Луза: качели ставили на лугу «Гажа ин» возле священной березы, которую называли «Ыджыд Кыдз». Эту многолетнюю березу использовали в качестве одной из опор, а вторую опору сооружали из еловых жердей. Наиболее широко были распространены большие качели, близкие по конструкции к северо-русским пасхальным качелям [4]. Каждая опора собиралась из 3-4 еловых или сосновых жердей, которые нередко вытаскивались из съёмных изгородей в усадьбе. Поперечину и перекладину нередко оборачивали шкурой животного для предохранения веревок от перетиранья, на веревках или цепях подвешивалась сосновая плаха, которая доставалась из настила в сарае какого-либо дома. Такой конструктивный канон нашел отражение в фольклоре ижемских коми:

...Раскачаем мы качель,

Что из восьми прямых жердях,

Раскачаем мы люльку о четырех углах... [5]

По традиции пеньковые веревки для пасхальных качелей специально выплетались девушками, достигшими брачного возраста. У летских коми веревки нередко сплетали из гибких стволов молодых березок, либо вплетали в обычную веревку веточки с распутившейся листвой.

В центре селения, как правило, устанавливали карусели «нѣль потана качаль»: четыре люльки подвешивались на вертикально вращающуюся крестовину, приводимую в движение при помощи несложного механизма. Так, например, в с. Краснобор на р. Ижме на Пасху сооружали три подобных карусели в разных местах, при этом все люльки красочно расписывались и впоследствии назывались по именам мастеров, которые их изготовили и расписали: Опонь Вань потан, Ларей Миш потан и т.д.

На больших пасхальных качелях разрешалось качаться только неженатой молодежи старше 16 лет, причем только с полудня и до наступления сумерек в течение всей пасхальной недели. Малолетние дети и подростки качались на веревочных качелях, которые вешались в домах еще на Масленицу. В дни пасхальной недели подростки нередко устраивали качания на деревьях в березовых рощах неподалеку от селений. Происходило это следующим образом: несколько ребят одновременно забирались на вершину молодой, но достаточно высокой и крепкой березы, раскачивали ее и пригибали вершину к земле, после чего один из смельчаков цеплялся за макушку дерева и раскачивался вверх-вниз над землей. В эти же дни девочки втайне от родителей устраивали «качели» на съемных изгородях из горизонтально укрепленных жердей: нижние жерди вытаскивались из опор, а на верхнюю наматывался передний подол сарафана. На больших пасхальных качелях молодежь качалась по очереди, устанавливаемой в ходе различных игр. Так, в частности, у летских коми качающимся давали пару старых лаптей, которые выбрасывались в толпу, окружающую качели, в момент наивысшего подъема качелей. Кто ловил лапти, тот и качался следующим. Если позволяли размеры доски-сиденья, то на ней одновременно размещалось до десяти человек: девушки рассаживались на доске, подняв подола сарафанов, а два парня становились по краям доски и, держась за веревки, приводили качели в движение. Девушки, сойдя с качелей, должны были поблагодарить парней поцелуем со словами: «Христос воскрес!». На Удоре парни, раскачивая девушек, нередко кричали им: «Патшукыс тыдалѡ!» (т.е. подсмотрим, что у вас там под сарафаном). У вымских и печорских коми девушек не отпускали с качелей до тех пор, пока они не называли окружающим имена своих возлюбленных. Если девушка не хотела называть своего будущего супруга, то ее начинали раскачивать еще сильнее. У ижемских и интинских коми качались парами – парень с девушкой, которые должны были поцеловаться в момент наивысшего подъема над землей. При этом окружающие кричали им: «Христос ловзѣдчан» (буквально – живите поцелуем Христа) и не отпускали с качелей до тех пор, пока парень с девушкой не целовались. У летских коми качели нередко устанавливали неподалеку от стога сена, куда парни и девушки прыгали в момент максимального подъема качелей. В прошлом участие в качельных играх, приурочиваемых к пасхальной

неделе было не только развлечением, но и ритуальным испытанием для молодежи, достигшей брачного возраста. Как уже отмечалось выше, на больших пасхальных качелях запрещалось качаться детям. Примечательно, что в ижмо-колвинском эпосе коми качели описываются как смертельное испытание для эпического героя, отправившегося на поиски невесты:

Подошли мы к тем качелям...
Под качелями лежат,
Вытянувшись в страшный ряд,
Кости сгнившие людские,
Кости свежие людские...
Сами сразу мы подумали:
Значит, здесь они гостей
На качелях этих губят... [6]

Показательны в этом отношении некоторые мотивировки запрета качаться на пасхальных качелях по окончании Светлой Недели: «иначе упадешь в смоляную яму» (по повериям коми через смоляное озеро пролегает дорога в загробный мир), «только в течение пасхальной недели открыта дорога в рай» (считается, что души умерших в это время попадают сразу в рай). Повсеместно у коми ритуал сооружения пасхальных качелей хронологически совпадал с проведением поминок. Так, например, у вычегодских коми сооружение качелей приурочивалось к началу ледохода, когда на берегу устраивались поминки по всем умершим в течение года. В этой связи качание на качелях можно поставить в один ряд с другими «проводными» обрядами весенне-летнего цикла. Молодежь, участвующая в качельных играх на пасхальной неделе, выступала как бы в роли проводников в «иной мир» для тех, кто умер в течение года. Показательно в этой связи и ориентировка движения качелей по направлению восток-запад. Можно предположить, что в конструкции больших пасхальных качелей, обладающих реальными динамическими характеристиками, делается акцент на символическом описании динамических характеристик мифологической модели мироздания – возможности перехода из одного мира в другой. В тайном ритуале сооружения качелей, в эротических качельных играх, вероятно, символически воспроизводился акт творения мироздания через преодоление границ между различными его уровнями. Известно, что в мифологических представлениях Изначальное Время характеризуется неразделенностью земли и неба. В одном из космогонических мифов коми рассказывается о том, что: «в давние времена небо было низко-низко, его можно было рукой достать...». Заключительный момент в мифологическом сценарии творения мироздания может быть соотнесен с последним днем пасхальной недели. В этот день каждый из участников качельных игр

приносил в дар парням, соорудившим качели, крашенные пасхальные яйца – символ воскресения. Вечером того же дня качели полностью разбились, либо с них снимались люльки и доски-сиденья. В последнем случае качельные опоры, в символике которых угадывается идея статической целостности мироздания, стояли в течение всего года – до следующей Пасхи. В некоторых селениях у коми, в частности у вымских коми, большие пасхальные качели не убирали до Девятой пятницы от Пасхи. Так, например, в селе Онежье на Девятую пятницу устраивали качания на качелях около храма.

На Вознесение у вымских коми сооружались качели карусельного типа на одной опоре: в землю вкапывался высокий сосновый столб, на вершине которого креплялась горизонтально вращающаяся крестовина с привязанными к ней веревками. Такая карусель называлась по-русски – «гигантские шаги». Девушки и парни ухватившись за концы веревок, разбегались по кругу и старались как можно дольше пролететь над землей вокруг столба. Раскрутившихся вокруг столба смельчаков, нередко подталкивали вверх длинными шестами. Старожилы с. Отлы на р. Вымь рассказывают, что когда девушки, нарядившиеся в новые сарафаны, кружились на такой карусели, подростки кидали в них сырыми яйцами диких птиц. После этого девушки уходили на луга и кувыркались по молодой траве, стараясь очистить подола сарафанов. Очевидно, что эти действия носили ритуальный характер и были связаны с магией плодородия.

В круговом движении качелей по вертикали и по горизонтали угадывается небесный путь солнца. Как отмечает этнограф Н.Д. Конаков, «качели – универсальный символ цикличности времени» [7]. В традиционных представлениях многих народов маятниковое раскачивание качелей-колыбели-гроба ассоциируется с мотивом смерти-возрождения. Неслучайно сооружение качелей приурочивалось к весеннему периоду, когда возрастает солнечная активность и оживает после зимнего сна природа. Раскачивание на качелях не только символизировало весеннее пробуждение природы, но и как-бы обеспечивало стабильность ритмов мироздания.

Литература и источники

1. О больших обрядовых качелях у финно-угорских народов см.: Народные песни Ингерманландии. Л., 1974. С. 22.; Попова Е.В. Праздничное общение молодежи: игры и развлечения // Традиционное поведение и общение удмуртов. Ижевск, 1992. С. 63; Тампере Х.Т. Некоторые вопросы этнической истории эстонцев // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн, 1956. С. 302–307; Несанелис Д.А. Раскачаем мы ходкую качель... Традиционные формы досуга сельского населения Коми края (II половина XIX – I треть XX вв.). Сыктывкар, 1994. С. 87–89; Шарапов В.Э. Пасхальные качели у коми // Би кинь. 1994. № 6–8.

2. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 380; Левинсон А. Неклассическая красота карусели // ДИ СССР. 1980. № 9. С. 31.

3. Народные песни Ингерманландии. Л., 1974. С. 399–403.
4. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 379.
5. Коми народные песни. Сыктывкар, 1968. Вып. 2: Ижма и Печора. С. 54.
6. Коми эпическая поэзия. Л., 1991. С. 115; Ср.: название одной из эстонских качельных песен – «могила под качелью». Эстонский фольклор. Таллинн, 1980. С. 77.
7. Конаков Н.Д. От Святок до Сочельника. Коми традиционные календарные обряды. Сыктывкар, 1993. С. 59.

И.И. Лейман (Сыктывкар)

ТАКАЯ МНОГОГРАННАЯ ЯРМАРКА...*

В XIX в. значение ярмарок для населения Европейского Севера России было очень велико и выходило далеко за рамки одной только экономической сферы. Благодаря ярмаркам в регионе и во всей стране не только складывался единый внутренний рынок, но и формировалось единое информационно-культурное пространство. Особую важность этот процесс приобретал в условиях Европейского Севера России, где в силу огромных размеров территории и неразвитости сети путей сообщения многие населенные пункты были оторваны не только от губернских, но и от уездных центров. И только несколько раз в год, на ярмарках, люди имели возможность встретиться с жителями других сел и городов, уездов и губерний, узнать последние новости, ознакомиться с новинками моды и достижениями ремесла. Ярмарки являлись единственным универсальным средством удовлетворения и материальных, и духовных потребностей населения.

Материальные потребности удовлетворялись благодаря покупкам всех необходимых продуктов и предметов обихода. Стационарная торговля вплоть до конца XIX в. была развита слабо; ассортимент предоставляемых ею товаров был достаточно узок. Товары на ярмарках, в свою очередь, были разнообразны, более высокого качества и более дешевые. Приезжие ярмарочные торговцы создавали настолько сильную конкуренцию местным купцам, что те неоднократно осуществляли попытки закрытия ярмарок. Так произошло с Январской ярмаркой в Вологде, которая по прошению вологодских купцов была упразднена в 1800 г.; вновь ярмарка была открыта в 1806 г. по желанию «как здешняго, так и соседственных городов граждан и обывателей» [1]. Аналогичная ситуация произошла с Георгиевской ярмаркой в Усть-Сысольске: в 1847 г. по просьбе местного купечества ярмарка была закрыта, однако уже в 1849 г. по просьбе мещан города Усть-Сысольска она была учреждена вновь [2].

* Работа публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

Ярмарки предоставляли возможность решить и другую важную для населения задачу, связанную с созданием семьи. Это был удобный случай показать себя и выбрать себе пару, так как на торги собиралось большое количество людей из различных населенных пунктов края. В условиях Европейского Севера России, с его небольшими поселениями, разбросанными на обширной территории и мало общавшихся друг с другом, это имело особую значимость. Например, Сретенская ярмарка в городе Шенкурске Архангельской губернии и Петровская ярмарка в городе Кадникове Вологодской губернии на протяжении XIX в. не могли похвастаться большими торговыми оборотами, однако собирали достаточное число народа, чтобы все желающие могли найти своего суженого или суженую. На Петровской ярмарке в Кадникове молодые мужчины и женщины старались принарядиться как можно лучше. Женщины надевали на себя лучшие наряды: золотошитые сборники на голове, штофные сарафаны малинового цвета, большие жемчужные серьги в ушах (все эти наряды передавались от бабушки к внучке и бережно хранились в семье). Мужчины приходили на ярмарку в красных рубашках и поддевах [3]. На Сретенской ярмарке происходило «многолюдное гулянье», в ходе которого «женихи высматривают себе невест, а эти показывают им себя и свои наряды» [4].

На сельских ярмарках Европейского Севера России картина была схожей: «народу собирается много, ...молодцы и девушки, особенно последние, одетые хорошо и красивые, гуляют по улице и показывают себя и свои наряды» [5]. На Сольвычегодской Прокопьевской ярмарке даже существовала особая традиция. Из окрестных и дальних деревень приезжали на ярмарку девушки, называвшиеся в народе приплавухами (так как добирались до Сольвычегодска на лодках), выходить замуж. Они вместе с родственниками вытаскивали лодки на берег и садились ждать женихов. Женихи, среди которых преимущественно были бедные поселяне, приходили, рассматривали невест и расспрашивали родственников о талантах девушки и о ее приданом (приданое обычно находилось тут же в «коробьях»). Если невеста и приданое приходились по душе, то сразу же шли в церковь венчаться [6].

Кроме того, ярмарки способствовали и духовному единению населения. Подавляющее большинство ярмарок было приурочено ко дню местночтимых святых или к общехристианским праздникам (об этом, прежде всего, свидетельствуют названия ярмарок), так как в эти дни в населенный пункт, где находилась церковь, стекалось большое количество людей из окрестных поселений. В честь праздника обычно совершался крестный ход. Например, открытие в 1804 г. Сретенской ярмарки в г. Шенкурске Архангельской губернии в день Сретенья Господня происходило следующим образом. После божественной литургии из Шенкурского Благовещенского собора духовенство и горожане направились с крестным ходом к месту

ярмарки на торговую площадь. На площади был проведен молебен с «воодушевлением» и провозглашением «многолетия Государю императору и всему Августейшему дому», после чего «новооткрытый» гостинный двор был окроплен святой водой. Таким же образом Сретенская ярмарка начиналась и в последующие годы на протяжении XIX в. [7].

Момент открытия тотемской ярмарки запечатлел проезжавший через город И.С. Зырянин: «Когда мы шли по рынку, раздался величественный говор колоколов в соборе и вслед за тем показались священные хоругви и образа...» [8]. С.В. Максимов о Никольской ярмарке 1856 г. в городе Пинеге Архангельской губернии писал: «Ничем особенным не сказался первый день ярмарки. В единственной городской церкви, каменном соборе, освящали воду, звонили в колокола – да и только!» [9]. В принципе, крестный ход, освещение воды в церкви и колокольный звон были типичными элементами любого начала ярмарки. Тот факт, что участвовать в крестных ходах и общественных молебнах мог любой человек независимо от социального статуса и положения в обществе, как нельзя лучше способствовал приобщению населения к высшим духовным ценностям и осознанию им своего духовного единства.

Ярмарки способствовали расширению кругозора населения и, хотя бы отчасти, приобщению к прекрасному. Это происходило как через общение участников ярмарки друг с другом, так и благодаря созерцанию различных предметов искусства и мастерства, новинок моды. Например, на Январскую ярмарку в Вологду приезжали «покупатели и купцы, чтобы запастись товаром на целый год и удивлять потом своих сограждан и односельчан «свежими» и «модными» продуктами» [10].

На ярмарках Европейского Севера России можно было увидеть произведения мастеров из самых различных городов и сел, уездов, губерний. Как отмечали современники, на ярмарке «как бы ни разнородны и ни прихотливы были бы требования, остается только иметь деньги, а удовлетворение готово» [11]. Например, на Январской вологодской ярмарке продавалась чеканная работа из серебряной проволоки крестьян Сольвычегодского уезда, «черневая на серебре» работа и всевозможные шкатулки из Великого Устюга [12]. Устюжская черневая на серебре работа, называемая сегодня великоустюжской чернью, прославляла город с давних времен. В середине XVIII в. в Устюге даже существовала принадлежавшая купцу Попову целая фабрика по отделке серебряных изделий [13]. Другим предметом гордости Устюга, выставляемом не только на местных, но и на Нижегородской Макарьевской и Ирбитской ярмарках, были так называемые устюжские коробки. Они представляли собой шкатулки из выбеленного железа, украшенные вручную вырезанными металлическими фигурками. На крупных российских ярмарках устюжские коробки скупались «преимущественно для Азии грузинскими, персидскими и армянскими купцами» [14].

Немаловажной была роль ярмарок в снятии физического напряжения и психологического стресса, накопившихся в течение года, полного тяжелого и часто неблагоприятного труда. Здесь нужно особо отметить, что для населения дореволюционной России и, в частности, для крестьян, праздник был не менее богоугодным делом, чем работа. Важным аспектом праздников был способ выйти за пределы ежедневных забот и рутины, подняться над повседневностью со всеми ее невзгодами, трудностями, лишениями, обязанностями, социальным неравенством и несправедливостью, зависимостью от властей, и окунуться в мир радости, беззаботного веселья и свободы [15]. Вследствие того, что проведение ярмарок часто совпадало с местными религиозными праздниками, и сама ярмарка со временем стала ассоциироваться в сознании населения как праздничное действо.

Снять накопившийся стресс и физическое напряжение на ярмарках можно было двумя способами. Во-первых, через участие в различных играх и театральных действиях. Вместе с купцами на ярмарки приезжали самые разные «увеселители», которые строили дощатые балаганы и смешили публику знаменитым российским «петрушкой» [16]. О характере типичных для ярмарок балаганных представлений можно судить на основании текста афиши с ярмарки 1890 г. в Архангельске [17]. Организатором представления выступал «солдатский сын» Дмитрий Богданов, который, по собственным словам, предварительно пять лет учился у африканского акробата Залуэ-Кособи. Дмитрий Богданов «по примеру прочих» устраивал временный балаган на базарной площади; его представление, сопровождавшееся музыкой, включало следующие номера: «...большое акробатическое и гимнастическое увеселительное представление; антиспиритические магические фокусы; гимнастические упражнения на разных воздушных висячих предметах; разные комико-юмористические-фантастические пантомимы; выходы клоунов, шутов; разные римские игры; комические рассказы и куплеты из русско-еврейских, малороссийских и армянских бытов; балансирование, жонглирование разных предметов; геркулесские арабские львиные прыжки и воздушные сальгоморталы» [18]. Необходимо отметить, что ярмарочные представления особенно ценились неизбалованной северной публикой: в XIX в. даже в губернских городах не существовало особых развлечений (театров, концертов), и «единственным представителем искусств» нередко был «балаган с петрушкой» [19].

Традиционным зрелищем на Никольской и Алексеевской ярмарках в городе Пинеге была выставка лошадей и испытание их возкой тяжести – своего рода турнир, на котором выяснялось, чья лошадь более вынослива. Победителям этих состязаний вручались призы и премии [20]. Особенно популярно среди населения было «испытание возкою тяжести»: «...как только тронется лошадь и пойдет, конечно, нервически скоро, вслед за нею

летит почтенная публика сломя голову по глубокому снегу. И это повторяется за каждой лошадью. Тут услышите довольно горячие прения, так как крестьяне принимают горячо к сердцу подобные состязания» [21].

Основным развлечением на сельских ярмарках для молодежи были хороводы, игры и песни. Изначально все эти действия имели сакральный смысл, были «типичны и национальны». Однако уже во второй трети XIX в., особенно после реформ 1860-х гг., сакральный смысл был утрачен, и вместо «старинной хороводной песни» можно было услышать «речетатив из «Конька-горбунка»: братья сеяли пшеницу, да возили во столицу» [22].

Но в целом, по замечаниям этнографов, увеселительные представления не были типичны для ярмарок Европейского Севера России и практиковались, в основном, в крупных городах; как отмечал С.В. Максимов, «...здесь к этому не привычны» [23]. Характеризуя Никольскую ярмарку 1860-х гг. в г. Пинеге Архангельской губернии, П.П. Чубинский писал, что «...на время ярмарки нет никаких увеселений» [24]. А городские балы и «благородные собрания и у частных лиц» во время вологодской Январской ярмарки, по замечанию современников, не были типичны для вологжан и прививались в городе «как невольное и необходимое подражание тому, что заведено в других местах» [25].

Вторым способом снятия напряжения и стресса во время было приобретение к спиртному. При этом алкоголь не олицетворял собой пагубную страсть. Он, по мнению исследователей, выполнял в народной среде социальную функцию – укреплял солидарность, снимал и ослаблял межличностные противоречия; поэтому среди взрослых мужчин практически не было непьющих. Согласно статистическим данным, в пореформенное время 58% взрослых крестьян «пили при всяком удобном случае», а 11% – «всегда, когда были деньги» [26].

В будние дни потребление алкоголя было сильно ограничено строгим надзором полиции и органов местного самоуправления за нравственностью населения и существовавшими условиями розничной продажи алкогольных напитков. В обязанности уездных полицейских управлений входило тщательное наблюдение за тем, чтобы на подведомственной территории не происходило «пьянства и всякого разврата нравов» [27]. Волостное правление следило, чтобы «содержатели питейных заведений не вовлекали крестьян в невоздержанность... учреждением выставок в неуказанных местах и в недозволенные дни, допущением питейной продажи в постоянных дворах, или в частных домах, ...производством сей продажи в запрещенное время, отпуском напитков в долг или под заклад, заведением увеселений и т.п.» [28]. Сельский старшина должен был предостерегать крестьян от «лености, пьянства и других пороков, внушениями и увещаниями», а сельский староста старался «благоразумными внушениями... отвратить государственных

крестьян от праздности и неумеренного потребления крепких напитков, и поселять между ними склонность к трудолюбию и воздержанию» [29].

Согласно законам о торговле крепкими напитками, запрещалось продавать «распивочно» (то есть в розлив) вино и другие алкогольные напитки «малолетним и видимо пьяным» и допускать, чтобы покупатели напивались «до беспамьятства». Если кто-то все-таки сильно напивался, вся ответственность за его действия и жизнь «до вытрезвления» ложилась «на обязанности виноторговца». Продажа алкоголя запрещалась во время совершения крестных ходов и литургии, волостных и сельских сходов, разбирательств дел в волостных судах [30]. За тем, чтобы «во время божественной службы, не были открыты кабаки, шинки и подобныя заведения для продажи крепких напитков, и чтоб вообще в сие время около церквей не происходило неуместных увеселений, песен, пляски, шуму и других неприличий», следило полицейское ведомство.

В связи с этим становится понятно, что на ярмарках, которые обладали исключительным правом «устройства временных выставок» с алкогольными напитками, население широко использовало возможность потребления спиртных напитков [31]. «Питейные» балаганы и выставки «соблазнительно» занимали на ярмарке «все входы и выходы и лучшие места» и собирали вокруг себя большое количество народа. Типичная картина ярмарочных будней непременно имела «алкогольную составляющую»: «балаганы уже торгуют, карусели вертятся, городовые подбирают пьяных»; «народ... при барыше и накладе напивается донельзя, без церемоний толкается, шатается, валяется по всему базару и «любезными» русскому люду словами «угощает» встречных и поперечных»; «где ярмарка и выставки с водкой, народ не долго бодрится и церемонится, еще до обеда иной налижется донельзя»; «старшие перепиваются и заводят ссоры, чешут друг другу морды, без чего праздник не обходится, и угощают посетителей праздника» [32].

Торговля алкоголем на ярмарке была очень выгодна. К тому же продажа ряда алкогольных напитков – пива, портера и медовухи – не требовала уплаты «особого сбора» [33]. На Евдокиевской ярмарке 1863 г. в с. Благовещенском Шенкурского уезда Архангельской губернии, где в ходе ярмарки было открыто две харчевни и шесть «выставок» с водкой, «торговля оной (водкой. – *И.Л.*) шла успешно» [34].

За функционированием временных выставок с алкогольными напитками на ярмарках следила полиция и органы местного самоуправления. Служители полиции во время массовых скоплений народа, особенно во время «торгов, базаров и винных выставок» должны были пресекать все возникающие «ссоры, драки и другое буйство» [35]. Сельский староста следили, чтобы временные питейные выставки «не были открываемы преждевременно и продолжаемы далее установленного для них срока, и чтобы с на-

ступлением онаго, питья непременно были вывезены из селения» [36]. По закону продажа алкоголя разрешалась с семи часов утра и до одиннадцати часов вечера в городах и до десяти вечера в селах [37]. После этого времени на ярмарках «выставки с разными питиями» убирались, и «все пьяное» успокаивалось [38].

Велика была роль северных ярмарок как информационных центров и каналов формирования общественного мнения. Ярмарки собрали большое число участников различных социальных положений, приехавших из окрестных и отдаленных поселений, различных уездов и губерний. Каждый из них являлся носителем определенной информации, которой делился с окружающими в ходе ярмарки (особенно разнообразными сведениями обладали торговцы, круглый год переезжавшие с одной ярмарки на другую). Так, Январская ярмарка в Вологде служила «сосредоточением общественной жизни» не только Вологды, но и всей губернии и даже всего северного края [39]. На ярмарке в Тотьме был «такой шум, что чуть не заглушает звон колоколов: болтуни торговки перебивают одна у другой покупателей квасу и булок» [40]. Ярмарки до неузнаваемости преображали города и селения Европейского Севера России. «В сентябре месяце [1856 г.] я вернулся обратно в Архангельск и не узнал его», – писал С.В. Максимов, когда впервые увидел этот город в дни Маргаритинской ярмарки, – «шум и деятельность имели характер огромного людного базара. Народности спутались, расшумелись, занятые сосредоточенно собственными интересами» [41]. Сравнивая г. Пинегу Архангельской губернии в дни ярмарки и в будни, С.В. Максимов отмечал, что в обычные дни город выглядит «тоскливо, безлюдно, как и всякий другой архангельский городок, бедный средствами и скудный жителями». Когда же приходит время Никольской ярмарки, город «шумит, как вообще шумит русский человек, когда он очутится на полном просторе, на широкой, собственной нестесненной воле...» [42].

Ярмарка привлекала население универсальным набором культурных ценностей в сочетании с торгово-экономической составляющей и обладала удивительными свойствами, соединяющими и сглаживающими различия и противоположности людей и обычаев. Она примиряла все разногласия быстрее и производительнее любого другого случая встречи, так как нужно во что бы то ни стало продать и купить. Кроме того, театральные действия, зрелища, увеселения, товары были рассчитаны на всех, без разбора. Иными словами, всем и каждому предлагался один и тот же состав ценностно-окрашенных и облеченных авторитетом всеобщности «сигналов», что с неизбежностью производило эффект интеграции и унификации сознания. Различия между сословиями и народностями на ярмарке исчезали, все превращались в «честной люд», что позволяет рассматривать ярмарки в качестве прообраза системы массовой коммуникации [43].

Таким образом, ярмарки Европейского Севера России, с одной стороны, представляли собой четко организованное и структурированное в соответствии с законодательством мероприятие, призванное обеспечить условия товарообмена. Однако другой стороной ярмарки была ее стихийность, часто неподконтрольная органам власти. Ярмарка жила собственной жизнью в соответствии с традиционными представлениями народа и заключала в себе механизм удовлетворения всех основных его потребностей. Тем самым ярмарка являлась моделью, «микромиром» российской действительности, включавшим экономический, социальный, культурный и религиозный элементы, и вплоть до конца XIX в. оставалась универсальным средством для целостного и многостороннего развития не только отдельных регионов, таких как Европейский Север России, но и всей страны.

Литература и источники

1. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 252. Л. 3–4, 10–11.
2. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 1584.
3. Вологодские губернские ведомости. 1887 г. № 21.
4. Шадрин. Летние и зимние гулянья Шенкурского народа и околородных крестьян. Этнографический очерк // Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1865 г. Кн. 2-я. Архангельск, 1866. С. 64.
 5. Там же. С. 66–67.
 6. Вологодские губернские ведомости. 1839. 4 ноября. № 45. С. 358.
 7. Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 г. Архангельск, 1864. С. 118–119.
 8. Зырянин И.С. Тотма: Путевые замечания в трех письмах // Лучи. 1853. № 3, 5, 7. С. 166.
 9. Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 494–495.
 10. Дань старине // Вологодский справочный листок. 1914. № 655. С. 3.
 11. Архангельские губернские ведомости. 1853. 21 февр. № 8. С. 65.
 12. Описание пути от Петербурга через Вологду в Архангельск и обратно, чрез Петрозаводск. СПб., 1858. С. 35–36.
 13. Вологодские губернские ведомости. 1839. 22 апреля. № 17. С. 132–133.
 14. Вологодские губернские ведомости. 1839. 15 апреля. № 16. С. 127.
 15. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (18 – н. 20 в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 329; Фадеев А.В. Идеиные связи и культурная жизнь народов дореформенной России. М., 1966. С. 22–23.
 16. Дань старине. С. 3.
 17. ГААО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 1620. Л. 5.
 18. Там же. Л. 1.
 19. Дань старине. С. 3.
 20. Архангельские губернские ведомости. 1876. 28 января (9 февраля). № 8. С. 3.
 21. Чубинский П.П. Обзорение главнейших ярмарок Архангельской губернии // Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1865 год. Кн. 2-я. Архангельск, 1866. С. 245.

22. Вологодские губернские ведомости. 1887 г. № 21; Шадрин. Указ. соч. С. 66–67.
23. Максимов С.В. Указ. соч. С. 493.
24. Чубинский П.П. Указ. соч. С. 245; Эс. Ярмарка // Указ. соч. С. 3.
25. Вологодская Губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1850. Т. 2. Ч. 3. С. 253.
26. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (18 – н. 20 в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 457.
27. Свод губернских учреждений. Ст. 2750, 2768, 2769 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1857; Свод губернских учреждений. Ст. 1756, 1471, 1483 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1876; Свод губернских учреждений. Ст. 1756, 1471, 1483 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1892.
28. Свод губернских учреждений. Ст. 4981 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1857.
29. Свод губернских учреждений. Ст. 4982, 5117, 5120, 5193, 5215, 5236 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1857.
30. Свод губернских учреждений. Ст. 504, 505, 549 // Свод законов Российской империи. Т. 5. СПб., 1893.
31. Свод губернских учреждений. Ст. 521 // Свод законов Российской империи. Т. 5. СПб., 1893.
32. Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 г. Архангельск, 1864. С. 134; Шадрин Указ. соч. С. 66–67; Эс. Ярмарка // Вологодский справочный листок. 1910. № 31. С. 3.
33. Свод губернских учреждений. Ст. 535, 536 // Свод законов Российской империи. Т. 5. СПб., 1893.
34. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 9 об.
35. Свод губернских учреждений. Ст. 2750, 2768, 2769 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1857; Свод губернских учреждений. Ст. 1756, 1471, 1483 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1876; Свод губернских учреждений. Ст. 1756, 1471, 1483 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1892.
36. Свод губернских учреждений. Ст. 4982, 5117, 5120, 5193, 5215, 5236. // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1857.
37. Свод губернских учреждений. Ст. 549 // Свод законов Российской империи. Т. 5. СПб., 1893.
38. Шадрин. Указ. соч. С. 66–67.
39. Вологодская Губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 2. Ч. 3. СПб., 1850. С. 253; Дань старине // Указ. соч. С. 3.
40. Зырянин И.С. Указ. соч. С. 166.
41. Максимов С.В. Указ. соч. С. 542.
42. Там же. С. 495.
43. Левинсон А.Г. Социальная роль и художественное строение народных гуляний в столичных городах России XIX в. // **Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Традиционные формы досуга: история и современность.** М., 1993. С. 53–54.

М.Б. Рогачев (Сыктывкар)

**СЕМЕЙНЫЙ БЫТ МЕЩАН УСТЬ-СЫСОЛЬСКА
(XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)***

Семейный быт определяется как уклад повседневной жизни семьи, важнейший элемент семьи как социальной группы. Семейный быт включает деятельность по удовлетворению материальных и духовных потребностей семьи. Сферу семейного быта можно рассматривать как единство условий быта и бытовой деятельности.

Описание семейного быта населения Усть-Сысольска XIX – начала XX в. – единственного города на территории Коми края – по существу является описанием семейного быта немногочисленного коми городского населения того периода. В основном рассматривается семейный быт основного городского сословия – мещан.

Усть-Сысольск, получивший статус города в 1780 г., был типичным малым городом Российской империи. В 1825 г. население Усть-Сысольска составляло 1753, в 1856 г. – 3093, в 1910 г. – 5260 человек [1]. Подавляющее большинство жителей (около 90%) были коми. Сословный состав наличного населения в 1897 г. был следующим: духовенство – 3,8%, дворянство потомственное и личное, чиновники не из дворян – 6,9%, почетные граждане – 0,2%, купцы – 1,2%, мещане – 70,1%, крестьяне – 16,3%, прочие – 1,5% [2].

Население Усть-Сысольска не отличалось большой миграционной подвижностью. Например, по данным переписи 1897 г. 90,2% жителей Усть-Сысольска были уроженцами Усть-Сысольского уезда (к сожалению, не отмечено, сколько из них родилось в самом городе), 6,7% родились в других уездах Вологодской губернии и всего 3,1% – за пределами Вологодской губернии [3]. Малая миграционная подвижность населения являлась одним из факторов сохранения традиционного образа жизни.

Подавляющее большинство устьсысольцев входили в состав семей. Одиноких в городе было очень мало. Среди мещан, например, в 1816 г. они составляли 1%, в 1834 г. – 1,2%, в 1858 г. – 1,9%, в 1873 г. – 2,9%. В 1897 г.

* Работа публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

хозяйства одиноких составляли всего лишь 6% всех городских хозяйств. Это либо круглые сироты, либо приезжие, не успевшие вступить в брак и не имеющие в городе родственников [4].

Сведения о брачном состоянии горожан всех сословий можно почерпнуть из материалов Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Среди устьсысольцев старше 16 лет состояли в браке 56,6%, были вдовцами (вдовами) – 12,9%. В 17–19-летнем возрасте в браке состояли всего двое мужчин и 14 женщин (соответственно 1,8 и 8,8% от численности всех мужчин и женщин этой возрастной группы). Для группы 20–29 лет эти показатели, естественно, значительно больше – 38,9 и 64,3%. Но уже в этой возрастной группе 2 мужчин и 4 женщины были вдовыми. Среди тех, кому было 30–39 лет, состояли в браке 87,9% мужчин и 76,2% женщин, вдовцами были один мужчина и 25 (9,4%) женщин. Очевидно, что в более старших возрастных группах число состоящих в браке уменьшается, а вдовых – увеличивается. Так, в группе 40–49 лет в браке состояли 86,2% мужчин (вдовцами были 2,4%) и 65,4% женщин (вдовы составляли 21,4%), среди тех, кто был старше 50 лет, в браке состояли 76,1% мужчин и всего 38,9% женщин, зато вдовцами были 15,8% и вдовами – 48,0% (среди тех, кто был старше 60 лет – соответственно 20,8 и 55,0%) [5]. В Усть-Сысольске не было ни одного разведенного – разводы осуждались православной церковью и были чрезвычайно затруднены из-за законодательных ограничений.

В Усть-Сысольске преобладали односословные браки, что нетрудно объяснить, зная сословный состав населения и учитывая сословные перегородки между привилегированными и непривилегированными сословиями, определяемые понятием о престижности брака с представителями другого сословия, различиями в благосостоянии, уровне образования, образе жизни. Для примера приведем данные о браках представителей самого многочисленного сословия – мещан – за 1896–1900 гг. (по метрическим книгам городского Троицкого собора). Из всех браков с участием мещан односословные составляли 81,8%. Межсословные браки чаще всего заключались с крестьянами – они составляли 16,1% (в основном заключались браки с крестьянами близлежащих деревень Чит, Слобода, Кочпон, Вильгорт, причем почти всегда жених был горожанином, а невеста – крестьянкой). И всего 1,6% составляли браки мещан с представителями духовенства и купечества. Среди представителей духовенства, дворян, купечества межсословные браки встречались чаще, но заключались они в узком кругу привилегированных сословий [6].

Ранние браки были малораспространенными. В конце XIX в. средний возраст вступления в брак у мужчин был около 25 лет, у женщин – 21 год (у сельских коми он был примерно таким же). Судя по метрическим

книгам (самая ранняя относится к 1834 г.) и летописи Усть-Сысольского Троицкого собора, содержащей данные за начало XIX в., в Усть-Сысольске игралось 40–50 свадеб в год. Горожане, как и сельские коми, предпочитали играть свадьбы зимой. На зимние месяцы, самые свободные у мещан-земледельцев, приходится половина, а в иные годы – до 80% всех свадеб. Все зимние браки заключались в январе либо феврале, поскольку на декабрь приходится Рождественский пост.

В остальное время года (весной, летом, осенью) браки заключались уже не так часто как зимой и распределялись по годам довольно хаотично. По-видимому, какой-либо традиции заключения браков в эти времена года, связанной с хозяйственным укладом, верованиями, не существовало. Можно отметить, что весной заключалось меньше браков, чем летом и осенью. Главная причина в том, что на весь март и на часть апреля приходится семинедельный Великий пост (соответственно, почти все весенние свадьбы «умещались» в мае).

На лето, время интенсивных сельскохозяйственных работ, в разные годы приходилось от 15 до 30% браков. В отличие от села, где число летних браков было минимальным, для значительной части горожан сельскохозяйственные занятия не являлись основными. И тем не менее большинство летних браков приходится на июнь и июль, а не на август – самый напряженный месяц страды. По осенним месяцам браки распределялись примерно поровну [7].

Важными показателями семьи, связанными с семейным бытом, являются ее численность и состав. Изменения численности и состава можно рассмотреть на примере мещанских семей, используя материалы ревизий 1816, 1834 и 1858 гг. и список жителей Усть-Сысольска по сословиям и роду занятий 1873 г. [8]. Подобные документы конца XIX – начала XX в. отсутствуют, но для сравнения по некоторым показателям можно использовать материалы переписи населения 1897 г.

В первой половине XIX в. **наблюдается рост среднего размера мещанской семьи**: в 1816 г. в среднем в каждой городской семье насчитывалось 5,3, в 1834 г. – 6,9, а в 1858 г. – 8,3 чел. Но во второй половине XIX в. средняя численность мещанской семьи начинает уменьшаться. В 1873 г. она уже составляла 6,1 чел. По переписи 1897 г. в среднем на частное хозяйство приходилось 4,4 чел. (учитывались только лица, состоящие в родстве). Причем то же самое происходит и в селе. Соответственно, при росте численности и городского, и сельского населения, число семей в первой половине XIX в. почти не изменяется.

По численности все устьсысольские мещанские семьи можно разделить на малые (2–3 чел.), средние (4–5 чел.) и большие (шесть и более человек).

Таблица 1

Численность мещанских семей г. Усть-Сысольска, %

Численность семьи	Год			
	1816	1834	1858	1873
Малые семьи	21,8	17,4	11,4	20,7
Средние семьи	36,0	22,4	17,9	26,5
Большие семьи	41,3	60,2	70,7	52,8
в том числе				
из 6–9 чел.	36,7	40,8	38,5	40,9
из 10 и более чел.	4,6	19,4	32,2	11,9

В рассматриваемый период большие семьи всегда составляли большинство, а малые – уступали по численности и средним, и большим. Возрастание в первой половине XIX в. среднего размера семьи отражает рост доли больших и снижения – малых и средних семей. В 1850-е гг. этот процесс достигает апогея: численность больших семей почти в 2,5 раза больше, чем малых и средних вместе взятых, причем почти треть всех семей составляют имеющие численность в 10 и более человек. Такие большие семьи встречаются значительно чаще других, в то время как в 1816 г. больше всего было больших семей, состоящих из четырех (17,4%) и пяти (19,4%), в 1834 г. – из пяти (14,0%) и шести (12,8%) человек.

Начиная с 1860-х гг. доля больших семей постепенно уменьшается, хотя и в 1870-е гг. они еще составляли большинство. Процесс уменьшения семьи идет и после 1870-х гг., что подтверждают материалы переписи 1897 г. В Усть-Сысольске «хозяйства лиц, связанных родством» (без разбивки на сословия) из 2-3 человек составляли 30,7%, из 4-5 человек – 34,5%, из 6 и более человек – 34,8%. Почти полностью исчезают «супербольшие» семьи – в городе нашлись всего 2 семьи, включающие 11 и более человек [9].

По составу семьи делятся на простые, в том числе полные (с одной брачной парой) и неполные (без брачной пары), и сложные (с несколькими брачными парами).

Таблица 2

Состав мещанских семей г. Усть-Сысольска, %

Состав семьи	Год			
	1816	1834	1858	1873
Простые полные семьи	68,1	50,0	41,4	64,5
Простые неполные семьи	15,3	14,8	11,0	19,1
Сложные, с 2 брачными парами	15,4	28,6	34,2	11,3
Сложные, с 3 и более брачными парами	1,2	6,6	13,4	5,1

В Усть-Сысольске самым распространенным типом мещанской семьи была простая полная. Однако в первой половине XIX в. доля простых пол-

ных семей сокращается и в середине столетия даже становится меньше доли сложных семей, но затем опять возрастает, и простая полная семья вновь занимает первенствующее положение. Соответственно доля сложных семей сперва растет, причем очень значительно, а потом сокращается. В середине XIX в. нередкими были семьи с четырьмя и даже пятью брачными парами – они составляли 3,1% всех семей. Но в начале XX в. сложные семьи уже были редкостью, и встречались чаще всего в пригородных местечках.

Простая полная семья – это чаще всего родители с неженатыми (незамужними) детьми. Доля таких семей среди всех простых изменялась от 44,2% в 1816 г. до 33,6% в 1858 г. Часто также встречались семьи, состоявшие из супругов с детьми (иногда – бездетные) и одним из родителей мужа или жены (наибольший показатель – 13,2% в 1834 г., наименьший – 8,5% в 1858 г.). Примерно с той же частотой встречались такие же семьи, но еще и с боковыми родственниками (братьями, сестрами, племянниками одного из супругов). Реже встречались семьи, состоявшие только из супругов (7,1% всех простых семей в 1834 г. и 6,6% – в 1858 г.).

До брака дети жили вместе с родителями. Дочери после замужества уходили жить в семью мужа, навсегда покидая родительский дом (это одна из причин, по которой родители старались поозже выдать дочь замуж – семья теряла работницу). И только в исключительных случаях (например, если супруг был круглым сиротой или в родительской семье жены не было наследников по мужской линии) муж переходил в семью жены. В посемейных списках устьсыольских мещан почти не встречаются так называемые «семьи с зятем». Например, в 1816 г. их было всего семь. Как правило, какое-то время молодые жили в семье мужа (таким образом родительская семья на время превращалась из простой в сложную), но затем выделялись в самостоятельное хозяйство – так появлялась новая простая полная семья.

В первой половине XIX в. доля самых распространенных типов простых полных семей «брачная пара с детьми» и «брачная пара с детьми и одним из родителей мужа (жены)» в общей численности всех семей сокращается с 45,7% в 1816 г. до 21,4% в 1858 г. Это сокращение и определяет общее значительное уменьшение удельного веса простых полных семей, поскольку доля простых полных семей с боковыми родственниками почти не изменяется.

Доля простых неполных в общей численности семей была относительно стабильной. Большинство простых неполных семей (в разные годы – от 60 до 70%) – это один из родителей с детьми. Причем намного чаще встречались «материнские» семьи. Большинство неполных семей составляют молодые вдовы с детьми. Вероятно, какую-то небольшую часть неполных

семей составляли матери с внебрачными детьми. Добрачные половые связи и у городских, и у сельских коми были явлением обычным. И хотя рождение ребенка вне брака осуждалось общественным мнением, каждый год регистрировалось немало незаконнорожденных детей. Например, в 1836 г. незаконнорожденными (то есть рожденных у невенчаных родителей) были 11,1% новорожденных [10].

Сложные семьи можно разделить на две группы: «родительские» – семьи, в которых брачные пары принадлежат к разным поколениям, младшие связаны со старшей прямым родством (супруги с женатыми и неженатыми детьми и внуками); «братские» – семьи, в которых брачные пары относятся к одному поколению и связаны боковым родством (женатые братья с детьми). Доля «родительских» среди всех семей изменялась мало от 15,0% в 1816 до 18,1% в 1834 г. В начале XIX в. «родительские» составляли более 90% сложных семей, причем подавляющее большинство из них включали одну детскую брачную пару – это как раз такие «временные» сложные семьи, о которых говорилось выше. Но к середине XIX в. среди всех семей резко возрастает удельный вес «братских» – с 1,7% в 1816 до 17,1% в 1834 и 19,3% в 1858 г. В середине XIX в. они составляли 48,5% всех сложных семей.

Обращает на себя внимание такой факт: в 1816 г. практически все сложные семьи были либо «родительскими», либо «братскими», а к 1858 г. они вместе составляли только 76,7% сложных семей. Появляются новые группы сложных семей, производные от «братских». Это семьи, в которые, наряду с женатыми братьями входят их женатые дети (4,5% всех семей) и семьи с женатыми племянниками старшей брачной пары (6,5% всех семей), образовавшиеся после смерти одного из братьев.

Таким образом, в первой половине XIX в. происходит усложнение родственного состава семьи. Причем в селе также резко возрастает число сложных семей, усложняется их состав. И наоборот, во второй половине столетия идет сокращение удельного веса всех групп сложных семей. Уже в 1870-е гг. почти исчезают семьи с женатыми племянниками. В начале XX в., по сведениям информаторов, «братские» семьи почти не встречались. Почти все сложные семьи конца XIX – начала XX в. – хорошо знакомые нам «родительские» с одной детской брачной парой.

Такие изменения в составе семей объясняются тем, что резко пошло на убыль число семейных разделов. Безусловно, семейные разделы сдерживались экономическими причинами: нежеланием идти на раздел небольшого семейного земельного надела, большими затратами, связанными со строительством нового дома. В начале 1850-х гг. городская земля стала сдаваться в аренду, что могло «подтолкнуть» раздел семьи – отпала необходимость дробить семейный надел. И все же только экономическими причинами не объяснить резкий перепад в Усть-Сысольске доли сложных семей.

Усложнение состава дворянской семьи определялось прежде всего политикой правительства, направленной на ограничение семейных разделов. Такое ограничение связано с практикой формирования армии через рекрутские наборы (дворяне несли рекрутскую повинность). Рекрутская очередность семей определялась в зависимости от числа работников-мужчин. Из семей с одним работником-мужчиной рекрутов не брали, поскольку его потеря означала развал семейного хозяйства. Чтобы избежать рекрутчины, большие семьи иногда специально делились на малые. И в 1820–1830-е гг. самовольные разделы (без разрешения губернских властей) были запрещены [11].

Можно предположить, что часть больших семей существовала только на бумаге. К примеру, в 1872 г. дворянин Алексей Комлин обратился в Усть-Сысольскую городскую управу с просьбой выделить его в отдельный номер семейного списка, поскольку он уже 33 года имеет «разноместное жительство» со своими двоюродными братьями, и Вологодская казенная палата удовлетворила его прошение [12]. Вероятно, в рамках одной большой семьи существовало несколько отдельных семейных «хозяйственных ячеек». В 1874 г. рекрутчина была заменена всеобщей воинской повинностью, что сделало ненужным искусственное сдерживание разделов семей. По-видимому, уже с конца 1860-х гг. правительство смотрело на самовольные разделы сквозь пальцы. И устьсысольские дворянские семьи возвращаются к привычной структуре – вновь обычной становится семья, состоящая из родителей с детьми.

Показательно, что состав немногочисленных семей духовенства, служивого дворянства и купечества (сословий, освобожденных от рекрутской повинности) в течение XIX в. менялся очень незначительно. Значительно преобладали простые полные семьи типа «брачная пара с детьми», «брачная пара с детьми и одним из родителей».

Внутрисемейные отношения в дворянских и городских крестьянских семьях можно рассмотреть, основываясь на немногочисленных воспоминаниях устьсысольцев, записанных автором в 1980-х гг. Они характеризуют внутрисемейные отношения начала XX в.

Главой семьи был старший мужчина, отец семейства. Авторитет главы семьи в основном держался не на его старшинстве, «патриаршестве», а на вкладе в семейную экономику. Главенство в семье передавалось по мужской линии – от отца к сыну. Даже если после смерти отца старшей по возрасту в семье оставалась мать, она все равно не становилась главой семьи, если в семье были взрослые сыновья. Но надо подчеркнуть и такую деталь: пожилой, утративший первенство в работе отец, формально оставаясь главой семьи, фактически терял реальную власть, которая переходила к старшему сыну.

Первенствующая роль мужчины в семье поддерживалась государством и церковью. Мужчина представлял семью в мещанском обществе, имел право участвовать в выборах в органы городского самоуправления и занимать общественные должности, именно с него государство требовало налоги и повинности. В посемейных списках мещанских семей главой хозяйства всегда записывался старший мужчина. Вдовы записывались главой хозяйства только в том случае, если дети были несовершеннолетними.

Глава семьи имел решающее слово во всех семейных делах. Однако власть его не была абсолютной. Он был вынужден считаться с мнением других трудоспособных членов семьи, прежде всего, взрослых сыновей. Он, например, не мог единолично произвести раздел семейной собственности при выделении старшего сына в отдельное хозяйство или решить вопрос о размерах приданого для дочери.

Формально женщина занимала подчиненное положение в семье. Она должна была демонстрировать покорность мужу, не выходила без приглашения к гостям, не садилась с мужчинами за один стол (как правило, женщины ели немного позже, когда мужчины вставали из-за стола), и так далее. Но в реальности авторитет женщины-хозяйки был достаточно высок, и это было показателем того, что патриархальные внутрисемейные отношения в мещанской среде остались в прошлом. Он основывался опять же на ее вкладе в семейную экономику. По существу, на старшей женщине лежало все домашнее хозяйство, а в случае долговременной отлучки мужа на промыслах или в отходе она фактически руководила семьей. Женщине-матери отводилась и основная роль в воспитании детей. Ее мнение учитывалось и при коллективном обсуждении семейных проблем. В мещанских семьях существовала и своеобразная женская иерархия. Авторитет старшей женщины по отношению к женам сыновей был непрекращаемым. Она распределяла работу по дому, руководила «женским коллективом» и представляла его на семейном совете.

Важнейшим элементом и определяющим семейный быт, и являющимся отражением жизнедеятельности семьи является семейное жилище. В Усть-Сысольске, как и во всех малых городах Российской империи, многократно преобладала усадебная застройка. Лишь в конце XIX – начале XX в. на городских окраинах появилось несколько принадлежащих частным лицам двухэтажных «доходных домов», предназначенных для сдачи жилья внаем. В них селились приезжавшие на работу в город сельские жители, наиболее бедные горожане (но столь характерные для промышленных городов рабочие казармы, бараки и тому подобные строения в Усть-Сысольске отсутствовали). Такие дома имели по пять–шесть квартир на каждом этаже и были либо секционной, либо коридорной планировки.

Большинство жилых домов были домами семейными, центрами семейных хозяйств. Городской дом – это, как правило, жилище одной семьи. Разумеется, были богатые семьи, владевшие и двумя, и тремя домами (в 1873 г., например, они составляли 2,6% семей-домовладельцев) [13]. Очень мало было семей, не имеющих своих домов и «снимавших квартиры». Как правило, это семьи служащих, недавно поселившихся в городе. Через некоторое время и они обзаводились своим домом.

Кирпичные жилые дома были большой редкостью. Первые два таких дома были построены в начале XIX в. **богатой купеческой семьей Сухановых**. Долгое время число кирпичных частных домов не увеличивалось. В 1879 г. в Усть-Сысольске было семь кирпичных зданий (не считая церкви), из них всего три жилых. По «Ведомости о числе зданий» за 1894 г. в городе имелось 12 каменных (кирпичных) построек, в том числе четыре частных жилых дома. В начале XX в. число кирпичных жилых домов приблизилось к двум десяткам. Но даже в это время каменные дома всех типов составляли менее 1,5% городских построек [14].

Все кирпичные жилые дома принадлежали семьям купцов или торгующих мещан. Сами семьи такие дома не строили, поскольку строительство требовало определенной квалификации, а нанимали артели профессиональных каменщиков и столяров.

Деревянная застройка городских кварталов складывалась под влиянием «образцовых проектов» начала XIX в. **Наиболее типичными по планировке** домами городского центра были соответствующие «образцовым проектам» одноэтажные пятистенки и шестистенки-крестовики (во второй половине XIX в. в Усть-Сысольске появляются и двухэтажные деревянные жилые дома, составившие в начале XX в. более 15% жилых построек). На пригородные местечки правила застройки по «образцовым проектам» не распространялись, поэтому там и в конце XIX в. преобладали характерные для коми сел дома-связи (два стоящих рядом, но не вплотную, сруба, «связанных» между собой сенями, над которыми «состыковывались» односкатные тесовые покрытия обеих изб, образуя единую крышу) [15].

В Усть-Сысольске пятистенки, вероятно, появляются в начале XIX в. Пятистенок представлял из себя прямоугольный сруб под двускатной крышей, разделенный капитальной стеной на два помещения. В одной из них размещалась кухня с русской печью (использовалось и как жилое), во втором – жилая горница. Сени прирубались позади дома. Иногда часть их выгораживалась под кладовку. Возможно, такая конструкция дома была подсказана местным жителям приезжими русскими и довольно быстро получила распространение, поскольку она соответствовала «образцовым фасадам». И уже из городского центра пятистенок «перешел» сперва на го-

родские окраины, а затем и в коми село, где к концу XIX в. он стал одним из самых распространенных типов домов.

Шестистенки представляли из себя квадратный или прямоугольный в плане сруб под четырехскатной крышей, разделенный на четыре части двумя крестообразно пересекающимися капитальными стенами (они иногда ставились не по центру фасада). Обычно одно из четырех помещений служило сенями (часть их выгораживалась под кладовку), второе – кухней с русской печью и плитой, и два – жилыми горницами. В некоторых домах сени заменяло крыльцо-тамбур, обшитое досками – в таком случае получалось три жилые комнаты. Такие дома известны в Усть-Сысольске с середины XIX в.

И образ жизни, и занятия большинства горожан, и особенности городской жизни в целом оказывали влияние на организацию жилого пространства. В Усть-Сысольске, как и практически во всех малых российских городах, все дома строились «со службами», были центрами усадеб. Эти усадьбы, включавшие ряд жилых и хозяйственных построек, и составляли городскую застройку. Территория усадьбы и была двором, но двором семейным. Общих дворов, как в больших городах, Усть-Сысольск не знал.

Усадьбы жителей городского центра были обнесены невысокими глухими заборами, примыкающими к жилым домам, выходящими фасадами на «красную линию» улицы. Ворота располагались рядом с домом. Ворота, заборы – тоже влияние «образцовых проектов». В пригородах, по примеру сельских жителей, либо обходились вовсе без заборов, либо ограничивались «открытой» оградой – столбами с набитыми на них двумя-тремя жердями. При такой ограде нужды в воротах не было.

Хозяйственные постройки всегда располагались в глубине усадьбы. Характерной особенностью усадьбы жителя городского центра было то, что хозяйственные постройки строились отдельно от жилого здания. В отличие от жителей пригородов, указывавших в прошениях о строительстве домов, что у них «сарай» и «сеновал» будут «в одной связи» с избой, городские мещане писали, что собираются строить дом «со службами». Сначала это было непривычно для горожан, но «образцовые проекты» мало подходили для совмещения жилого здания и хозяйственного двора. А со временем такое «разделение» стало традицией.

Из усадебных построек городского центра, основываясь на прошениях на строительство, можно назвать погреб, амбар (часто они совмещались в одной постройке), скотный двор с сеновалом. Во всех усадьбах, как пригородных, так и городских, были бани. Очень долго даже у зажиточных семей бани топились «по-черному». Но в начале XX в. большинство бань уже были «белыми» (имели вытяжную трубу). У многих семей они состояли из двух отделений: «прачечной» и «мыльни».

Доля усадеб больших городских семей, особенно небедных, также весьма характерны флигеля, стоявшие отдельно от основного жилого дома. Они представляли из себя пятистенки или простой четырехстенный сруб, крытый «на два ската», и были меньше основного дома. Флигеля использовались как летняя кухня, жилье для гостей или прислуги, сдавались внаем. Иногда во флигель вселяли молодоженов, пока те не построят собственный дом.

Деревянные жилые дома и все хозяйственные постройки семьи возводили своими силами. Часто помощь в строительстве оказывали родственники. Некоторые семьи нанимали для строительства дома профессиональных плотников.

Городские власти следили не только за тем, чтобы все строения на усадьбе соответствовали принятым нормам, но и обязывали домовладельцев содержать в порядке участок улицы перед своим домом. Согласно «Обязательному постановлению Усть-Сысольской городской думы по предметам городского благоустройства» 1881 г., «улицы и площади домохозяева обязываются содержать постоянно в чистоте и опрятности, ... выметать улицы каждую неделю; ... тротуары и мостики против домов, ворот и заборов, равно перила, заборы, огороды и ворота содержать всегда в исправности, водосточные канавы и соединяющие их трубы содержать в исправности и незасоренными для свободного стока воды». Постановление предписывало семьям следить за соблюдением санитарных норм. Горожане должны были чистить колодцы «на тот предмет, чтобы в них не было гнилости», «отхожие места, помойные ямы и хлевы очищать не менее 2 раз в год: весною в марте месяце, а осенью в октябре и ноябре месяцах», и т.д. [16].

В Усть-Сысольске отсутствовали крупные промышленные предприятия. Промышленность была представлена мелкими полукустарными производствами. Например, в 1894 г. в городе было зарегистрировано шесть кожевенных, семь дегтекуренных и четыре кирпичных заводов, произведших продукции на 4 тыс. руб. В 1904 г. в Усть-Сысольске было семь кожевенных, семь дегтекуренных и три кирпичных завода, совокупный доход которых не превышал 6 тыс. руб. [17]. От ремесленных мастерских эти «заводы» отличались только тем, что размещались «отдельно от домов». Работали на них рабочие-сезонники, которых нельзя считать профессиональными промышленными рабочими.

В городе существовали и другие «работы по найму» – рабочие в ремесленных мастерских, торговых заведениях, прислуга. В 1863 г., например, «лиц, состоящих в прислуге» насчитывалось 151 человек. По переписи 1897 г. в Усть-Сысольске было 127 хозяйств, имеющих наемных работников и прислугу, причем в 82 из них в услужении находился один, в 36 – два, в восьми – четыре-пять и в одном – более пяти, а в общей сложности как минимум 200 чел. [18].

В Усть-Сысольске постепенно складывалась группа горожан, занимавшихся ремеслами. В 1815 г. отмечалось, что в Усть-Сысольске нет «никаких мастеровых, даже и необходимо нужных, как то: кузнецов, слесарей, столяров, тележных и колесных мастеров», а в 1839 г. по отчету городничего в городе числились три кузнеца, четыре красильщика, три сапожника, два портных и по одному столяру и каменщику. В 1855 г. в городе насчитывалось 52 ремесленника 12 профессий (портные, сапожники, кузнецы, плотники, столяры и т.д.). В 1894 г. горожане, «занятые в разных ремеслах», уже составляли заметную группу – 135 человек, к которым нужно добавить 57 рабочих и 47 учеников [19]. Большинство ремесленников работали «при своих домах», т.е. их деятельность составляла часть «семейной экономики».

Таким образом, во второй половине XIX в. в Усть-Сысольске складывается тип мещанского семейного хозяйства, в значительной мере ориентированный на получение доходов от работ по найму и занятий ремеслом. Уже в 1860-е гг. они составляли более 15% мещан, а к концу столетия эта группа составляла как минимум 25% представителей этого сословия.

Кроме того, около 10% горожан составляли представители купечества, духовенство, чиновники и служащие (включая в это число представителей интеллигенции), также малосвязанные или не связанные совсем с сельским хозяйством (в большинстве своем – русские). Вместе с вышеназванной группой мещан и крестьян они составляли значительную группу несельскохозяйственного населения.

Но даже семьи, получавшие основной доход от занятий ремеслами, торговлей, преподавательской деятельностью, службы в государственных учреждениях, полностью не порывали с сельскохозяйственными занятиями. Практически все семьи имели огороды, большинство – держали скот. При неразвитости торговли продуктами питания повседневного спроса прожить без коровы и огорода было очень трудно.

И все же самым распространенным на протяжении всего XIX – начала XX в. был тип комплексного семейного хозяйства с определяющей ролью земледелия и скотоводства и вспомогательной – охоты и рыболовства, различных ремесел и промыслов, отхода. Комплексность мещанского хозяйства определялась тем, что прожить только за счет сельскохозяйственных занятий было практически невозможно.

В составленных в 1815 и 1817 гг. обзорах Усть-Сысольска отмечалось, что устьсысольцы «по учреждении города сделавшиеся обывателями оного... не отстают от занятий крестьянских в противность правилам для городских жителей установленным», «будучи до открытия города с селения Устьсысольского из чернососных казенного ведомства крестьян и поныне... по неимуществу своему занимают единым хлебопашеством не

имея других ремеслов и промыслов к пропитанию себя и своих семейств». В 1841 г. из 3113 жителей «занимались хлебопашеством» 2233, т.е. 71,7% всего городского населения и фактически все мещане. В 1859 г. краевед Ф. Ежов отмечал: «Большая часть жителей города занимается земледелием и живет при своих полях» [20].

При преобразовании Усть-Сысольска в городское поселение, территория, выделенная городу как административной единице, стала его собственностью. Пашенные земли и сенокосные угодья составляли небольшую часть городской территории. В 1795 г. из 14292 дес. 1366 саж. городской земли пашня занимала всего 782 дес. (5,5%), а сенокосы – 897 дес. (6,3%) [21]. За пользование землей устьсысольцы платили в городскую казну «оценочные сборы», причем доходы «с общественных земель, состоящих в городской даче, отдаваемых купцам и мещанам под хлебопашество и сенокосение» составляли около 45% доходной части городского бюджета [22]. Фактически эти небольшие земельные наделы находились в наследственном семейном пользовании – земля передавалась по наследству, покупалась и продавалась.

В 1853 г. Вологодское губернское правление предписало находящуюся в пользовании устьсысольцев пашенную и сенокосную землю разделить на участки и сдавать их с публичных торгов в оброчное содержание с правом выкупа земли в собственность. На практике это означало повышение платы за землю и перераспределение городского земельного фонда. В 1855 г. состоялись первые торги, на которых было отдано в оброчное содержание на 12 лет 117 участков. Фактически горожане стали арендаторами собственной земли [23].

Число горожан-земледельцев стало сокращаться, поскольку малоимущие семьи не смогли платить за аренду пашенных и сенокосных участков и вынуждены были довольствоваться огородами. Причем удельный вес пашенной земли в общем земельном фонде даже уменьшается, но зато значительно расширяются сенокосы (от содержания скота горожане отказаться просто не могли). В 1861 г. арендовали землю около 400 мещан и 15 купцов, в 1866 г. – 444 горожанина (по приблизительным подсчетам около 80% мещанских семей). Земельные наделы мещанских и крестьянских семей сократились – в среднем на семью приходилось 0,8 дес. пашни и 2-3 дес. сенокосов. Частные земли (в основном сенокосы) составляли менее 10% всех пашенных и сенокосных угодий. В частную собственность в основном выкупали землю дворяне и купцы (на долю представителей этих сословий приходилось около 70% частной земли). Большую часть частных земель их владельцы сами не обрабатывали, а сдавали в субаренду за часть урожая или оплату деньгами [24].

Все устьсысольские семьи как мещанские и крестьянские, так и купеческие с чиновничьими, имели огороды, хотя ни для кого ого-

родничество не было основным занятием. Грядки занимали всю свободную усадебную землю, а у многих мещан еще были огороды «при полях». Обычно большую часть земли отводили под брюкву и репу (в первой половине XIX в. это был «второй хлеб» горожан), обязательно выращивали капусту, морковь и горох. С 1840-х гг. основной огородной культурой становится картофель.

Практически все мещанские и крестьянские и многие семьи других сословий держали домашний скот. В 1897 г., например, на 924 учтенных по переписи населения городских семьи приходилось 4085 голов скота (в среднем на семью – более четырех голов): 700 лошадей, 1690 бычков и коров, 1620 овец, 40 свиней и пять коз. В 1904 г. городское поголовье скота насчитывало 3576 голов, из них 561 лошадь, 2009 бычков и коров, 1002 овец и коз и всего четыре свиньи. Домашнюю птицу почти никто из горожан не держал (у кого вообще птицеводство не было развито). Лишь в семьях чиновников и духовенства, по преимуществу русских, держали кур, но в очень небольших количествах [25].

В число исконных занятий мещанских семей входили охотничий и рыболовный промыслы. Ужение рыбы и ружейная охота были излюбленными занятиями многих городских служащих. Но для них это был способ проведения досуга, своеобразный спорт.

Можно предположить, основываясь на «сельском» прошлом города и значительном развитии добывающих промыслов в окружающих районах, что, в первой половине XIX в. **охота и рыболовство занимали существенное место** в хозяйственном комплексе мещанских и крестьянских семей, а охота на боровую дичь и пушных зверей (прежде всего, на белку) имела промысловый характер. Во второй половине XIX в. **с ростом населения**, развитием лесозаготовок, переходов значительных лесных массивов в частную собственность, их значение стало падать. В 1860–1870-х гг., по воспоминаниям Бердникова, «охота и рыбная ловля горожан носили более любительский характер, чем промысловый» [26].

В отличие от охоты, рыболовство никогда не было товарным. Мещане и крестьяне ловили рыбу исключительно «для собственного потребления». Горожане могли свободно ловить рыбу в реках Сысола и Вычегда. «Городские рыболовные места» на озерах и протоках сдавались в аренду сроком на три года. Согласно кондициям (условиям) городской думы «на содержание рыболовных мест на озерах и истоках, принадлежащих г. Усть-Сысольску», каждый желающий мог получить в аренду не более трех озер и истоков, с оплатой ее в «три срока», внося деньги ежегодно в начале года. Арендатор получал исключительное право лова и владел озером или протокой «как собственностью». Сдача в аренду производилась с «торгов с переторжкой». Однако из-за высокой арендной платы желающих участвовать в

торгах было мало. Так, в торгах, состоявшихся в 1862 г., участвовали всего три купца и три мещанина, причем на большинство «рыболовных мест» заявок так и не поступило [27].

Большинство мещанских и крестьянских городских семей являлись трудовыми микроколлективами, осуществлявшими производственную деятельность в рамках семейного хозяйства. Трудовая деятельность составляла существенную часть семейного быта, определяла ежедневный и годовой цикл семейного бытия.

В устьсыольских мещанских семьях день начинался рано. В 4-5 часов утра хозяйки растапливали печи, начинали готовить еду. Пища готовилась сразу на целый день и все время находилась в печи. До завтрака хозяйкам надо было еще прибраться в доме, подоить корову, задать корм скоту. Часов в 6-7 вся семья собиралась за общим столом на завтрак. Разговаривать за столом было не принято. Сначала хозяйка подавала суп в большой миске, из которой хлебали по очереди, начиная со старшего мужчины. Если суп был мясным (что в будние дни случалось довольно редко), то сначала ели бульон, а затем, отдельно, мелко нарезанное мясо. За супом следовала вареная картошка или каша. Еду запивали молоком или квасом. В постные дни горожане ограничивались растительной пищей: вареными овощами, кашей на воде, квасом, рыбой. В некоторых семьях рано утром ели только хлеб и молоко, а полный завтрак (обед) подавался в 9-10 часов.

После завтрака начинался рабочий день. В середине рабочего дня, часов в 12-14, устьсыольцы делали перерыв на обед. Обед (пажин), как и завтрак, состоял из 3-4 блюд, обязательно горячих. Летом, во время страды, часто обедали прямо в поле или на лугу принесенной из дома готовой едой или сваренными на костре супом и картошкой. Вместо чая пили отвар из листьев малины, брусники или смородины, прекрасно утолявший жажду.

Рабочий день продолжался примерно до 19 часов, когда горожане, закончив большинство основных дел, ужинали. На ужин, как правило, подавалось то, что осталось после обеда и завтрака. После ужина доделывали мелкие дела по хозяйству, женщины занимались рукоделием. На отдых времени почти не оставалось. Спать ложились не позже 22 часов.

В семьях мещан-земледельцев издавна сложилось внутрисемейное разделение труда, во многом определявшее место каждого члена семьи во внутрисемейной иерархии. В обязанность мужчин входили наиболее тяжелые работы – строительство и ремонт дома и других построек, изготовление орудий труда, заготовка дров, охота и рыбалка. Мужчины в поисках заработка уходили в отход, нанимались на лесосплав, занимались ремеслами. Женщины делали большую часть работы в огороде, ухаживали за коровами, овцами (за лошадьми по традиции ухаживали мужчины). Они часто работали вместе с мужчинами – в поле и на сенокосе, на рыбной

ловле и на лесоразработках. Хозяйственные заботы для женщин стояли на первом месте, и только на втором – воспитание детей.

Дети из «простых семей» с малых лет приобщались к труду. Мальчики и девочки с 6-7 лет уже имели определенные обязанности по дому: ухаживали за младшими братьями и сестрами, пасли скот, собирали грибы и ягоды. Дети постарше помогали родителям в поле, на огороде, на сенокосе и к 14-15 годам на практике овладевали всеми необходимыми видами работ. В семье на них и смотрели как на полноценных работников.

В первой половине XIX в. почти никто из мещанских и крестьянских детей не учился в школе. Причина не только в том, что в Усть-Сысольске было мало школ. Большинство мещан и городских крестьян, будучи сами неграмотными, не понимали ценности образования, считали, что школа лишь отрывает детей от хозяйства, и неохотно отдавали их учиться. Учитель Усть-Сысольского уездного училища Е.Кичин в середине XIX в. отмечал: «В рассуждении образованности здешних граждан можно с точностью разделить их на торгующих людей и земледельцев. Первые, занимаясь торговлею, обрусели и отчасти понимают пользу грамотности, последние же все свое насущное достояние полагают в одном благоустроенном земледелии» [28]. В 1845 г. штатный смотритель уездного училища пожаловался в Городскую думу на нежелание мещан отдавать детей учиться. Дума приняла меры: «собрав у здешних мещан празднующихся детей» в количестве 8 человек, препроводила их со своим отношением к «господину смотрителю» [29]. Очевидно, что такими мерами поднять престиж образования было невозможно.

Во второй половине XIX в. ситуация изменилась в лучшую сторону. В 1910 г. в 10 школах Усть-Сысольска обучалось 972 чел. (500 мальчиков и 472 девочки) из города и села – более чем в 5 раз больше, чем в середине XIX в. И тем не менее школу посещали не более 40% городских детей [30].

Главным делом для большинства мещанских и крестьянских семей были земледельческие заботы. Подготовка к полевым работам начиналась еще зимой. Надо было починить орудия труда, подготовить их к работе. Ранней весной по снегу начинали возить на поля накопленный за зиму навоз (часть его вывозили еще осенью). Это была очень тяжелая, но необходимая работа – надо было сделать десятки поездок на дальние поля. Мужская часть семьи посвящала этому делу не одну неделю.

В конце апреля начале мая, смотря по погоде, вся семья выходила на пахоту и сев яровых. Пахали земля плугом или сохой (чаще сохой, плуги были в очень немногих зажиточных семьях, сдававших их в аренду). Эта работа была тяжелой и выполнялась взрослыми членами семьи. Сеяли вручную, из туесов (коробов). Затем боронили поле деревянной бороной. В середине-конце мая, если не было каких-либо сюрпризов погоды, с севом яровых заканчивали. В это же время, в апреле-мае, много времени у горо-

жан отнимал огород: надо было готовить землю, сажать картошку и другие овощи.

Июнь для горожан был относительно спокойным месяцем. Но уже в начале июля, как правило, начиналась сенокосная пора (бывало, что из-за дождей начало сенокоса откладывалось до конца июля и даже начала августа). Покосы у большинства горожан находились далеко от дома, за рекой Сысола. Поэтому в сенокосную пору многие горожане неделями жили «при сенокосах», возвращаясь домой только в воскресенье – помыться в бане, отдохнуть.

На сенокосе работали всей семьей. Взрослые члены семьи косили траву косами-горбушами. Женщины и дети сгребали подсохшее сено в копны, а мужчины ставили стога. В сенокос некоторые бедные горожане подрабатывали, нанимаясь в косцы к зажиточным горожанам. По-видимому, такой наем был делом обычным. В 1901 г., например, «средняя цена косцу» была 80-90 копеек, а в разгар сенокоса доходила до 1 руб. 45 коп. в день «на хозяйских харчах». Женщинам платили значительно меньше – по 30-40 коп. в день [31].

Самым напряженным временем в жизни мещан и городских крестьян были август – первая половина сентября. Надо было как можно быстрее убрать хлеб – урожай могли погубить дожди, ранние заморозки, и тогда – голодная зима и весна. Закончив уборку, брались за сев озимых. Потом наступало время убирать картошку, капусту, другие овощи. И только в конце сентября заканчивалась горячая земледельческая страда.

Разумеется, летняя и осенняя семейная трудовая деятельность была связана не только с земледелием. Средняя по достатку мещанская семья держала лошадь, две-три коровы, несколько овец и другую живность. Они также требовали постоянных забот. Женщины и дети занимались заготовкой ягод и грибов.

В зимнее время хозяйственных забот у городских обывателей было меньше. Однако оставались многочисленные заботы о домашнем хозяйстве. Постоянного ухода требовал скот, в частности, нужно было регулярно ездить за сеном, оставшимся на пожнях в стогах. В долгие зимние вечера женщины пряли, вязали впрок носки и варежки, мужчины столярничали. Зима – время, когда часть горожан и жителей пригородных деревень (в частности, Вильгорта), уходили в отход. Те, кто обладал навыками в каком-нибудь ремесле, шли по деревням, добираясь до верховьев Сысолы и Вычегды, предлагая свои услуги местным жителям. Часть нанималась на лесоразработки, заготовку дров.

Осень и зима – время, когда мужчины занимались охотой. Охотничий сезон делился на две периода: с сентября по конец ноября начало декабря, когда добывали боровую дичь и белку, и с конца января по конец марта, ког-

да охотились преимущественно на пушных зверей. Как уже упоминалось, для горожан охота довольно рано перестала носить профессиональный характер и стала любительской. Устьсысольцы в первый период больше охотились на рябчиков, тетеревов, зимой ходили на зайцев. Обычно охотились с ружьем, реже ставили волосяные петли (лэч). О применении каких-либо других волосяных орудий нам неизвестно.

На охоту обычно уходили на день, реже – на несколько дней. Вероятно, в конце XIX – начале XX в. уже почти ни у кого из горожан не было наследственных, оборудованных избушками охотничьих угодий. Если охотник уходил в лес на несколько дней, то ночевал у костра или заходил на ночлег в близлежащую деревню. Охотились чаще всего в одиночку или с напарником. Нам не известно, чтобы в городе образовывались охотничьи артели для дальнего промысла, в то время как такие временные объединения охотников широко практиковались во многих местах Коми края, особенно в удорских, печорских и верхневычегодских селениях, где охота дольше, чем в других местах сохраняла значение основного неzemледельческого промысла.

Рыбной ловлей мужчины занимались практически круглый год. Рыбу ловили на реках Сысола и Вычегда, а также на старичных озерах, соединяющих их с реками протоках, небольших речках и ручьях. Горожане использовали самые разные сетные орудия лова (ставные, тягловые и плавные) и рыболовушки («морды», вентери и другие), устанавливаемые при «запорах» (заграждениях из кольев, перегораживающих небольшие реки и протоки). Наверное, применялись и такие способы ловли как лучение и глушение, ловля на перемет и дорожку, хорошо известные у вычегодских и сысольских коми, но сведений об их применении в городе не сохранилось. Обычно на рыбалку на дальние озера уходили на два-три дня, жили в шалашах. Владельцы «рыбных мест» обычно ставили на своих угодьях небольшие избушки и сараи для хранения сетей.

Работа составляла основное содержание жизни устьсысольских обывателей. В обычные дни ею было заполнено практически все время за исключением часов, отводимых на сон и еду. Только труд, тяжелый, изматывающий, ежедневный, мог обеспечить городским обывателям прожиточный минимум, позволял сводить концы с концами.

Свободное время, т.е. вне рабочее время, оставшееся у человека за вычетом часов, затраченных на необходимые работы по дому, у горожан было очень незначительным. Причем многие устьсысольцы считали отдыхом такие занятия как прядение, вязание, охота, рыбалка. По сравнению с земледельческими работами, требовавшими больших физических затрат, их действительно можно считать отдыхом, но время, затраченное на них, в свободное включать нельзя, так как заниматься, к примеру, вязанием го-

рожанки были вынуждены: теплые варежки и носки в магазинах не продавались, а обойтись без них при холодах, длившихся 4-5 месяцев в году, было невозможно.

Одни день в неделю, воскресенье, в устьсысольских семьях считался выходным. Но для мещан, которые нигде не «служили» и не были скованы рамками «урочных часов», этот выходной был относительным. Летом, например, в разгар земледельческих работ, большинство семей его не соблюдало. В воскресные дни горожане вставали не позже обычного, с рассветом. После завтрака надевали парадную одежду и шли в церковь на воскресную службу. Этим, собственно, выходной и исчерпывался. И хотя церковь предписывала не работать в воскресные дни, после службы горожане возвращались к своим обычным хозяйственным занятиям.

Одним из любимых, да и к тому же весьма полезных, видов отдыха горожан была баня. Баню обычно топили один раз в неделю, в субботу, а летом – чаще, два-три раза. Однако находились любители, которые устраивали себе банные дни по четыре и даже по пять раз в неделю. В бане не столько мылись, сколько парились. «Баннный ритуал» был такой: сначала 5–10 минут хлестались березовыми или пихтовыми вениками, затем обливались холодной водой, а зимой прямо на улице обтирались снегом. И так в несколько заходов. Затем мылись горячей водой, обычно используя вместо мыла щелочь, а вместо мочалки – баннный веник.

В городских, как и в сельских семьях, отмечались семейные события, связанные с основными вехами жизненного пути человека. Это рождение ребенка, свадьба, кладущая начало новой семье, и, наконец, уход в мир иной.

Краткие описания семейных обрядов составлены по устным воспоминаниям, относящимся к началу XX в. и записанным автором в 1980-е гг. К сожалению, более ранние материалы отсутствуют, и мы не можем сказать, как менялась городская семейная обрядность.

Такое важное событие в жизни семьи как рождение ребенка отмечалось скромно. В день рождения родственники, знакомые приходили в дом поздравить родителей, пожелать ребенку здоровья, счастливой жизни, приносили небольшие подарки: иногда это было что-то из покупных лакомств, иногда – серебряная монета «на зуб». Родители угощали гостей самодельным пивом. Но устраивать в этот день праздничное застолье не было принято.

Для семьи более знаменательным был день крещения ребенка. Совершение обряда крещения было обязательным и с православной, и с государственной точки зрения. Священник делал соответствующую запись в метрической книге городского Троицкого собора (другие храмы Усть-Сысольска были приписными, священников не имели и свои метрические книги не вели), тем самым официально регистрируя новорожденного. В записи указывались две даты – рождения и крещения, – имена родителей

и восприемников (крестных). Приглашение стать крестными отцом и матерью считалось почетным, но и ответственным – они почитались как «вторые родители» и принимали на себя обязанность опекать своего крестника.

Обычно крестили на следующий, максимум – на четвертый-пятый день после рождения (в селах из-за удаленности некоторых селений от храма нередко между рождением и крещением проходило и две, и три недели). Имя для ребенка выбиралось по Святым, но вовсе не обязательно его называли в честь того святого, чья память отмечалась в день рождения, крещения или ближайšie дни. После крещения все направлялись в дом родителей, где выставлялось скромное угощение.

Дни рождения во многих устьсысольских семьях не отмечались. Праздновались именины – день святого, в честь которого назван человек (поскольку таких дней могло быть несколько, выбирался один – тот, который ближе всего ко дню рождения или совпадал с ним). В этот день приглашались гости – в основном родственники и кое-кто из соседей, устраивалось праздничное застолье, к которому хозяйки пекли пироги и другую выпечку, варили пиво. Дарить подарки на именины не было принято.

В городе все браки заключались по сватовству. В роли сватов обычно выступали родители или крестные жениха. Часто их сопровождала сваха (в Усть-Сысольске было несколько «профессионалов» по этой части). Обычно парень и девушка сами договаривались о свадьбе, а затем спрашивали согласия родителей. Формально их слово было решающим. Прежде чем дать согласие, родители наводили справки о хозяйстве будущих родственников, характере и здоровье невесты. Ведь в представлении устьсысольцев брак был весьма серьезным «хозяйственным мероприятием». Семья жениха получала новую работницу и приданое. И только после такой «разведки» родители давали согласие на сватовство.

Если сватовство оказывалось удачным, то через несколько дней в доме невесты устраивалось рукобитие («пропивание невесты»), во время которого родители невесты подтверждали согласие на брак и договаривались с родителями жениха о приданом. В городе приданому придавали меньшее значение, чем в селе, и тем не менее оно считалось обязательным (без приданого выдавали невест только в очень бедных семьях). Большинство семей ограничивалось небольшой суммой денег и какими-либо вещами (мебелью, одеждой). Но, разумеется, в семьях побогаче оно было более солидным: за невестой давали корову или несколько овец, до десятка возов сена и т.д.

Свадьба обычно устраивалась через месяц после рукобития. Накануне свадьбы в доме невесты собирались ее подруги, друзья жениха на девичник (сам жених приезжал позже, привозил подарки). Это был вечер, когда невеста прощалась с родительским домом. Он ничем не отличался от обычной

вечеринки с песнями, играми и танцами. В городе уже было забыто старинное обрядовое оформление девичника, в том числе и оплакивание невесты.

Утром в день свадьбы жених с родными, «друзжками», друзьями приезжал за невестой. В дом его сразу не пускали, требовали выкуп, и только после того, как жених через «друзжек» откупался спиртным и деньгами, он мог войти к невесте. Из дома невесты свадебный поезд направлялся в церковь, а после совершения обряда венчания – в дом жениха, где проходил свадебный пир. Молодых встречали родители жениха с хлебом-солью и иконой. При входе молодых в дом их обсыпали зерном и мелкими монетами: считалось, что это обеспечит достаток в доме, много детей. После этого все садились за праздничный стол. Когда свадебный пир был еще в разгаре, молодых отправляли спать.

Свадебные гуляния продолжались и на следующий день, причем не обязательно только в доме жениха. Утром молодые шли в баню, а затем вместе с гостями садились за стол. На второй день происходило взаимное одаривание подарками. Через несколько дней молодые приходили в дом родителей молодой жены, приносили им подарки. Их встречали угощением (обязательно пекли блины). На этом свадебные торжества и заканчивались.

По описанию заметно, что свадебные обычаи мещан в принципе не отличались от обычаев коми сельского населения. Но, по всей вероятности, в начале XX в. многие свадебные обычаи, обряды, еще достаточно стойко сохранявшиеся в селе, в городе постепенно исчезают, свадебный обряд, оставаясь тем же по структуре, обедняется, упрощается.

Значительно больше старинных элементов, связанных с культом мертвых, культом предков, сохраняется к началу XX в. в похоронно-поминальном обряде. Причем, если смысл свадебных обрядовых действий многие горожане знали уже плохо, то «знаки» похоронно-поминального обряда они «читали» без труда.

Обмывали покойного пожилые люди, как правило, родственники, одного с ним пола. Посуду, из которой обмывали умершего, и стружки от гроба обязательно уничтожали – считалось, что они могут принести беду. А мыло, наоборот, сохраняли – оно, по представлению горожан, обладало лечебными свойствами.

Покойника одевали в специальные погребальные одежды, сшитые обязательно из белого материала. Под голову клали небольшую набитую ватой подушечку или веники. В руки вставляли зажженную свечу. В гроб с покойным обязательно клали некоторые его личные вещи, иногда еду (каравай хлеба, пирог), мелкие монеты. Считалось, что эти вещи пригодятся ему по пути в загробный мир, куда после смерти переселяется душа покойного.

Обычно отпевали в церкви и хоронили на 2-3 день после смерти. Пока покойный находился в доме, зеркала держали завешенными, окна – закры-

тыми, для души умершего ставилось угощение. Все это время около покойного находился кто-либо из родных. Священник или кто-либо из пожилых людей читали молитвы.

Считалось, что мертвый может нанести вред живым, испугать их. Поэтому в темное время горожане остерегались проходить мимо дома, в котором лежит покойник. Но существовали «верные» способы избежать неприятных последствий общения с умершим: надо было дотронуться до его пятки или пролезть под столом, на котором стоит гроб.

Гроб с покойным выносили из дома близкие родственники. После выноса гроба дверь запирали, чтобы душа покойного не вернулась. Обычно, если кладбище было рядом, гроб до могилы несли на руках, если далеко – везли на телеге летом, на санях – зимой. Нести венки или цветы не было принято.

Обычно отпевали в Вознесенской Кирульской церкви при кладбище. После отпевания и выноса из церкви, гроб устанавливался у края могилы на помосте из нескольких досок. Все присутствующие по очереди, начиная с близких родственников, подходили прощаться с покойным. Гроб в могилу опускали на полотенцах, которые затем разрезали на куски и раздавали нищим. Под углы гроба подкладывали чурбачки, чтобы он не стоял на земле. Перед тем, как засыпать могилу землей, в нее кидали монеты и комки земли. Над могилой устанавливали деревянный крест. Только состоятельные семьи заказывали каменные (гранитные, мраморные) памятники (обычная их форма – невысокая стела на прямоугольном постаменте).

После возвращения с кладбища устраивались поминки со скромным угощением, на которые приходили родственники и друзья покойного, а также обязательно приглашались те, кто копал могилу (по православному канону первые поминки устраивались в третий день «по кончине» и обычно совпадали с днем похорон). Кроме этого, умершего обязательно поминали в 9-й и 40-й дни, а некоторые и в 20-й (последние поминки на санкционированы церковью), через полгода и в годовщину смерти.

Наиболее торжественно отмечались поминки на 40-й день после смерти. В этот день родные и близкие собирались в доме покойного «проводить душу». На почетном месте под божицей душе усопшего выставлялось угощение. Через некоторое время гости, закусив и выпив, обходили вокруг стола и целовали икону, которую держала кто-либо из женщин (обязательно не из числа родственников). Женщину одаривали и проводжали до ворот. Больше она на поминки не возвращалась. Очевидно, что именно этот обряд и символизировал прощание с душой покойного.

Кроме того, горожане, как это было принято издавна, несколько раз в году отмечали «родительские дни» – поминовения всех умерших предков. Обязательно полагалось сходить на кладбище в «родительскую субботу»

перед Троицей и в Петров день. В эти дни на кладбище собиралась вся семья. Поочередно обходили могилы близких (определенных правил обхода не было, но обычно начинали с могил родителей), у каждой устраивали поминальную трапезу, причем принесенную с собой еду (пирог, вареное мясо) и посуду с пивом и вином обязательно раскладывали и расставляли на могильном холмике. Часть еды и питья обязательно оставляли на могиле, часть – раздавали нищим.

Краткий обзор семейного быта основного городского сословия показывает, что в нем много общего с семейным бытом сельских коми, что во многом определяется схожестью бытовых условий и хозяйственного комплекса городского мещанского и сельского крестьянского населения.

Литература и источники

1. Статистическое изображение городов и посадов Российской Империи по 1825 год. СПб., 1829. С. 82; Статистические таблицы Российской Империи за 1856 год. СПб., 1858. С. 18; Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 2.
2. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. VII. Вологодская губерния. Тетрадь 2. СПб., 1904. С. 30–31.
3. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. VII. Вологодская губерния. Тетрадь 2. С. 2.
4. НАРК. Ф. 343. Оп. 1. Д. 5, 9, 19; Ф. 6. Оп. 1. Д. 4; Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. VII. Вологодская губерния. Тетрадь 1. СПб., 1901. С. 7.
5. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. VII. Вологодская губерния. Тетрадь 2. С. 16.
6. НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 151. Л. 46–55; Д. 168. Л. 54–67; Д. 186. Л. 40–47; Д. 204. Л. 46–60; Д. 222. Л. 41–55.
7. НАРК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 37, 48, 109, 131, 220; Ф. 254. Оп. 1. Д. 68, 222, 318.
8. НАРК. Ф. 343. Оп. 1. Д. 5, 9, 19; Ф. 6. Оп. 1. Д. 4.
9. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. VII. Вологодская губерния. Тетрадь 1. С. 4.
10. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 785. Л. 103.
11. Рогачев М.Б. Коми городская мещанская семья в XIX веке (на материалах г. Усть-Сысольска) // Вопросы этнографии народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 123–139 (Тр. ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 32).
12. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 15. Л. 1, 7.
13. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4.
14. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 327. Л. 38; Д. 923. Л. 12.
15. Рогачев М.Б. Жилая застройка г. Усть-Сысольска в XIX – начале XX в. // Генезис и эволюция традиционной культуры коми. Сыктывкар, 1989. С. 16–30. (Тр. ИЯЛИ Коми НЦ УрО АН СССР. Вып. 43).
16. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3854. Л. 20, 21.
17. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1270. Л. 57; Д. 1344. Л. 9.

18. Памятная книжка Вологодской губернии на 1864 год. Вологда, 1864. С. 37; Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. VII. Вологодская губерния. Тетрадь 1. С. 56.
19. РГИА. Ф. 560. Оп. 1. Д. 90. Л. 34; ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 889. Л. 30–31; НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 2796. Л. 22; Ф. 120. Оп. 1. Д. 923. Л. 10–11.
20. РГИА. Ф. 560. Оп. 1. Д. 90. Л. 33; ГАВО. Ф. 17. Оп. 2. Д. 83. Л. 9; Статистические таблицы о состоянии городов Российской Империи. СПб., 1842. С. 2–3; Ежов Ф. Заметки и воспоминания заезжего о зырянах // Вятские губернские ведомости. 1859. № 14.
21. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1051. Л. 8 об.
22. Вологодские губернские ведомости. 1843. № 23.
23. НАРК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 572; История Сыктывкара. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. С. 30.
24. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 2147. Л. 7; НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3208. Л. 6–7; Д. 3604. Л. 1–31; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. Ч. 1. Вологодская губ., VII. СПб., 1863. С. 27.
25. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1421. Л. 38; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи за 1897 год. VII. Вологодская губерния. Тетрадь 1. С. 4.
26. НАРК. Ф. 228. Оп. 1. Д. 113. Л. 117.
27. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3261. Л. 5–6, 9.
28. Кичин Е. Заметки о городе Усть-Сысольске // Северная пчела. 1852. № 84.
29. Ползунов П.П. История Устьсысольского городского училища. Усть-Сысольск, 1912. С. 24.
30. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1439. Л. 150.
31. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1901 год. Ч. 5. Вологда, 1902. С. 45.

Н.И. Сурков (Сыктывкар)

**ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ УСТЬ-СЫСОЛЬСКОГО ПРЕСТУПНОГО
МИРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

1. В тюремном замке Усть-Сысольска сидели только свои

В число многих обязанностей Министерства внутренних дел и его подразделений в губерниях и уездах входило обеспечение нормальных условий содержания заключенных и малолетних преступников. О том, что чины полиции были серьезно озабочены этой проблемой, свидетельствуют некоторые документы. Так, в феврале 1877 г. Усть-Сысольский уездный полицейский исправник получил письмо от Вологодского вице-губернатора с предложением образовать общество с целью улучшения участи несовершеннолетних преступников.

Высокопоставленные чиновники знали, что места заключения стяжали печальную славу рассадников преступности. Человек, проявивший на свободе дурные наклонности, «вступая в душную, зараженную нравственною проказою атмосферу тюрьмы, неизбежно испытывает на себе ее растлевающее влияние и выходит оттуда не только не исправленным, но еще более испорченным нравственно, ободренным и наученным, закалившимся в преступлениях и злодействах товарищами по заключению» [1].

Тюрьма разлагающе действовала на взрослого, а тем более, на молодого человека, имевшего несчастье попасть туда, негативное воздействие оказывали на молодежь рассказы бывалых заключенных. Выходя из тюрьмы, юноши попадали в общество, которое с брезгливостью и боязнью сторонилось их. Никто не хотел брать их на работу. Они не имели специальности, у них не было никаких средств к существованию. Подвергнутые остракизму, обремененные нуждой они невольно совершали новые, более тяжкие преступления, а это вело их снова в тюрьму, отчего малолетние преступники становились еще более озлобленными против оттолкнувшего их общества. Это были люди, которых уже не пугала каторга, Сибирь. Таким образом, гибли молодые люди, и общество было повинно в их гибели, потому что оно не проявило должной заботы, внимания и не смогло воспитать полезных людей.

Общество того времени вполне осознавало зло, исходившее от малолетних преступников. Правительство и его органы неоднократно обращались к земским учреждениям и частным лицам об устройении особых приютов и колоний для малолетних преступников, таким заведениям предоставлялись возможные преимущества. В ряде мест отзывались на этот призыв и организовывали общества ремесленных приютов и земледельческих колоний для малолетних преступников. Так, подобный приют был создан в Вологде.

Каково же было положение в Усть-Сысольске? Смотритель городской тюрьмы, или, как именовали ее в прошлом веке, тюремного замка, ежемесячно составлял ведомость, в которой указывалось число мест заключения и количество заключенных. Ведомость представлялась уездному полицейскому исправнику. В ней отмечалось, на сколько человек рассчитана тюрьма «по кубическому содержанию воздуха» и сколько людей действительно в ней содержится, в том числе подсудимых, срочных, пересыльных. Запрашивалась информация о том, сколько человек из приговоренных отбывали наказание в арестантских ротах и в тюрьме; нужно было сообщить также, сколько арестантов освободятся в течение 12 месяцев после отправления ведомости.

Можно привести конкретные данные за июль–ноябрь 1881 г. Усть-Сысольский тюремный замок по кубатуре воздуха был рассчитан на 30 человек, число заключенных в нем колебалось в пределах 16–23 человек. Так, в сентябре в нем было 16, а в ноябре – 23 человека. В графе «пересыльные» стоял прочерк: пересылать было некуда. Сидели только местные люди, которые подразделялись на тех, кого еще предстояло осудить, и тех, кто уже получил срок наказания. Число подсудимых – в пределах двух–восьми человек. Более стабильным было число срочных, т.е. уже прошедших через суд. Осужденные (срочные) подразделялись на две группы – на приговоренных в роты и в тюрьму. В арестантские роты осуждены были один–три человека, в тюрьму 11–13 человек, а количество тех, кто должен выйти на свободу в течение 12 месяцев, определялось так: из приговоренных в роты – два человека, в тюрьму – 10–11 человек.

Регулярно (три раза в год) уездное полицейское управление запрашивало сведения от Усть-Сысольской городской управы о числе больных арестантов, находившихся в городской земской больнице.

Например, мы знаем, сколько было больных из числа арестантов Усть-Сысольского тюремного замка в течение майской трети 1876 г. (май–август): к 1 мая 1876 г. в больнице не было ни одного человека из арестантов; в майскую треть прибыло на лечение три человека, один из них выздоровел, никто не умер и не сбежал; к 1 сентября 1876 г. в больнице находилось два арестанта: Иван Иванович Попов, находившийся в больнице в течение

60 дней (с 3 июля по 2 сентября), Дмитрий Михайлович Елькин 60 дней в тот же период, а также Иван Антонович Витковский лечился 17 дней (с 29 июля по 15 августа). В ведомости подводился итог: за майскую треть 1876 г. в больнице содержалось три арестанта в течение 137 дней. На их содержание полагалась сумма, утвержденная на 1876 г. по Вологодской губернии; на каждого человека в сутки 56 3/4 коп. Всего же причиталось уплатить 77 руб. 3/4 коп. [2].

Каждый заключенный должен был получить необходимое количество белья, одежды и обуви, чему велся строгий учет с указанием стоимости. Так, в 1877 г. рубаха мужская стоила 67 коп., порты мужские 38,5 коп., мешок холщовый 32 коп., онучи холщовые (пара) 14,5 коп., армяк суконный 4 руб.56 коп., шаровары суконные (пара) 36 1/4 коп., шапка суконная 20 коп., коты женские (пара) 1 руб.50 коп., коты мужские (пара) на средний рост 1 руб.59 коп., подкандальники (пара) 1 руб.54 коп., рукавицы кожаные (пара) 52 коп. [3].

В документах неоднократно напоминалось, что ссыльные мужчины, лишенные всех прав состояния и принадлежавшие до осуждения к низшим сословиям, должны быть отправлены по этапу непременно с выбритою правою половиною головы. Бритье рекомендовалось один раз в месяц. Стоило бритье одного арестанта 3 коп. серебром [4].

Следует также отметить, что по большим праздникам по подписному листу собирали деньги в пользу заключенных. Сошлемся на два конкретных примера.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ

Для пожертвования взамен визитов по случаю праздников Рождества Христова и Нового года в пользу заключенных в тюремном замке и тюремной часовне. Декабря 22 дня 1881 г.

<i>Уездный исправник</i>	<i>подпись</i>
<i>Имя и фамилия жертвователей</i>	<i>Сумма</i>
<i>Василий Егоров</i>	<i>1 руб.</i>
<i>Александр Сычев</i>	<i>70 коп.</i>
<i>Василий Оплеснин</i>	<i>80 коп.</i>
<i>Доброхотов</i>	<i>1 руб.</i>
<i>Виринья Оплеснина</i>	<i>50 коп.</i>
<i>Николай Суворов</i>	<i>50 коп.</i>
<i>Александр Забоев</i>	<i>50 коп.</i>
<i>Н. Забоев</i>	<i>50 коп.</i>
<i>Н. Красильников</i>	<i>60 коп.</i>
<i>В. Кичигин</i>	<i>50 коп.</i>
<i>А. Богословский</i>	<i>25 коп.</i>

<i>Н. Кузьбожсва</i>	<i>50 коп.</i>
<i>А. Никитин</i>	<i>50 коп.</i>
<i>Петр Багин</i>	<i>15 коп.</i>
<i>Тимофеев</i>	<i>1 руб.</i>
<i>В.А. Чистов</i>	<i>1 руб.</i>

Всего участвовало в сборе 37 человек, собрано 23 руб. 20 коп.

Из этой суммы израсходовано на покупку ковра для тюремной часовни 6 руб. и на покупку мяса для арестантов 6 руб., остаток 11 руб. 20 коп. отослан в тюремное отделение [5].

В 1891 г. по случаю праздника Святого Воскресения Христова был организован сбор средств по подписному листу в пользу узников Усть-Сысольского тюремного замка и бедных жителей города, не имевших ни средств к существованию, ни родственников. В сборе денег участвовало 35 чел. Сумма сбора составила 24 руб. 50 коп., из них 21 руб. 50 коп. собрано в пользу узников и отослано смотрителю и 3 руб. на бедных жителей города.

Пожертвования, как правило, составляли 20, 40, 50, 75 коп., только 11 человек сдали по 1 руб. Характерно то, что организовывались сборы средств по подписным листам не только в пользу заключенных и бедных жителей, но и остро нуждавшимся нижним полицейским чинам. В тот же день собраны пожертвования в пользу нижних полицейских чинов для того, чтобы обустроить их квартиры. Собрали 27 руб. 60 коп. Эти деньги раздали восьмерым служителям, из них семь человек получили по 3 руб., а один – 5 руб. [6]. Выделенных казною средств на содержание заключенных явно не хватало, потому-то и прибежали к общественной благотворительности.

Необходимо отметить, что власти беспокоились и о нравственном исправлении арестантов, а главной задачей в этом деле они считали предохранение их от праздности. Прилагались усилия по развитию арестантского труда, высказывалась неудовлетворенность тем, что большая часть заключенных оставалась без работы. Особенно нежелательным считалось праздное состояние находившихся в тюрьме женщин, предлагалось использовать женщин хотя бы на работах, не требующих ни специальных знаний, ни денежных ассигнований. Принимались меры не только к привлечению арестантов к трудовой деятельности, но и к обучению их какому-либо ремеслу.

Например, на 1 января 1906 г. начальник Усть-Сысольской уездной тюрьмы в сведениях о составе тюремных надзирателей уездной городской тюрьмы сообщал в полицейское управление, что сверх штата держали одного надзирателя с окладом 60 руб. в год (за счет средств отделения общества попечителей о тюрьме) в качестве инструктора по обучению заключенных кузнечному мастерству. Помимо этого жалования, надзиратель получал доплату до 250 руб. в год [7].

Надо отметить, что тюрьма была под постоянным присмотром властей. Неоднократно проводились ревизии. Так, 11 апреля 1891 г. была проведена очередная ревизия. Смотритель Бобров, видимо, остался доволен проверкой, так как в акте было записано, что «тюремный замок содержится в чистоте, беспорядков и упущений посещающими тюрьму лицами встречено не было», не высказано претензий и по финансовой деятельности.

Как видим, многие современные проблемы имеют давнюю историю. Чтобы решить их сейчас грамотно и оперативно, не бесполезно будет учесть опыт прошлого, который в значительной степени не потерял своего значения до настоящего времени.

Литература и источники

1. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1659. Л. 5.
2. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1659. Л. 12–13.
3. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1658. Л. 31.
4. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1658. Л. 28.
5. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 113.
6. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1671. Л. 153–154.
7. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1690. Л. 11–12.

2. Дабы вред не причинять

Объектом внимания полицейских органов была и такая категория населения, как проститутки. Министерству внутренних дел вменялось в обязанность беспокоиться о благочинии, нравственности. На этот счет был принят ряд постановлений, которые растолковывались во многих циркулярах, доходивших до местных полицейских органов. Высказывалась неудовлетворенность уровнем надзора за женщинами, занимавшими этим ремеслом. Полиция и санитарная служба проводили совместную работу, осуществляли врачебно-полицейский надзор, работали врачебно-полицейские комитеты, находившиеся в ведении местных полицейских властей. В компетенцию полиции входило наблюдение за проститутками с целью сохранения общественного спокойствия, регистрация проституток, розыск их и контроль над явкой в медицинскую комиссию. Что касается санитарной части надзора за проституцией, то, согласно Высочайшему повелению от 26 октября 1851 г., освидетельствование проституток должно было производиться в больницах Приказа общественного призрения состоящими при них врачами. Этот закон действовал в губерниях, где не были введены земское и городское положения.

На территории Вологодской губернии такой работой занимались земские учреждения, а в городах функции попечения об охране народного здоровья и ликвидации заразных болезней передавались городским общественным управлениям.

Согласно Положению «Об организации надзора за городской проституцией в Империи», в уездных городах в состав врачебно-полицейского комитета входили: начальник местной полиции (председатель), врачи (уездный, городской и военный), депутат от военного или морского ведомства и член-распорядитель (он же делопроизводитель).

Исполнение постановлений комитета возлагалось на чинов наружной полиции или же на состоящих при комитете смотрителей.

В обязанности комитета входило: розыск и привлечение к законной ответственности тайных проституток, содержателей притонов; подчинение проституток врачебно-полицейскому надзору и освобождение от него; в некоторых случаях передача проституток на поруки; попечение о беременных, больных, несовершеннолетних и вернувшихся к честному образу жизни проститутках; содействие общественными организациями, стремившимся к сокращению проституции; организация врачебных осмотров и лечение проституток.

В своей деятельности по надзору за проституцией комитет руководствовался следующим: 1) женщины, занимавшиеся тайным развратом, привлекались к надзору секретно через смотрителей или чинов полиции после постановления об этом комитета; 2) женщины, не достигшие 18 лет, не имели права заниматься тайным промыслом и отдавались на поруки родственникам.

Медицинские осмотры проводились врачами, имевшими специальную подготовку. В помощь им при осмотрах назначались исключительно фельдшерицы или акушерки. Полицейские чины не могли присутствовать при осмотре.

В фонде Усть-Сысольского уездного полицейского управления хранятся документы, содержащие конкретные сведения о проститутках города. В частности, в декабре 1881 г. уездный врач А. Доброхотов обращался к уездному исправнику, как принято было тогда, «с покорнейшею просьбою» сделать распоряжение о представлении подробной ведомости о проститутках с указанием: возраста, звания, происхождения, названия местности «куда приписаны», были ли больны, девицы, замужние или вдовы, давно ли занимаются ремеслом, имеют ли детей, родителей, близких родственников и где живут, подробный адрес каждой проститутки. Предлагалось сделать строгий наказ, чтобы проституток еженедельно по субботам к 12 часам собирали в больницу для осмотра.

В представленном списке значилось 15 фамилий. Заметим, в губернском центре Вологде в подобном списке было 35 фамилий. По этическим соображениям мы не назовем фамилии. Приведем полностью вопросы и ответы по одной женщине.

Имя, отчество, фамилия, звание и происхождение: Василиса Сидорова И., крестьянская дочь, девица, Корткеросской волости Усть-Сысольского уезда; **лет** – 34; **имеет ли родители и где они проживают:** не имеет; **квартиры проституток:** в доме солдата Чисталева под горой; **давно ли занимается ремеслом:** 14 лет; **имеет ли детей:** была дочь Фекла, назад тому 7 лет померла 2-х лет; **была ли больна сифилической болезнью:** была больна, ныне сказывается здоровой; **вместе или в одиночку живут проститутки в квартирах:** одна.

Обратим внимание на раздел «Квартиры проституток». Благо, за давностью лет актуальность этого утеряна. Так, три женщины проживали «у мещанской девицы Елены Шляпниковой в слободе Кируль». Таким образом, слобода или деревня Кируль – место жительства пяти женщин «вольного поведения». Или еще квартиры – «у мещанской вдовы Маланьи Понниковой под горой», «в доме солдата Елисея Логинова под горой». А всего «под горой» жили пять человек. Были и такие квартиры – «в доме матери», «в доме родителей».

Возраст проституток от 20 до 34 лет, занимались ремеслом 8-14 лет, самый ранний возраст начала занятий 15 лет, трое ранее болели, у семи женщин детей не было, у четырех дети умерли. Согласно ведомости, 11 женщин происходили из крестьян, остальные – солдатские и мещанские дочери, все были не замужем. Из общего числа 13 человек – уроженки Усть-Сысольского уезда, в том числе две горожанки, а также две женщины из Яренского уезда. Анализируя социальный состав проституток г. Усть-Сысольска, напрашивается вывод о том, что женщины не от хорошей жизни занимались тайным ремеслом. Их толкала на это нужда, бедность, невозможность лучшим образом устроить свою жизнь. Некоторые становились на скользкий путь очень рано – в 15 лет. В таком юном возрасте оторвавшиеся от своих родных мест девушки, видимо, не могли найти себя в городе, хотя тогда он был небольшим, менее 5 тыс. жителей. В данном случае, безусловно, вызывает сомнение объективность официальных данных, ведь и сам промысел назывался «тайным».

Если судить по документам полиции, то к 1 мая 1891 г. «женщин вольного поведения» было шесть человек. К 1 января 1891 г. их было пять, за январскую треть исключены из списков две и вновь внесены в списки три женщины, т.е. опять шесть чел. В течение январской трети из приглашенных на врачебно-полицейский осмотр не явились 24 человека (НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1671. Л. 189). **Последняя цифра наводит на мысль, что женщин, занимавшихся проституцией, могло быть больше, чем в официальных сведениях.**

Приведем еще данные из ведомости о числе проституток по г. Усть-Сысольску за майскую треть 1907 г. К 1 января 1907 г. женщин вольного поведения числилось восемь. Исключенных из списка не было, но за ян-

варскую треть вновь внесено в списки 5 человек. В итоге к 1 мая 1907 г. в списке 13 женщин. В течение январской трети из занесенных в списки на осмотр не явились 30 человек. В январской трети задержано по подозрению к тайному разврату пять человек, их-то и внесли в списки. Среди осмотренных четверо оказались венерическими больными. А среди задержанных все были здоровы. Всего за январскую треть было проведено четыре врачебно-полицейских осмотра, на них явились 12 женщин.

Осмотр проведен одним врачом. Из выявленных больных один человек отправлен на излечение в больницу. Всего же было четыре больничных места в городе для лечения сифилитиков. Эти данные (НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1551. Л. 9) за подписью земского врача В. Шмелева 11 мая 1907 г. были направлены во врачебное отделение Вологодского губернского правления.

Оговорим тот любопытный факт, что официальные документы демонстрируют гуманизм, уважительное отношение к падшим женщинам. Так, в циркуляре Министерства внутренних дел, адресованном губернаторам империи от 8 октября 1903 г. отмечалось, что «Положением о надзоре за городской проституцией... следует иметь в виду, что первенствующее значение в сем деле имеет санитарная часть, а потому на устройство ее должно быть обращено главное внимание, полицейские же меры необходимы в видах обеспечения успешности санитарного надзора» (НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1814. Л. 2 об). Власти были убеждены, что излишне строгие полицейские меры приводили к усилению тайной проституции и «при недостаточной осторожности, могут незаслуженно оскорбить женщину и причинить ей непоправимый вред» (НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1814. Л. 2 об). Строго запрещались облавы проституток: «Для всех чинов врачебно-полицейского надзора гуманное отношение к проституткам обязательно, так как среди последних много несчастных, случайно падших» (НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1814. Л. 2 об).

Напомним об уважительном отношении к проституткам при врачебных осмотрах, на которые, как уже было отмечено, не допускались полицейские чины. И, наконец, важно помнить, что любые действия властей в отношении проституток проводились с учетом правовых актов, что исключало произвол.

О.В. Золотарев (Сыктывкар)

**ДИНАМИКА УРОВНЯ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
В КОМИ АВТОНОМИИ В 1920–1930-е ГОДЫ***

Ликвидация неграмотности всегда ставилась в актив политики в области образования и культуры, которая проводилась пришедшей к власти в России в октябре 1917 г. большевистской партии. Действительно, Коммунистическая партия уделяла ликбезу громадное значение. Вождь революции В.И. Ленин считал ликвидацию неграмотности задачей «важнее других», ибо, по его мнению, которое разделялось многими членами партии, «в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя» [1]. Таким образом, задача ликвидации неграмотности была для большевиков задачей не просто культурной, но и политической.

Впрочем, с самого начала, несмотря на столь большое значение, которое придавалось делу ликбеза, оно встретилося с трудностями. Глава Наркомпроса А.В. Луначарский признавал, что «в течение 1917–19 гг. мы в направлении ликвидации неграмотности работали кустарно» [2]. К ликвидации неграмотности в Советской России серьезно приступили только после выхода в декабре 1919 г. Декрета СНК РСФСР «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» и создания в июле 1920 года Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности (ВЧКЛБ). Вскоре, в 1923 г., было создано и общество «Долой неграмотность» (ОДН) во главе с М.И. Калининим, а ВЦИК учредил особый фонд материальных средств для проведения работы по ликвидации неграмотности.

Однако, несмотря на привлечение значительных сил к ликбезработе и активную пропагандистскую кампанию, успехи в этом деле в первое десятилетие Советской власти оказались ничтожны. Более того, Советская власть даже отстала в ликвидации неграмотности от царской России, что признавалось руководством СССР на достаточно высоком уровне. Н.К. Крупская, выступая в 1927 г. на XV съезде партии, говорила, что грамотность призывников в Красную Армию теперь ниже, чем была

* Работа публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

в императорской России, что в целом Советская власть даже отстает от царского режима в деле грамотности [3]. Не были достигнуты и цели, выраженные в лозунге превращения России в страну поголовной грамотности, к десятилетию Октябрьской революции. Почему это произошло достаточно ясно видно на примере опыта Коми автономии.

Процесс ликвидации неграмотности в Коми крае начался сравнительно поздно. Это объяснялось во многом гражданской войной, ведь военные столкновения в некоторых районах земли Коми продолжались вплоть до 1920 г.

Однако действия центрального Советского правительства, предпринимаемые в целях повышения грамотности населения, активизировали и работу на местах. Уже в 1918 г. в повестку дня I съезда Усть-Сысольской парторганизации РКП(б) был включен вопрос о создании общеобразовательных курсов. На I съезде РКСМ Усть-Сысольского уезда (1920 г.) было объявлено, что ликвидация безграмотности – «одна из основных задач» союза молодежи.

Уже в самом начале ликбезработы в Коми крае к этому процессу были привлечены весьма значительные силы. Было создано много школ грамотности, только в Усть-Сысольском уезде их к началу 1920-х гг. насчитывалось около 170. Однако формальное отношение к ликбезу со стороны местных органов власти, нехватка средств и отсутствие возможности и желания учиться у значительной части населения делали эту работу крайне малоэффективной. В том же Усть-Сысольском уезде, несмотря на наличие 170 школ грамотности, грамотность населения к началу 1920-х гг. выросла только до 30% (т.е. рост составил 3–4%).

Естественно, подобное положение дел не удовлетворяло местное партийное и советское руководство. На I съезде Советов Коми автономной области (1922 г.) констатировалось, что «ликвидации неграмотности в области почти нет».

Таким образом, несмотря на грозные постановления и призывы, дело ликбеза едва стартует с места в начале 1920-х гг. Прямо-таки катастрофическое положение сложилось в сельских районах: если среди городского населения Коми автономии по грамотности занимала в этот период третье место среди регионов СССР, то вот в некоторых коми деревнях население было «сплошь безграмотно» [4].

Причин подобного положения было несколько. В первую очередь – нехватка средств. Денег на ликвидацию неграмотности отпускалось в 1920-е годы крайне недостаточно, как из центрального, так и из местного бюджета. Вызвано это было общим финансовым кризисом народного просвещения, который разразился в начале и середине 1920-х гг. вследствие той жесткой бюджетной политики, что проводилась властями при НЭПе.

Следует заметить, что многие трудности в пропагандистской работе по ликбезу (слабая действенность пропаганды, отсутствие необходимых агитационных сил и т.д.) и в материальном обеспечении наблюдались не только в Коми крае, но и по всей стране. В одном из отчетов Наркомпроса (за 1925–26 учебный год) работа по ликбезу признавалась «неудовлетворительной» и среди основных причин ее срыва назывались именно материальные сложности (особенно затруднялась в связи с этим работа среди бедняцких слоев населения – аналогичное положение наблюдалось и в Коми крае), слабая пропагандистская работа и недостаточная квалификация работников ликбеза.

Но не только материальные сложности отрицательно влияли на успешное проведение ликбеза. Ситуация в Коми крае осложнялась необходимостью вести занятия на понятном для населения коми языке (многие, в особенности женщины, иного языка, кроме коми и не знали, что и вызывало требование вести обучение на коми языке). А ни специалистов, ни учебников, ни книг на родном для населения края языке у властей автономии не было.

Местные органы Коми автономии пытались как-то решить эту проблему. К середине 1920-х гг. было подготовлено и выпущено усилиями Коми издательства три букваря (общий тираж – 35 тыс. экз.) и три книги для чтения (тираж – 25 тыс. экз.) на коми языке. Это несколько разрядило положение с учебными принадлежностями в ликпунктах. К середине 1920-х гг. улучшилась ситуация и с обеспечением школ грамотности канцпринадлежностями.

Однако процесс ликбеза столкнулся с другой, весьма тяжело преодолимой трудностью – равнодушным, а порой прямо враждебным отношением населения к работе по обучению взрослых. Чрезвычайно редки были случаи, когда жители сел принимали на общих собраниях решение о ликвидации неграмотности в собственной деревне, несмотря на то, что эти случаи пытались широко рекламировать. Да и в дальнейшем в исторической литературе подобные действия упоминались обязательно, в то время как об отрицательном отношении населения к ликбезу почти не говорилось. Другой причиной слабой посещаемости ликпунктов была необходимость ухода крестьян в зимнее время (а именно на зиму в основном и рассчитывали организаторы ликбеза в деревнях, ведь летом крестьянин был занят сельхозработами) на сезонные заработки (а без них коми крестьянин просто не мог свести концы с концами).

Власти понимали важность и необходимость пропаганды грамотности. Разъяснительную работу, способствующую ликвидации неграмотности, обязал проводить Северо-Двинский съезд по народному образованию, когда еще только начиналась работа по повышению грамотности в Коми крае. Однако это решение просто игнорировалось местными властями автоно-

мии, которые трудной агитационной работе предпочитали более легкой, но менее эффективный путь административных мер.

Положение с посещаемостью школ для взрослых мало улучшилось и в 1930-е гг. Посещали ликпункты тогда всего 40–50% записанных в списки малограмотных, но фактически училось не более 25% из всего состава неграмотных и малограмотных. Плохо обстояло дело и с учетом неграмотных. Велик был и отсев в процессе обучения – свыше 50% от числа обучающихся. Причины сильного отсева крылись не только в плохой посещаемости школ грамоты, но обуславливались и слабой материальной базой ликбезработы, а также в специфических условиях Коми края – усиленных лесозаготовках, развернувшихся как раз в 1930-е гг. Лес давал значительную долю валютных поступлений в бюджет страны, в них остро нуждались в период проводившейся в 1930-е гг. индустриализации. Причем лесозаготовки интенсивно велись как раз в зимнее время, на которое и делалась ставка в деле ликбеза. В лесу же порой было невозможно организовать пункты по ликвидации неграмотности. И власть приносила в жертву ликбезработу ради лесозаготовок и валютных поступлений в казну. Находила свое отражение и в деле ликбеза.

Что же касается простых жителей автономии, то обучение грамоте, зачастую весьма справедливо, расценивалось коми крестьянством как пустая трата времени – настолько незначительны были результаты. Крестьяне, окончившие школы грамотности, не имея практики в чтении и письме из-за отсутствия изб-читален и недоступности книг и газет, уже спустя несколько месяцев просто разучивались читать и писать.

Обучение не давало ожидаемых результатов и из-за явно заниженных требований, по которым грамотность определялась умением читать, писать и знанием основ политграмоты. Причем умение писать выражалось в способности написать собственную фамилию, а считать учили в пределах двух десятков. Поэтому крестьяне, относясь к жизни прагматически, вполне справедливо полагали, что эти знания вряд ли пригодятся в повседневной деревенской жизни.

Неважное состояние дел в области ликбеза и малая эффективность предпринимаемых мер заставили местные власти с середины 1920-х гг. развернуть широкую пропаганду, направленную на ускорение процесса обучения грамотности. Власти проводили недели ликвидации неграмотности под лозунгом «грамотный, приведи в школу двух неграмотных», в ходе которых не только велась агитация, но и собирались средства. Правда, поступления в фонд ликбеза от этих кампаний были довольно скудные. В мае 1923 г. в Коми области была создана местная комиссия по ликвидации неграмотности, пытались активизировать свою деятельность ячейки общества «Долой неграмотность». Однако этого сделать все же не удалось

и, хотя к концу 1930-х годов в Коми отделении ОДН состояло около 3 тыс. членов (в 110 ячейках), но это были в основном служащие и учащиеся, крестьян же и рабочих были единицы (а ведь именно они были основным контингентом ликбеза). Слаба была работа общества и на лесозаготовках (а там был в 1930-е гг. основной участок работы по обучению взрослых в Коми крае). Работа ОДН была так незаметна, что руководители автономии считали: «Общество долой неграмотность, которое должно являться двигателем и контролером всего дела ликвидации неграмотности, не только таковым не является, оно просто не существует» [5].

Ускорение процесса ликвидации неграмотности натолкнулось уже в 1920-е гг. на еще одно довольно серьезное препятствие. Оно заключалось в острой нехватке кадра ликвидаторов. Попытка возложить основную работу по обучению взрослых на перегруженных общественной работой учителей успеха не имела. Мало того, что учителя старались избежать новой обязанности, но даже при желании они не могли обслуживать те деревни, в которых не было школ. Нужно было искать работников для десятков школ грамотности в отдаленных селениях. Желающих же работать ликвидаторами не было из-за низкой оплаты труда и незавидных условий работы.

Впрочем, предпринятые властями меры (улучшение финансирования ликбеза, усиленная пропаганда школ грамотности и т.п.) все же давали некоторые плоды, хотя усилия властей явно не были адекватны итогам: сеть ликпунктов к середине 1920-х гг. расширилась, причем довольно значительно (с 25 в 1924 г. до 132 в 1925 г.). В школах грамоты обучалось более 5 тыс. чел. Но из-за низкой посещаемости (в самом лучшем случае не более 60%) деятельность школ грамоты была неэффективной. Ликвидационные пункты в 1925 г., например, окончило только 3 тыс. чел. (а обучалось, как уже говорилось, свыше 3 тыс.). Данное положение было характерным для всей страны. Так, в 1926 г. в северо-восточных регионах РСФСР ликвидационные пункты в сельской местности оканчивало 69,6% поступивших, а в городах – 71,2% [6], т.е. показатели по Коми автономии (особенно если учесть, что большинство населения в ней было сельским) были лишь несколько хуже.

Качество обучения оставалось крайне низким (не только из-за плохой посещаемости и слабой подготовки ликвидаторов, но и вследствие оставшихся невысокими требований, что предъявлялись к окончившим школы грамоты). В результате некоторые крестьяне оканчивали ликпункты по два-три раза, но и так и не могли научиться читать. Эти явления рецидива сохранились и в 1930-е гг., что вызывало большое беспокойство руководителей автономии.

Столь непростая ситуация с ликбезработой заставила власти в 1920-е гг. сосредоточиться на обучении грамоте только определенных слоев населе-

ния. Это были коммунисты и комсомольцы, допризывники и женщины. Однако и среди этих категорий неграмотность уменьшалась медленно.

Более успешно, чем среди других слоев населения, шла работа среди допризывников. Ей уделялось значительное внимание. Власти постоянно настаивали на том, чтобы пополнение в Красную Армию приходило грамотным (этого требовало техническое перевооружение армейских частей и необходимость проведения в армии политико-просветительной работы). Поэтому даже когда работа по ликбезу практически прекратилась, пункты по ликвидации неграмотности среди допризывников функционировали и средства на их деятельность исправно выделялись. Поэтому процент грамотности среди допризывников постоянно рос, данный показатель в Коми автономии, например, составлял в 1925 г. 95%, что даже превышало средний по стране уровень [7].

В целом же к концу 1920-х гг. выполнить провозглашенный лозунг – ликвидировать неграмотность в стране к 10-летию Октябрьской революции так и не удалось. Грамотность коми народа составила к тому времени едва 40%. И это было далеко не худшей по стране цифрой. Задача ликбеза и в конце 1920-х гг., как указывал Нарком просвещения А.В. Луначарский, оставалась «настоятельной». Достаточно сказать, что Советский Союз в конце 1920-х гг. занимал всего лишь 19-е место в Европе по уровню грамотности. А в связи с индустриализацией в стране обострилась проблема между уровнем образования и задачами подъема экономики. Власти признавали, что «задачи социалистической перестройки народного хозяйства... настойчиво требуют решительного перелома в дальнейшей работе по ликвидации неграмотности» [8].

Таким образом, активизация в области ликвидации неграмотности, как и в целом перемены в школьной политике Советского правительства в начале 1930-х гг., были обусловлены не только политическими мотивами – стремлением вовлечь население в политику (задача, поставленная перед ликбезом еще сразу после октября 1917 г., но так и не выполненная полностью). Но и острой необходимостью в квалифицированных рабочих кадрах в условиях проводившейся индустриализации (как одного из условий строительства социализма в СССР). Мы можем заключить, что именно процессы, происходившие в стране в конце 1920-х гг., заставили власти активизировать работу в сфере ликбеза. Правда, на места эта деятельность часто ограничивалась словами.

Поэтому ситуация с ликвидацией неграмотности, несмотря на «настоятельность» задачи, слабо менялась к лучшему. С мест в центр шли сообщения об «угрожающем» положении на фронте ликбеза. По-прежнему не доставало средств, не хватало и кадров ликвидаторов, население не ощущало потребности в грамотности.

Но постепенно работа давала результаты: увеличивалось финансирование ликпунктов, росло число грамотных. За десять лет (с 1927 по 1937 г.) сумма, которую власти Коми автономии выделяли на нужды ликбезработы, выросла более чем в десять раз (с 32,6 тыс. до 370,8 тыс. руб.). Увеличение финансирования позволило к концу 1930-х гг. довести грамотность населения в Коми автономии до 95%. Следует, правда, отметить, что часто это была грамотность не функциональная, а формальная, ибо люди хоть и считались грамотными, но она определялась умением написать свою фамилию и читать по складам. Однако и такой поголовной грамотности добиться, как планировалось, к концу 1930-х гг. так и не удалось: количество неграмотных в автономной республике в 1938 г. приближалось к 18 тыс. (по другим данным – более 23 тыс.) чел., причем обучалось в школах грамоты из них едва ли половина [9].

Но положение дел с ликвидацией неграмотности в Коми республике в конце 1930-х гг. было сравнительно с другими регионами, да и по сравнению с ситуацией с грамотностью в целом по стране, достаточно благополучным. Ведь по СССР в целом грамотность в 1939 г. не достигла 90%, а в сельских районах (вспомним, что население Коми проживало в тот момент в основном в селах) было и того меньше – около 84% (а среди женщин на селе каждая четвертая была неграмотная). Даже среди традиционно более грамотного русского и украинского населения цифры были ниже, чем среди коми (соответственно 83 и 84,3%) [10].

В целом дело ликбеза сильно страдало от не оправдавшей себя ставки на энтузиазм учителей, слабую подготовку кадров преподавателей школ грамоты, низкой посещаемостью ликпунктов, невнятным, порой враждебным отношением руководителей на местах к ликбезработе, нередко сторонним отношением партийных и комсомольских органов к работе школ Грамчека, большому количеству рецидивов ликбеза.

Однако, несмотря на все сложности ликбезработы, властям в сфере повышения уровня грамотности населения удалось достигнуть в 1930-е гг. серьезных успехов. Хотя поголовной грамотности добиться не удалось, в процентном отношении грамотность к концу 1930-х гг. значительно выросла. Ведь пик обучения грамоте в Советском Союзе пришелся как раз на 1930-е гг. Тогда за год осваивали азы грамоты 3-4 млн. чел. В целом по СССР за период с 1928 по 1937 г. удалось обучить более 40 млн. неграмотных. В Коми крае за этот же период грамотными стали почти 60 тыс. чел. Всего за 1920–1930-е гг. в Коми автономии было обучено грамоте около 80 тыс. чел. Грамотность населения края приблизилась к 90%. Конечно, некоторое количество неграмотных и малограмотных еще оставалось, но их число не было значительным. Особые успехи были достигнуты в ликбезра-

боте среди женщин. Грамотность среди коми женщин к концу 1930-х гг. превысила 80%, хотя еще в начале 1920-х гг. она была менее 20% [11].

Во многом эти успехи были обусловлены продуманной и эффективной школьной политикой 1930-х гг., реализацией программы всеобщего начального обучения, что позволило свести до минимума воспроизводство неграмотного населения.

Эти успехи позволяют сделать следующий вывод: ликвидация массовой неграмотности в СССР и Коми республике стала к началу 1940-х гг. реальностью. И это было большим достижением властей. Имевшиеся еще в этой области недостатки были не так уж значительны по сравнению с теми успехами, что были достигнуты. Продвижение в деле ликбеза было очень велико, несмотря на имевшиеся недоработки.

Литература и источники

1. Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 41. С. 315; Т. 51. С. 257.
2. А.В. Луначарский о народном образовании. М., 1958. С. 233.
3. XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 997.
4. Журналы V Областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Коми Автономной области. Усть-Сысольск, 1926. С. 35.
5. См.: Золотарев О.В. Очерки истории культурно-просветительной работы в Коми автономии (1920–1930-е годы). Сыктывкар, 2007. С. 131.
6. Народное просвещение в РСФСР. Статистический сборник. М.; Л., 1928. С. 105 и др.
7. Всеобщее начальное обучение. М.; Л., 1926. С. 56.
8. Народное просвещение в РСФСР. Статистический сборник. М.; Л., 1928. С. 40–41; Народное просвещение в РСФСР в цифрах за 15 лет Советской власти. М.; Л., 1931. С. 12; А.В. Луначарский о народном образовании. С. 486; КПСС в резолюциях и решениях... Т. 5. С. 251; Т. 4. С. 511.
9. См.: Золотарев О.В. Указ. соч. С. 136.
10. Педагогическая энциклопедия. Т. 1. М., 1964. Ст. 612: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. IX. М., 1971. С. 384.
11. Золотарев О.В. Ликвидация массовой неграмотности населения в Коми автономии. Сыктывкар, 2000. С. 58.

А.Б. Артеев (Сыктывкар)

РАЙ НА ЗЕМЛЕ

Деревня с библейским названием стоит на берегу Визинги

Можно ли побывать при жизни в Раю? А родиться и жить там? – большинство сочтет это нереальным. А вот жители одной деревушки под Визингой не видят ничего странного в том, что живут в ... Раю. Уже три века деревня с библейским названием стоит на берегу реки Визинги. Жителей осталось там немного. Впрочем, их много никогда и не было. О том, как жили в Раю в середине прошлого века, в суровые годы войны, уже мало кто помнит. И только рукопись одного из жителей Рая – Виталия Иванова – сохранила для потомков описание этой жизни.

Точка на карте

«Город – царство, а наша деревня – рай», – встретилось мне такое выражение в словаре русских пословиц и поговорок, собранных Владимиром Далем. Но название Рай очень редко встречается на географических картах. У нас в Коми есть несколько деревень с таким названием, и одна – в Грязевском районе Смоленской области. Кстати, деревенька небольшая – чуть более сотни жителей.

Существует несколько версий того, откуда появилось в Коми название деревни Рай. Известный ученый Адольф Туркин считал, что это название прибалтийско-финского происхождения. В финском, карельском, эстонском и вепском языках есть слово *raja*, которое переводится как «граница». В коми языке выпала конечная буква *a*. А то, что здесь проходила какая-то этническая граница, косвенно свидетельствует расположенное недалеко село Межадор (место около границы, межи). Также Адольф Иванович не исключает версию происхождения названия от русского слова «край» – самая удаленная от центра часть селения, часть земель. По словам лингвиста, для коми языка в начале слова не характерно сочетание двух согласных, и поэтому одна согласная «выпала».

На территории Коми края отмечено несколько небольших деревень с названием Рай. Это части сел Лойма, Ношуль, Спаспоруб. Есть Раевсикт в Куратово. По одной из народных версий, название образовалось от фами-

лии первых жителей деревни – Раевских. Фамилия Раевский распространена сейчас в Визинге, Межадоре и Пыелдино. Ну и еще одна народная версия. Просто здесь райское место. Действительно, с холмов открываются красивые пейзажи, рядом протекает река Большая Визинга, а из-под горы бьют сразу пять ключей с чистой водой. Живи и радуйся тому, что живешь в Раю.

Три века

Деревня Рай лишь на несколько лет моложе Санкт-Петербурга. Возникла она после 1707 г., а впервые упомянута в 1719 г. Тогда ее назвали Раевская гора. Население деревни многочисленным никогда не было. После революции, в 1926 г., здесь было всего 32 двора, в которых жило около 130 человек. В ту пору входила она в Горьковский сельсовет Сысольского района Коми АССР, и здравствовал здесь тогда колхоз «Трактор». Своего пика население Рая достигло в 1970 г. Тогда здесь жило около двухсот человек. Затем численность населения пошла на спад. В 1979 г. – 141 человек, в 1989 г. – 79. Сейчас в деревне 62 дома и около десятка постоянных жителей. Летом «пейзаж» здесь немного оживляют дачники, а зимой только над несколькими домами поднимается дымок. Остальные стоят закрытыми до весны. Самая старая жительница Рая – 88-летняя ударница труда Анна Николаевна Бажукова. Но на эту зиму и она планирует перебраться в город к родным.

Церкви в деревне никогда не было. Но до революции здесь была часовня Георгия Победоносца. Еще в Раю жил известный на всю округу праведный Прокопий. У местного старожила Эдуарда Дикоева хранилась чудотворная икона Нерукотворного Спаса из визингской церкви. Эту реликвию он получил от своих родителей. А после смерти Эдуарда Александровича икону отдали обратно в храм. Жил в Раю известный мастер-часовщик Михаил Александрович Дикоев. Он собрал большую коллекцию старинных часов. Но после его смерти сокровище пропало; куда – никто не знает.

До революции в деревне на самом деле была райская жизнь. Жили богато, держали скотину, сами выращивали хлеб. Земля здесь плодородная, урожаи хорошие. Были в деревне мельница, кузница и разные мастерские. Говорят, что при въезде на Райскую гору на главной дороге построили огромные каменные ворота с аркой – ворота в Рай.

Когда я прибыл в Рай, то в глаза бросилось большое количество заброшенных домов, заросших огородов, «рощи» борщевика и множество одичавших кошек. Единственный магазин стоял с выбитыми окнами и заколоченными дверями. «Есть ли жизнь в Раю?» – возникло опасение. Первую жительницу деревни застал за работой в огороде. Женщина представиться отказалась, но рассказала, что она родилась в Раю шестьдесят один год назад. В годы ее детства и молодости здесь кипела жизнь, звучали детские

голоса. «Сейчас в Раю детей уже нет», – посетовала она. Продукты два раза в неделю привозит автолавка из Визинги.

Супруги Альбина Николаевна и Гелий Николаевич Старцевы в день моего визита собирали перед своим домом райские плоды – облепиху. Альбина Николаевна родилась в Раю в 1939 г. Жила в городе, работала портнихой, а сейчас на лето приезжает на родину предков. Я решил поддержать сельское хозяйство деревни и купил у пенсионеров ведро облепихи. Рядом с родниками я обнаружил еще один обитаемый дом. Здесь летом живет Лидия Яркова. Основное ее жилье в Вильгорте. Работала она всю жизнь в лесном хозяйстве. И каждую весну берет свою живность и едет до осени в родную деревню. У Лидии Ефимовны три дойные козы, восемь кур, петух, пес Бим и пять кошек. Нежданного гостя хозяйка угостила козьим молоком и на прощание подарила тыкву со своего огорода. Вот они – райские плоды.

Еще до войны

«Вы помрете, да в Рай не попадете, а я там родился», – любил поговаривать житель деревни Рай Виталий Филиппович Иванов. Он ушел из жизни шесть лет назад, но оставил после себя уникальную рукопись – летопись всей своей жизни. Просто однажды, на пенсии, сел за стол и начал писать мемуары. В них он подробно рассказал о том, как трудился киномехаником в послевоенные годы; о работе в уголовном розыске, где он прослужил 20 лет и вышел в отставку в звании подполковника МВД; о довоенном детстве, которое прошло в самом настоящем Раю.

Родился Виталий Филиппович в 1935 г. «Себя я начал помнить где-то с трех с половиной – четырех лет, – начинает он свою историю. – Тогда была очень высокая детская смертность. В возрасте нескольких недель умерла старшая сестра Катя (1933 г.р.), затем – от воспаления легких 9-месячный брат Геннадий (1938 г.р.) ... помню, его гробик с телом стоял на столе, и в это время за оврагом загорелся дом. Отец и мать по насту, по полям с ведрами кинулись тушить пожар, но дом сгорел. Потом соседи помогли построить новый... А во время войны у них три лета подряд на поскотине медведь задирали корову. Бабы по этому поводу судачили, что место для дома выбрано неудачное, несчастливое... Вернусь к братику. Мать с отцом и бабушка повезли на санях гроб на кладбище в Визингу. Завернули к фотографу, но я сниматься не захотел, очень боялся, что сфотографируют и после этого меня не будет.

Помню, как я с отцом однажды пошел в Визингу, где он работал в райпотребсоюзе заведующим складом. Я бродил между мешками и ящиками. Продырявил один и нашел мармеладные конфеты, так ими наелся, что тут же и уснул. Когда проснулся в темном и закрытом помещении, то начал реветь во всю мочь. Пришел отец, открыл дверь, посадил меня на плечо, и так на плечах и пронес пять километров от Визинги до деревни Рай. Сам он всю дорогу что-то пел. Видимо, был выпивший, поэтому и

забыл меня на складе. Помню также, как меня отец привез из Визинги домой на «эмке». У меня радости не было конца, так как в то время машины в деревнях были редкостью.

В предвоенные годы на деревне, в колхозе люди жили уже прилично. Везде создавались МТС – машинно-тракторные станции. Начали прибывать трактора марки «Сталинец». Они были без кабины и заводились ломом с помощью маховика; работали на керосине.

Бывало, отец принесет на воскресенье из парикмахерской Визинги ручную машинку для стрижки волос и сразу многих наших деревенских мальчишек и девочек постригает. Тогда было принято стричь наголо всех подростков. Помогал отец односельчанам кастрировать поросят и барашков. Хотя он и был приезжий, односельчане его уважали. Он все делал аккуратно, так что даже деревенские мужики и деды цокали языками.

Уже летом, когда шла война, отец решил поставить новый амбар и сруб из осин рубил прямо в лесу, километрах в четырех от деревни. В лес брал и меня. Однажды пришли мы в лес, а сруб был уже поднят на высоту около метра. Я подбежал раньше отца, и залез в него и там увидел в углу что-то круглое, сероватое. Цап этот шарик руками, а оттуда целый рой ос вылетел и начал жалить... Я ревел до самого дома. Все лицо опухло, поэтому отцу в этот раз не пришлось работать. Пошли обратно. Так этот сруб в лесу и не успели закончить, а вскоре отменили выходные, и ему уже времени не было туда ходить. Мать зимой на лошадях привезла сруб домой, и сделали мы из него сарай. Сарай простоял до 60-х годов, потом его пустили на дрова. Осенью родители часто ходили в лес за черникой, брусникой и грибами.

Ранее по большой дороге в начале и в конце каждой деревни для проезда лошадей и повозок стояли огромные четырехметровые ворота на петлях. Рядом с ними, чтобы основные створки не открывать, была калитка для пешеходов. Так вот, мы, ребятишки, эти ворота открывали во всю ширь, садились на перекладину, створки сами захлопывались, и мы так катались. Однажды я упал под заостренные снизу доски ворот. Щека была проколота насквозь. Кровищи... Я реву. Шрам остался на всю жизнь.

Вспоминаются мне праздники. В Афанасьев день – 31 января – в деревне Рай собирались со всего района. Бывало, к нам приедут гостей до десяти подвод из Сорда, Кочпияна, Визинги, Кируля, Ластовыла, Чипанова. На столе суп из дичи, суп из свинины, киселя разные, рыба жареная и пареная, каши разных сортов, шаньги с творогом, картофелем, капустой, пироги, каравай, рыбники. Пили сур и самогон. Гостей принимали и на зимней, и на летней половине избы. Осенью – в Михайлов день – 21 ноября – народ собирался в деревне Сорд. Весной – в Степанов день – 9 мая – ехали в Кируль. Летом, в Петров день – 12 июня – отправлялись в Чукаиб. После этого дружно выходили на сенокос всей деревней. Дома оставались только старые да малые».

Прощание с отцом

«Когда началась война и многих мужчин взяли на фронт, то в деревне стояла непривычная тишина. Как мне казалось, на улицах и даже дома все старались говорить тихо, – вспоминает далее Виталий Иванов. – Отца на войну отправили не сразу. Потому что когда он копал могилу для бабушки, земля обвалилась и сильно повредила ему ногу. Поэтому отца несколько раз «вертали» с комиссии райвоенкомата, и лишь в декабре 1941 года он был призван. Я хорошо помню, как мы провожали его на фронт. Декабрьское утро. Было еще темно. Мать запрягла в сани лошаадь. Но меня до самой Визинги не повезли. Примерно через полкилометра отец поднял меня, шестилетнего, на руки, прижал к себе, поцеловал и сказал, что он немцев побьет и, как только снег растает, вернется. И весной будем уже дрова рубить вместе. Так вот началась для меня война, и эта война для меня, сестры и матери так никогда и не кончилась».

Воевал Филипп Иванов под Ленинградом, был ранен в руку, лежал в госпитале. В 1943 г. после госпиталя он попал на карельский фронт и был командиром зенитного орудия. Погиб 14 сентября 1943 г. от осколков бомбы и похоронен в Карелии.

Военные годы

«Садиков и яслей для детей тогда еще не было. Их открыли только в конце 1942 года, – пишет Виталий Филиппович. – Так что в садик я не ходил. В школу принимали с восьми лет. В летнее время мы, как могли, помогали по дому, присматривали за скотиной, работали на сенокосе. Когда мне было семь лет, я попал в больницу и пошел в школу на год позже сверстников.

Это было так. В августе ребята и девчата 10-12 лет верхом на лошадях сопровождали телеги со снопами с полей на гумно. Здесь снопы складывали в скирды, чтобы молотить зимой. Я охранял деревенские ворота от скотины, чтобы она с улицы не забрела на поля. На старом мерине Пома Нетко ездила моя соседка, 12-летняя Тутри Сандра (Александра Домашкина). Она просила меня поправлять узду у мерина. За день я несколько раз поправлял и, видимо, так надоел мерину, что когда под вечер в очередной раз пытался это сделать, он схватил меня зубами за подбородок и встал на дыбы. Я сорвался и упал. Подкованным копытом мерин разбил мне голень. Открытый перелом. Я потерял сознание от боли и очнулся уже в больнице в Визинге, в гипсе. Два месяца там и провел вместо того, чтобы идти в школу. Домой мать меня привезла в ноябре 1943 года по снегу на санках. В одно из посещений мать пришла с таким ревом, что переполошила всю палату. Она показала мне похоронку на отца и сказала: «Папка твой погиб на войне». Она долго лежала рядом со мной на койке, прижималась ко мне и плакала. С тех пор маму мою как будто подменили. Изменились и лицо, и походка,

и голос. Я уже почти никогда не видел ее веселой. Она всю себя отдавала работе, только так она, видимо, забывалась. Осталась вдовой в 30 лет и так больше замуж и не вышла, хотя вернувшиеся с фронта мужики и приходили свататься. Она всю себя отдала нам с сестрой».

В первый класс Виталий Иванов пошел в 1944 г. Так как детей в деревне Рай было тогда много, то здесь открыли свою школу. Сегодня в Раю детей уже не встретишь. Нет здесь ни школы, ни магазина. В Райскую школу ходили ребята из деревни Кычаныб. В частном доме работал один первый класс на всех. В нем учились 18 ребятшек. Интересно, что у всех были двойные – как русские, так и коми – имена. Например, Кайпель Валентин – Валентин Беляев, Каля Веня – Вениамин Рочев и т.д. В родной деревне учились первые два класса, а так как Виталий был отличником, то учительница оставляла его вместо себя, когда уходила по делам. За хорошую учебу его часто премировали. Обычно – по окончании четверти, а самой желанной премией были тетради. Еще награждали перьями и карандашами. Тогда не хватало тетрадей, и школьники писали и решали задачи на книгах. Виталий Филиппович помнит, что он писал на полях книги «Путешествие Магеллана вокруг света» и на Конституции СССР. Учебники покупали на свои деньги. В первых двух классах были арифметика, чистописание, коми язык, родная литература, рисование и пение. Русский язык начали изучать только с 5 класса. После второго класса учились в Горьковской неполной средней школе, а после седьмого нужно было уже ходить в Визингу. Начиная с 8 класса за учебу в школе нужно было платить по 150 рублей в месяц. Поэтому многие ребята уже после 4 и 5 классов уходили «на свой хлеб» в ремесленные училища и ФЗУ.

В детстве Виталий много читал и хорошо рисовал. Любопытно, что пионером, комсомольцем и коммунистом он никогда не был. Пионером ему не разрешила стать мама, которая была верующей и напоминала, что Виталий был крещен еще настоящим священником.

Тяжелый хлеб

С начала войны и до конца 1950-х гг. колхозники платили государству всевозможные налоги. Например, с каждой коровы нужно было сдавать ежегодно по 140-200 литров молока. Остатки молока мать Виталия носила продавать в Визингу, где у нее были свои покупатели. Иногда молоко в Визингу возил и сам Витя. Вставал в 4 утра и тащил за 4 километра санки с шестью литрами молока. Налоги были на мясо, молоко, шерсть, яйца, шкуры и т.д. Помимо этого, ежегодно в обязательном порядке подписывали на облигации государственного займа. А за работу в колхозе ставили только трудодни. Отмечали их палочками в специальной книжке. В некоторых семьях за год набегало до тысячи трудодней. На них в конце года после обмолота выдавали зерно – от 150 до 350 граммов за трудодень.

«В конце августа кончался сенокос, и тут же начиналась жатва и уборка овощей, – вспоминает Виталий Филиппович. – До самых заморозков. Жали серпами и жнейками на лошадях, снопы вязали вручную. Снопы с полей надо было возить на гумна. Когда выпадал снег, начиналась молотьба, и молотили аж до Нового года. Все зерно увозили в райцентр. Едва успевали закончить молотьбу, так сразу принимались за вывоз сена с дальних лугов. Некоторых зимой отправляли на лесоразработки. Там они топорами и лучковыми пилами валили лес, вывозили его к дороге на лошадях. А весной проходила мобилизация на сплав этого леса. Вот такая была круговерть. Тяжелая работа в тылу легла в основном на плечи бедных женщин. Сейчас это вспоминается, как сон».

Детей работать в полную силу заставляли с 10 лет. Особенно во время каникул. Весной, как только завершился учебный год, дети верхом на лошадях боронили, на телегах возили силосную массу в ямы. Ребята ездили по всем дальним лугам, где зимой стояли стога сена и там собирали подпорки, чтобы во время страды косы не ломались о них. На сенокосных лугах и проходило все лето. С 12 лет на каждого при заготовке сена была установлена половина от взрослой нормы работы. Косили горбушами, каждая семья отдельно. Вдвоем с матерью Витя выкашивал за день до одного гектара. Стребали сено в копны. Для себя сено можно было заготавливать только ночью – с 3 до 5 часов, пока не начинались колхозные работы. От постоянной верховой езды весной у всех ребят зады были в струпьях. Ближе к осени снопы возили, скирды складывали, лен дергали, картошку убирали. На своем огороде работали в темноте при свете фонаря «летучая мышь». Если днем появился на личном огороде, то это заканчивалось штрафом. Из-за уборки урожая учебу осенью зачастую начинали в октябре. До 1947 года хлеб давали только по карточкам: взрослым – кило в день, детям – половину. После того, как отменили карточки, очереди за хлебом были гигантские – до 300 метров. Обычно в очередях на спине мелом писали номер. Хлеб был тяжелый – 3 килограмма, как из глины.

Босоное детство

«Одежда и обувь были самые захудалые – заплатка на заплате. В первый класс я пошел в отцовских полуботинках «сорок последнего» размера. Чтобы с ноги не свалились, пришлось перевязать их веревочкой. Одежду шили из самодельного полотна, выкрашенного в самые разные цвета. Как только сошел снег и до самой осени, детвора бегала босиком. Подошвы становились такие, что хоть по битому стеклу ходи», – пишет Виталий Филиппович.

Зимой дети собирали макулатуру и золу, в воскресенье на лошадях возили на поля навоз. Летом также помогали колхозу: стерегли от скота заборы, помогали на конюшне и ферме. Находили время и для игр и спорта.

Летом играли в «чирк», городки, лапту, «попа»... Зимой Витя ходил в школу на самодельных лыжах, покрашенных фиолетовыми чернилами.

Как во время войны, так и позже, где-то до 1949 года, жить было голодно. Поэтому зимой ели опилки молодых осин, перемешивая их с мукой. А весной искали на огородах гнилую картошку, на полях – колосья, хвощ, и все это вперемешку ели. «Бывает, идешь со школы, и так прижмет в желудке, что схватишься обеими руками за живот, ляжешь на дорогу и лежишь, пока приступ не пройдет, – продолжает автор рукописи. – Из глаз слезы катятся, а кричать не можешь – от боли голос пропадает. До дома доберешься и на печку. Там примерно час лежишь. Только после этого согретый желудок переставал болеть, и организм успокаивался. Наши матери жили впроголодь, а работали с темноты до темноты. Весной пахали на лошадях так, что еле-еле домой приползали, а на утро снова на работу. А еще за скотиной своей ухаживать нужно было да за детьми смотреть. Это сейчас все заросло, а тогда поля везде были, все перепаживали. Фронт требовал хлеба. Мы и сажали пшеницу, овес, ячмень, рожь, а также коноплю, лен и горох. Все росло. Как только пахота на колхозных полях кончалась, сажали на огородах картошку, морковь, турнепс и капусту. Только успевали закончить посадки, начиналось силосование. Косили все вручную. После начинался сенокос. На дальних лугах жили неделями. Сейчас все они заброшены и заросли. В деревне летом оставались только мелкие дети и глубокие старики. Сена нужно было много. Ведь в деревнях Рай и Кычаньб одних только лошадей было более сотни и коров с телятами столько же. Почти каждая семья держала корову и овец, а косить для себя разрешалось только ночами, да и то только под деревьями и на болотах. У нас тоже были корова и пять овец».

Уйти из колхоза в город было сложно, ведь тогда колхозники не имели паспортов. И чтобы куда-то уехать, нужно было взять справку у председателя колхоза, и лишь на основании этой справки выдавался паспорт.

Когда Виталий закончил 7-й класс (ему было 15 с половиной лет), выдали документ, и он поехал на попутках в Сыктывкар поступать в ремесленное. В училище на моториста его не приняли из-за роста – 138 сантиметров. Но в городе он остался. Так закончилось детство Виталия Иванова, и началась взрослая жизнь...

Семейная реликвия

Свои мемуары Иванов начал писать в 1997 г. Последняя запись сделана 2 января 2000 г. Красиво оформленная рукопись – в «Журнале приема и выдачи задержанных транспортных средств». Видимо, сказалась детская привычка писать на старых книгах, документах. Назвал ее автор так: «Описание автобиографии Иванова В.Ф.». Всего в книге 17 глав автобиографии, 10 рассказов и даже ...ода на коми языке.

«Рано или поздно от старых вещей избавляются, – так начал Виталий Иванов свою летопись. – Отвергают власть одних вещей, чтобы попасть под влияние других. Все это естественно. Неестественно, когда выбрасывают старые бумаги. Это печально и непоправимо. Документы, дневники, фотографии, письма, вырезки из газет – все то, что годами собирали наши родители, дедушки, бабушки, после их смерти большей частью выкидывают, сжигают, сдают в макулатуру. А зря... Семейные архивы – это не прошлое, это всегда завтрашнее. Семья должна иметь свой архив... Когда-нибудь нашей жизнью заинтересуются внуки, правнуки, точно так же, как и к нам подступает с годами интерес к жизни предков, к тому, как они работали, как любили... Ежели кто-нибудь возьмет это мое описание жизни, то пусть хранит его и сам составит аналогичное. Надо, чтобы мое описание передали внукам. Из поколения в поколение. И чтобы оно умножалось и хранилось как семейная реликвия. А может быть, кто-нибудь из наших потомков станет писателем и использует написанное...»

Виталий Филиппович родился в деревне Рай в 1935 г. Его мать – Агафья Михайловна (1912 г.р.) умерла в октябре 1985 г. Отец – Филипп Федорович (1904 г.р.) – в 1930-е гг. служил участковым инспектором милиции в Куратово и Межадоре. До войны работал старшим счетоводом, заготовителем в леспромторге, заведующим складом райпотребсоюза. Дед по матери – Михаил Третьяков – погиб на германском фронте в 1914 г. Бабушка – Александра Третьякова (1887 г.р.) какое-то время занималась извозом. Наравне с мужчинами возила пассажиров и груз на лошадях от Визинги до Мурашей и обратно. Когда она вступила в колхоз, то сдала туда лошадь, двух коров, сани-кошеву и телегу. Умерла бабушка незадолго до начала войны.

В 1960 г. автор летописи женился и через год окончательно переехал жить и работать в Сыктывкар. Здесь устроился в МВД, завершил образование, получил квартиру, выросли три сына, три внука и внучка. В 2002 г. автор уникальной летописи ушел из жизни.

К.А. Казакова (Сыктывкар)

ДНЕВНИК: СТРАНИЧКИ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Человеческая личность – загадка, которую можно разгадывать всю жизнь. Общаясь с человеком, мы можем подмечать положительные и отрицательные черты, можем наблюдать за тем, как он поступает в той или иной ситуации, но мы никогда не можем заглянуть в его душу, узнать, что там творится, что переживает человек. Эту возможность дают нам дневники, которым люди посвящают самые свои сокровенные мысли и желания. Такой дневник недавно попал мне в руки: дневник Исмаила Сыддыковича Хантимера, одного из крупнейших ученых-биологов нашей республики. Я изучаю биографию Исмаила Сыддыковича и историю его семьи на протяжении уже нескольких лет, но, прочитав этот небольшой дневник, который вмещает всего с десяток страниц карманного формата, я смогла взглянуть на личность этого легендарного учёного с совершенно иной стороны. На пожелтевших от времени страницах выражены размышления о справедливости, эгоизме, большой и страстной любви, которую он встретил в лагере, и которая впоследствии стала его женой.

Исмаил Сыддыкович – крупная фигура в научном мире. Татарин по национальности, он прожил большую часть своей жизни в Коми, куда его занесла репрессивная волна печально-знаменитых тридцатых. Окончив Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, он сразу был приглашён заведовать учебной частью Казанского сельскохозяйственного техникума и преподавать в садово-огородном техникуме. Его арестовали в 1929 г. по надуманному обвинению в участии в националистической организации и отправили на Соловки [1].

Однако вести дневник он начал спустя год после освобождения из заключения.

Первая запись датируется июлем 1933 г. В это время Исмаил Сыддыкович уже работает в Архангельске. *«...В этих белоснежных лилиях, разбросанных на зеркальной глади тихих озёр, среди широких листьев, так нежно, словно улыбка ребёнка ласкающий взор, в этом пёстром ковре часто грезится мечта, надежда, счастье, и я, убаюкиваемый этим красивым*

зрелищем, мыслью мчусь в чудные дали... Жизнь, как сны, хороша, нарядна, благородна и чиста!» Эти мысли поражают обилием чувств. На самом деле, он был отнюдь не мягким и чувственным человеком, по воспоминаниям коллег и друзей он наоборот был грубоват и прямолинеен. Читая эти строки невольно задумываешься о том, насколько человек любит жизнь, и что, несмотря на ещё год назад перенесённые испытания, он не потерял чувство ценности прекрасного. В судьбе Хантимера наступает этап, когда он начинает переосмысливать понятия «свободы». Видимо этому способствуют годы, проведённые в заключении. Он пишет: *«Личность может освободиться от всех оков, приобрести полную свободу действия только тогда, когда она поймёт абсолютную неприкосновенность, святость воли и желания других, в какой бы форме оно не проявлялось, только через их безоговорочные признания можно приобрести спокойствие духа, что необходимо для творческой плодотворной работы».*

Может быть, оценивая себя, свой характер и пытаясь анализировать свои поступки, далее он пишет: *«Неприкрытый, откровенный эгоизм благороднее скрытого, не сознаваемого самим субъектом эгоизма. Первое хотя и подло, мерзко, но откровенно и честно, а второе просто глупо, а потому более вредно»* (август 1933 г.).

С сентября по декабрь 1933 г. присутствуют только записи романтического характера. Исмаил Сыддыкович пишет о своей любви к Леонтине Артуровне. Они познакомились в лагере в Кемии. Леонтина приехала туда со своей тёткой Верой Александровной Бальц, которая была директором музея почвоведения в Ленинграде, и, как многие представители интеллигенции, была репрессирована. В Кемии Вера Александровна проводила обследование почв, а Хантимер занимался сорной растительностью [2].

Исмаил Сыддыкович никогда не любил откровенничать, но всё же иногда в разговорах с коллегами проскальзывали некоторые факты, касающиеся истории его семьи. Так, например, его сотрудник, Хмелинин Иван Николаевич вспомнил, что однажды, говоря о Вере Александровне, Хантимер упомянул, что родом она из Варшавы, а отец её служил там генерал-губернатором [3]. К сожалению, более ничего не известно ни о её семье, ни о том, где она получала образование, каким образом оказалась в Петербурге. Но по воспоминаниям внука И.С. Хантимера – Олега Валентиновича Кублицкого – В.А. Бальц, приходившаяся Леонтине Артуровне приемной матерью, на самом деле была её тетей. Когда Леонтина Артуровна стала совершеннолетней, её родители, имевшие немецкую национальность, решили эмигрировать в Германию и предоставили дочери выбор: остаться в Ленинграде или уехать с ними за границу. Леонтина Артуровна не смогла оставить любимый город и друзей, и осталась на попечение тети – В.А. Бальц [4].

В дальнейшем Исмаил Сыдыкович многому учился у Веры Александровны, она помогала ему в научной работе. Балъц владела французским языком и сделала перевод крупной медицинской работы с французского (название установить не удалось), за что получила медаль от французского общества (вероятно утеряна). После освобождения Вера Александровна вместе с Леонтиной и Исмаилом переехала в Сыктывкар, где скончалась в 1943 г. В архиве ЗАГСа удалось найти свидетельство о смерти В.А.Балъц, в котором сказано, что она умерла 8 июля 1943 г. от декомпенсированного миокардита. В 1943-м у Исмаила и Леонтины украли продовольственные карточки, Вера Александровна отдала им свои, поэтому постоянное недоедание подкосило её (вскрытие показало, что она умерла от истощения). Скончалась она на 73 году жизни. Не удалось найти и её могилу. Известно, что она похоронена на городском кладбище (что за больничным городком), но никто точно не помнит где (по воспоминаниям коллег Хантимера, где-то возле забора). Сотрудники похоронного бюро сообщили, что у них хранятся документы, начиная с 1950 г., а все более ранние уничтожены и поэтому если за могилой никто не ухаживает, то вполне вероятно, что там располагаются и вторичные, а, может быть, и третичные захоронения.

В сентябре 1933 г. Хантимер пишет о Леонтине Артуровне в своем дневнике: *«Люблю всем сердцем, с болью, с тоской и с грустью её нежность, её удивительную доброту, чуткость и особую, ей присущую широту души. Её порывы нежности, её жажду любить, быть любимой, её жажду ласки, её беззаботность, взрывы её восторга и муки её разочарований – всё, всё я люблю в ней... Не потому ли такой прилив любви, тоски по ней, что за такое короткое время мы так много успели мучаться, сострадать, переживать сердечную боль, бессонные ночи и самые противоположные мнения друг о друге?»*

Они вырастили трех детей: Изольду, Рустема и Элеонору. Исмаил Сыдыкович всегда хотел, чтобы дети продолжили его дело, но мечту отца воплотила в жизнь лишь Элеонора, она стала микробиологом. В настоящее время она проживает в Москве, до выхода на пенсию работала младшим научным сотрудником в одном из московских научно-исследовательских институтов.

Изольда решила посвятить свою жизнь детям, поэтому стала преподавателем эстетики в ГПТУ № 8. Ею был создан «Клуб любителей прекрасного» (КЛП), который ребята посещали с удовольствием. Она устраивала экскурсионные поездки для учеников в Москву, Ленинград, Таллинн. Помимо этого, КЛП регулярно выезжал с гастролями в районы Коми республики. Свои воспоминания Изольда Исмаиловна отразила в авторской книге «Такое трудное счастье...» [5].

К сожалению, Изольда и Рустем уже ушли из жизни, в Сыктывкаре остался единственный внук И.С. Хантимера Олег Валентинович Кублиц-

кий (сын Изольды). Он, как и мама, решил посвятить себя искусству и детям. Олег Валентинович работает преподавателем культурологии.

Леонтина Артуровна всегда оберегала Исмаила Сыдыковича, находясь в трудные минуты рядом с ним. Она всегда величала его по имени – отчеству, даже когда он мог вспылить на неё. В сентябре 1933 года он напишет: *«Если я мучаю её, если я требователен, придирчив, мнителен – ведь это только то того, что я её так чисто, так глубоко люблю. С ней, с её душой, с её сердцем мне хочется возвыситься, парить там, где вольная мысль как чистый эфир далеко над землёй нам веет и струится».*

А в декабре того же года в дневнике появится следующее: *«Какое счастье любить и быть любимым! Боже, сохрани Её жизнь, дай мне испить эту чашу бесконечного счастья до конца... Когда я воображаю жизнь без неё, то она кажется совершенно невозможной. О, нет, тогда никакая работа уже не спасёт...».*

Исмаил Сыдыкович много сделал для развития сельского хозяйства нашей республики. Он изучал кормовую базу животноводства, сорно-полевую растительность, разрабатывал рекомендации по рациональному использованию и улучшению лугов и пастбищ, создавал геоботанические карты, гербарии и многое, многое другое. К сожалению, из 80 его научных работ опубликовано лишь 37. Н.С. Котелина вспомнила, что из Москвы даже поступало предложение снять фильм о его жизни, деятельности и годах, проведённых на Соловках. Хотел этого и Руستم и всячески уговаривал отца [6]. Но Исмаил Сыдыкович наотрез отказался, объяснив это тем, что не считает себя пострадавшим от репрессий, потому что, даже будучи заключённым он продолжал заниматься любимым делом в отличие от людей, которые погибали на каторжных работах. Очень странно слышать это из уст человека, который был реабилитирован лишь в 1990 за несколько месяцев до смерти, прожив, таким образом, больше половины своей жизни с клеймом «врага народа».

Коллеги навсегда запомнили его неутомимым тружеником, который всегда горел работой. Последняя запись в его дневнике такова: *«Однако сколько слабостей в моём характере. Я счастлив, я любим, я достиг всего, о чём мечтал, но я по-прежнему слаб волей и не нахожу в себе достаточной силы, чтобы направить себя в то русло, в котором я желал бы дальнейшего развития...».* Наверно он искал себя всю жизнь.

Литература и источники

1. Арчегова И.Б., Котелина Н.С. Исмаил Сыдыкович Хантимер. Сыктывкар, 1996. (Люди науки. Вып. 15).

2. Воспоминания И.Б. Арчеговой, доктора биологических наук, сотрудницы И.С. Хантимера (записаны автором).

3. Воспоминания И.Н. Хмелинина, доктора биологических наук, сотрудника И.С. Хантимера (записаны автором).
4. Воспоминания О.В. Кублицкого, внука И.С. Хантимера (записаны автором).
5. Кублицкая И.И. Такое трудное счастье. Сыктывкар, 1989.
6. Воспоминания Н.С. Котелиной, кандидата биологических наук, сотрудницы И.С. Хантимера (записаны автором).

А.И. Глущенко, Ю.М. Смирнов (Муром)

**ДЕТСКИЕ ДВОРОВЫЕ ИГРОВЫЕ СООБЩЕСТВА:
ФОРМУЛЫ ДВОРОВОГО ОБЩЕНИЯ (МУРОМ, 1960–1970-е ГОДЫ)**

С отменой сословий и сословных привилегий после революции в России отмерло и сословное воспитание, которое, как бы к нему не относиться и как бы его не расценивать, играло важную роль в поддержании стратификации общества и форм общения между стратами. Идея всеобщего равенства, принятая новым социалистическим строем, выдвинула иные задачи в сфере воспитания. Уже в первое десятилетие существования советского строя государство взяло на себя функции руководства воспитанием подрастающего поколения. Главным принципом нового воспитания был объявлен коллективизм, из которого логично вытекал еще один принцип – подчинения личных интересов общественным. «Советские исследователи, – писала в 1988 г. Е.А. Репина, – рассматривают коллектив, в том числе и детский, как специфическое образование, рожденное нашим строем, и считают, что невозможно его изучать в отрыве от основных принципов, определяющих отношения между людьми в социалистическом обществе, от содержания жизни общества и что назначение коллектива – воспитывать у своих членов желательные обществу свойства личности. В воспитательных функциях коллектива центральной функцией является формирование коллективистской направленности как важнейшей типологической черты личности советского человека. Само же развитие коллектива во многом зависит от интересов, ценностных ориентаций его членов, их психологической совместимости, от особенностей лидеров и т.д.» [1].

В раннесоветский период педологами/педагогами семья вообще была исключена из процесса воспитания. Но одной школы для воспитания детей, пусть в духе коллективизма, было явно недостаточно. В.И. Ленин сказал об этом так: «Мы не верили бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни» [2]. Н.К. Крупская неоднократно подчеркивала, что, чем раньше ребенок начинает жить коллективной жизнью, тем больше у него возможностей вырасти настоящим коммунистом, человеком с «сильно развитым общественным

инстинктом» [3]. Поэтому создавались иные «ячейки» коллективного воспитания, в которые ребенок должен был, по мысли идеологов, включаться едва ли не с момента своего рождения: ясли, детские сады, детские уголки и площадки, коммуны, летние лагеря, пионерская и комсомольская организации и проч. Потенциальные возможности детских обществ «при целенаправленном воздействии взрослых могут перерасти во взаимоотношения с ясно выраженными признаками коллективного характера» [4]. Предполагалось, что социальный институт общественного воспитания не только вырастит новое поколение с заданными личностными качествами, но и освободит родителей для активного участия в общественно-полезной деятельности. Как и насколько удалось справиться с поставленной задачей – это тема отдельного разговора, и останавливаться на ней мы не будем.

Одним из способов, которым социалистическое государство пыталось быстро достичь социального равенства, стало переселение рабочих семей в квартиры буржуев. Это породило две новые ячейки коллективного воспитания – коммунальную квартиру и двор, которые по вполне понятным причинам остались вне поля зрения советской педагогической системы. Например, результаты проведенного в Москве в 1922 г. обследования жилищ рабочих, переселенных в квартиры бывших более высоких сословий, оказались весьма неутешительными с точки зрения положения детей. «Богатые дома со вселенными в них мелкими жильцами», «большие и роскошные комнаты», заселенные по коммунальному принципу, плохо приспособлены для проживания рабочих семей, в том числе и детей [5]. «Следы особой детской жизни нашлись лишь в 9 семьях (из 36 обследованных). Уголок с жалкими игрушками или кучка учебников, рисунков на столе...» [6]. Немудрено, что в этих условиях центром детского общения и детской жизни становится двор, где «целенаправленное воздействие взрослых» минимально. Территорию дворов, как правило, огораживали, или, по крайней мере, зримо обозначали их границы.

В этих дискретных микропространствах самопроизвольно складывались детские микроколлективы со своими правилами, нормами поведения, кодексом чести. По сути именно во дворах, где отсутствовала школьная нивелировка личности, где не имел значения официальный рейтинг ребенка, решалась сложная задача выработки приемлемых взаимоотношений между пока еще юными представителями различных социальных групп, ибо в одном дворе могли жить дети интеллигентов и рабочих, представителей власти, репрессированных, «бывших» и т.п.

В начале 1960-х гг. в связи с попыткой обеспечить население массовым отдельным дешевым жильем возникла и новая архитектурная концепция свободной застройки микрорайонов, в которых отсутствовали дворы, а их место заняло «междомовое пространство». В этот же период начался при-

ток деревенского населения в города. Если в Москве, например, жителями столицы автоматически становилось население подмосковных окрестностей, превращаемых в микрорайоны, то в Муроме это были люди из близлежащих деревень, работавшие на оборонных предприятиях города. Все это привело к повышению уровня маргинальности детских сообществ.

Период 60–70-х гг. прошлого века выбран авторами работы по той причине, что на это время пришлось их детство: для одного – шестидесятые, для другого – семидесятые. Соответственно, материалом для следующей части послужил опыт их собственного детства.

В шестидесятые годы уже не наблюдалось резкого деления детских игровых сообществ на мальчиков и девочек. Подростая в одной песочнице малышня продолжала и дальше сохранять контакты. Поэтому дразнилка «Тили-тили тесто, / Жених и невеста. / Тесто просохло, / А невеста сдохла», – по отношению к сверстникам звучала крайне редко: она предназначалась для того, чтобы дразнить ребят постарше.

Конечно, для каких-то игр образовывались и чисто мальчишеские, и чисто девчоночьи компании, однако для мальчишек не считалось зазорным играть с девочками и наоборот. Кроме постоянных сообществ были и диффузные, складывавшиеся на короткое время и перетекавшие из одного в другое. Состав постоянных сообществ был, как правило, небольшим, пять-шесть человек, временные могли насчитывать тридцать и более.

Дворовое общение, как уже говорилось, подчинялось определенным правилам, а каждая ситуация обозначалась определенной словесной формулой. Например, устоявшаяся иерархия могла быть изменена, если перед игрой кто-то успевал захватить роль лидера самым банальным образом: раньше всех произнести прекрасно всем известное «Чур, я!». Как правило, этому «захвату» все подчинялись, но в случае, если это был уж очень неподходящий кандидат, лихорадочно придумывали повод для его перемещения на другую ступень. Но чаще всего, особенно если это касалось каких-либо игр, предлагали кому-то возглавить действие: «Давай ты (Ваня, Петя, Таня...)!» Как правило, выбирались или лучшие игроки в эту игру, или те, кто мог придумать какие-то новые элементы, или те, кто в случае спорных вопросов разрешал их по справедливости.

Со сверстниками, и тем более с младшими, не здоровались. Может быть, это был своеобразный протест против непонятной и, с детской точки зрения бесполезной, формулы вежливости, а может протест из-за назойливых напоминаний взрослых о необходимости выполнять ее. Обычным обращением при начальном контакте были слова или фразы: «Слушай(те)», «А я буду с вами играть?», – если при подходе к группе играющих от них не следовало приглашения в игру. Без приглашения или согласия играющих включаться в игру было нельзя. Если кто-то пытался включиться без

приглашения, то игровое сообщество обычно переходило на другое место, оставив не принятого в одиночестве. К физической силе для его изгнания прибегали крайне редко.

Дворовые сообщества были замкнутой структурой, и дети сами по себе в чужие дворы играть не ходили; новичков обязательно приводил кто-то из своих. За чужаков первые два-три дня проходили и приехавшие из других мест. В междомовых пространствах такой замкнутости уже не было (в семидесятые годы она стала еще меньше), сюда для совместных игр могли приходиться дети из других мест. Бывало и так, что приходили совершенно незнакомые, прослышав про какую-то интересную игру. Чужак обычно спрашивал: «А во что вы играете?», «Играют ли у вас в такую-то игру?» или «Как у вас играют в такую-то игру?». Только после этого происходило знакомство. Новые игры или какие-то интересные дополнения к ним ценились. Подчеркнуто здороваться, желательно за руку, стали только в подростковом возрасте, употребляя чаще все-таки не «Здравствуй», а «Привет», «Салют».

К девочкам обычно обращались по именам («Танька». «Татьяна», редко – «Таня»), еще реже по прозвищам, к мальчикам – по именам или по прозвищам (чаще по прозвищам). В этом было отличие от школы, где ко всем обращались преимущественно по фамилии; быть названными по именам удаивались только самые близкие друзья. Прозвища особой оригинальностью не отличались и давались по именам, фамилиям. Аркан – Аркадий; Рудик – Рудаицкий; смешным – на слух – литературным персонажам – Шпонька; дразнилкам – Бука – Сашка-Букашка, от которой отпало сначала имя, а потом и часть Букашки; каким-то особенностям – Комарик, со временем превратившийся в Комарэ – за высокий и звонкий голос, Волчий Нос – за характерные морщинки, появившиеся на переносице во время смеха. Этим прозвищем пользовались редко, практически в каких-то «официальных» и «торжественных» дворовых ситуациях. Были статусные прозвища, признававшие лидерство – «Дед». Никогда не давали прозвища по физическим недостаткам, хотя во дворе жила девочка с искалеченной ногой и мальчик с покрытым черными волосами родимым пятном на пол-лица. Во время ссоры, правда, допускалось упитанного противника обозвать «жирягой», «жиромясокомбинатом», худенького – «скелетом», «сикелетом», или, сокращенно, «сикой», или уж совсем обидно – «сикой тряпочной».

Из ситуативных прозвищ, пожалуй, фигурировало только прозвище «Псих». Его могли в качестве второго прозвища носить несколько человек, и, как это не странно, по их собственному желанию. Просто в какой-то напряженный момент, который должен был закончиться неизбежной дракой, необходимо было предупредить противника: «Со мной поосторожнее, я психованный». Если и после этого жесткого заявления противник доводил

дело до драки, свою «психованность» надо было подтвердить: например, схватить то, что под руку попадет – палку, камень и пр., во время драки сильно ими поразмахивать и, если это не помогло, вопреки всем кодексам дворовой чести, нанести несколько несильных ударов или сымитировать их. Противник, как правило, в панике бежал, слухи о «психованном» уже на следующий день разносились по округе, и тот получал возможность почти безбоязненно несколько месяцев появляться в любом ее уголке. Однако, если перед дракой заявления о «психованности» не следовало, применение чего-либо, кроме кулаков, считалось грубейшим нарушением, а у нарушителя появлялись проблемы обратного характера, и вот ему-то появляться в чужих дворах не рекомендовалось.

Категорически запрещалось сквернословить и тем более ругаться матом при девочках. Этот запрет не имел вербального выражения, однако его придерживались достаточно строго. В сообществе мальчишек крепкие выражения допускались, но тот, кто нарушал табу в присутствии девочек, подвергался жестокому остракизму: ему автоматически, без обсуждений объявлялся бойкот, и все как могли демонстрировали ему свое презрение. Он исключался из всех игр и сообществ, а, проходя мимо него, надо было соорудить презрительную мину. Такой бойкот мог длиться достаточно долго, пока провинившийся чем-то не заслуживал прощения. В некоторых случаях ему приходилось объединяться с другими, подвергнувшимися остракизму по каким-то иным поводам, и создавать новое сообщество. Проблемы такого рода со своими «одноворниками» возникали не столь часто, нарушителями обычно были дети из бывших деревенских семей; а вот с чужаками даже приходилось драться.

Очень не одобрялась жадность. Если вынес во двор игрушку – играть должны все, если вынес еду – есть должны все. Исключение составляли самодельные игрушки – здесь безоговорочно признавалось право создателя-хозяина распоряжаться ей. Что касается еды, то в условиях очень разного материального положения семей и их доступа к «дефициту», как это не странно, гораздо больше ценилась одна карамелька, утащенная с семейного стола для угощения друзей, чем коробка шоколадных конфет, которой заботливая мамаша пыталась купить своему сыну расположение сообщества. Сообщество было гордым и от таких конфет могло отказаться. Не запросто, конечно, с большими моральными мучениями, но отказывалось. Наказывали жадин, правда, не очень строго: или лишали вкусной доли в следующий раз, или, чаще, некоторое время подраживали известной дразнилкой:

Жадина-говядина-солёный огурец.

На полу валяется, никто его не ест.

Святым долгом считалось выполнение игровых обязательств. Игру нельзя было прерывать по желанию одного человека, потому, что «ему на-

доело». Ни в коем случае нельзя было выходить из игры «неотваженным», т.е. не выполнившим свои игровые функции. В противном случае потом долгое время не будут принимать в игру и на каждом шагу придется слышать:

Неотваженная рожа,
На татарина похожа,
А татарин на свинью:
Хрю, хрю, хрю, –
А свинья на петуха:
Ха-ха-ха.

В удел «неотваженному» доставалась только игра с малышами, да и то лишь, если им позволят ребята постарше. Это учитывали даже родители. Вечером, загоня детей домой, если слышали в ответ: «Сейчас отважусь и приду», – как правило, давали чаду возможность корректно выйти из игры.

Если по случаю плохой погоды или какому-иному шли играть к кому-нибудь домой, никогда нельзя было предлагать: «Пойдем к тебе». Это считалось крайне неприличным и назойливым. Надо было дожидаться приглашения. Напрашиваться нельзя.

Пользоваться чужими вещами, например забытыми игрушками, было нельзя. Если знали, кто забыл вещь, надо было отнести ему ее, но при этом не возбранялось попросить ее на время поиграть. Если же хозяин был неизвестен, надо было несколько раз громко сказать:

У кого чего пропало, ко мне на руки попало?
Кто не признается, моим остается!

Если и после этого хозяин не объявлялся, нашедший мог пользоваться вещью. Если хозяин обнаруживался через несколько дней, то здесь уже все решалось по соглашению потерявшего и нашедшего, хотя общественное мнения, как правило, было на стороне того, кто нашел потерю. Однако если фраза «У кого чего пропало...» не была несколько раз произнесена при свидетелях, присвоение вещи уже считалось воровством.

Даже по этому, далеко не полному и достаточно беглому обзору ситуаций детского дворового общения, можно представить, насколько важным было оно в социализации ребенка, прежде всего потому, что происходило в условиях естественно функционирующего сообщества. Идеологические и теоретические установки, довлевшие над детьми в школах и различных детских организациях, в дворовом общении проверялись на прочность и не всегда оказывались действенными. В условиях двора дети оценивали друг друга по личным качествам, по поведению в конкретных ситуациях, а не по устоявшейся школьной характеристике отличника или двоечника. Мобильность взаимоотношений, возможность испробовать себя в разных ролевых качествах, попытки влиять на развитие ситуаций зависели, в пер-

вую очередь, от самого ребенка, от отношения к нему сверстников, а эти отношения надо было выстраивать. Особая роль совместных игр заключалась в том, что в них создавались благоприятные условия для совместных переживаний: ребята учились действовать сообща, планировать, распределять роли, учитывать свои силы, время и возможности, помогать и заботиться о товарищах. Под влиянием критических оценок товарищей по совместной деятельности у детей формировалась критическая самооценка, происходило осознание хороших и плохих качеств партнера, становление основ жизненной позиции. Оно очень важно для человека, поскольку является одним из способов адаптации к окружающей социальной среде, способствует формированию у детей представления о другом человеке, о самом себе, о своих возможностях и способностях [7].

Спад рождаемости в 1990–2000-х гг. на несколько лет практически прекратил существование дворовых игровых сообществ. Этому же способствовало и широкое распространение компьютерной техники. Современные дети, к сожалению, потеряли многое из навыков общения, более замкнуты и ориентированы на себя, утратили многие практические навыки, вырабатываемые в игровой деятельности, а затем необходимые во взрослой жизни, в том числе и осознание ответственности за свои поступки.

Литература и источники

1. Репина Т.А. Социально-психологическая характеристика группы детского сада. М., 1988. С. 6.
2. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи // ПСС. Т. 41. С. 313.
3. Крупская Н.К. Общественное воспитание // Пед. соч. в 10-ти т. М., 1958. Т. 2. С. 134.
4. Нечаева В.Г., Маркова Т.А., Жуковская Р.И., Пеньковская Л.А. Формирование коллективных взаимоотношений детей старшего дошкольного возраста. М., 1968. С. 11.
5. См., например: Сальникова А. Безглазая кукла и папин револьвер: ребенок в вещно-предметном мире раннесоветской эпохи // Теория моды. 2008. Май. Вып. 8. С. 127.
6. Покровская А. Домашняя жизнь московских детей // Вестник просвещения. 1922. № 1. С. 14.
7. См.: Щербакова Е. И. Формирование взаимоотношений детей 3-5 лет в игре. М., 1984. С. 16.

М.А. Галева (Сыктывкар)

**ИЗ ЖИЗНИ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ КОМИ АССР
С.С. РОСТИСЛАВИНОЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКОВ)**

В октябре 2005 г. в Национальном музее Республики Коми была открыта выставка «Жизнь моя – театр», посвященная 75-летию юбилею театра драмы им. В. Савина. Одной из героинь этой выставки стала С.С. Ростиславина. В ходе подготовки к выставке в музей был передан архив Софьи Сергеевны и среди разных документов 15 ее записных книжек-дневников.

«Я выросла в недрах театра, вкусила его дух, познала его умение, и непосредственный отголосок тех лет сохранила до 82-го года. «Хозяйкой» театра никогда не была. «Любимицей публики» не стала, и за всю творческую жизнь для меня специально были поставлены только «Бесприданница», «Милославский» и «Машенька» – так пишет в одном из своих дневников Ростиславина.

Родилась она в 1920 г. в с. Ужга Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. В 1934–1942 гг. училась в Коми студии ГИТИСа. Хотела поступать еще в 1936 г. в Ленинградский техникум искусств, но не получилось. В Москве узнала о начале войны и вместе с другими студентами студии участвовала в строительстве оборонительных сооружений под Москвой. Затем их группа была эвакуирована в Сыктывкар (вместе с преподавателем Тункелем), где продолжилась учеба. Студенты сразу начали участвовать в спектаклях, которые ставились в Сыктывкаре.

В октябре 1941 г. решением правительства республики для обслуживания населения северных городов и населенных пунктов, расположенных вдоль магистрали Княжпогост-Воркута был создан Воркутинский передвижной театр из артистов Коми республиканского драматического театра. Большую часть времени Ухтинский филиал находился в разъездах (по 2–3 месяца). В труппу входили молодые талантливые актеры, в том числе и С. Ростиславина. В 1945 г. вернулись в Сыктывкар. За эту работу она получила Почетную грамоту Президиума Верховного Совета Коми АССР. С.С. Ростиславина играла в театре до 1982 г. Вот некоторые из ее ролей: Майка (Платон Кречет), Соня (Дядя Ваня), Лариса (Бесприданница), Маша

(Живой труп), Анна Вальтер (Последняя остановка), Лиза (Дворянское гнездо), Ирина Сестрорецкая (Третья патетическая) и др.

В 1960 г. С.С. Ростиславиной присвоено звание народной артистки Коми АССР, она сыграла множество ролей, имеется несколько публикаций о ее творчестве. Но мало что известно о том, как сложилась ее судьба после завершения работы в театре. В настоящее время большое внимание исследователей уделяется изучению истории повседневности, бытовой жизни, тому, что нас окружает. И в этом плане большую ценность имеют записи, дневники, сделанные современниками переживаемых событий. В музей сдано 15 записных книжек. Мы рассмотрим одну – за 1992–1993 гг. Записи в дневнике делались каждый день мелким убористым почерком.

Из дневника мы знаем, что талант и знания С.С. Ростиславиной были востребованы и после того, как она перестала работать в театре. Ее приглашали вести лекции по истории театра в гимназию искусств, занятия по этикету в женской гимназии и 35 школе.

Софья Сергеевна поддерживала связь с театром. Продолжала бывать и работать там, была членом комиссии по вручению Государственной премии РК, с ней поддерживали связь и приглашали на вечера в STD. В дневнике высоко оценена работа С.Г. Горчаковой. Мы можем говорить о времяпровождении Ростиславиной – клуб ветеранов, вечера. Праздники и капустники, проводимые в STD.

Основной мотив содержания записных книжек – бытовая жизнь бывшей артистки. Например, работа на даче: 19 ноября 92 г.: «Мне 65 лет, Ульянову 65 лет». 11 июня: « Была на даче, трудно. Посадила всю картошку, бобы, укроп, петрушку, редьку, редиску». 21 июня: «Не разгибаясь, работала до пяти вечера. Целый стог сена нарвала своими руками».

В записной книжке указаны все цены на продукты. Ведется точный подсчет ежедневных и ежемесячных трат, платежей. Можно узнать, что и сколько стоило в этот период (1993 г.). Например, хлеб 104 руб., 3 кг яблок 300 руб., сахарный песок 690 руб., сайка 80 руб., пикша 960 руб., оплата за телефон 520 руб. Интересен рацион питания, который тоже подробно и ежедневно описан. Готовила Софья Сергеевна, которая жила одна в основном каши, рыбу, блины. Пишет ласково: «Готовила курочку, вкусно».

Материальное положение Ростиславиной, которая старалась помогать дочери и внуку, было непростым. Задержка пенсии на несколько дней становилась катастрофой. Июнь 92 г.: 18 – Нет денег. Пенсию дают за двенадцатое. 19 – Уже 11 часов. Так и не принесли пенсию. Надо платить за телефон, а то выключат. Господи, помоги! 22 – Когда принесут пенсию? 24 – Принесли пенсию. 18 июля – Предчувствие не обмануло. Пенсию принесли очень маленькую. Когда кончится это мученье?

Интересно описание продуктового пакета, который получали пенсионеры в магазине «Ветеран». 3 января 1993 г.: «Сходила за гуманитарным пакетом, содержимое, говорят, 100 рублей. Каша с говядиной, толстолобик, чай, конфитюр, зеленый горошек, говядина, рожки импортные, масло 200 г., печенье импортное 100 г., сахарный песок 1 кг, 3 пачки «Беломорканал». Как в старые времена».

Встречаются записи, в которых С.С. Ростиславина вспоминает о своем муже – И.И. Аврамове, народном артисте СССР, который более 20 лет проработал главным режиссером театра. Она принимала участие во всех вечерах его памяти. Софья Сергеевна часто бывала в театрах (драматическом и театре оперы и балета) на премьерных спектаклях, всегда записывала свое мнение о работе артистов, режиссера.

Записные книжки позволяют нам более полно представить жизнь С.С. Ростиславиной с ее тревогами, волнениями, радостями. Дневники ее будут изучены и через какое-то время представят интерес для исследователей.

ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

М.А. Мацук (Сыктывкар)

**«...РАБСКИ ЧЕЛОМ БЬЕМ И МИЛОСТИ ПРОСИМ»
(К ВОПРОСУ О МИРСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ
ОРГАНОВ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
УЕЗДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА XVII СТОЛЕТИЯ)***

Местное самоуправление на черносошном Севере России XVII в. изучается давно и успешно. И естественно, исследователи обращали внимание на делопроизводственную сторону функционирования этого института власти. Выявлен почти полностью состав корпуса документов, исходящих из волостных и уездных мирских «канцелярий».

Я в данной работе хочу привлечь внимание к весьма редко встречающимся документам, а именно, к челобитным волостных целовальников, обращенных к уездным воеводам. Всего за долгие годы поисков мне удалось разыскать две такие челобитные, относящиеся к Коми краю (Яренский, Пустозерский уезды и часть Сольвычегодского уезда). Одну из них, представляющую собой не только интересный заключающимися там фактами, но и, на мой взгляд, превосходно написанный, с точки зрения литературной, документ я и представляю моим уважаемым коллегам.

Челобитная написана от лица целовальника Ляльской трети-волости Вымской земли Яренского уезда Пахома Иванова сына Волынкина и всех мирских людей волости. Адресована она воеводе Яренского уезда Борису Константиновичу Кайсарову. Время написания – ноябрь-декабрь 1672 г. (181-й год).

Теперь привожу полный текст этого документа.

«Государеву воеводе Борису Константиновичу Ляльские трети земской целовальник и мирские люди все лутчие и середние, и молотчие, пад на землю, плачяся, рабски челом бьем и милости у тебя, государя, Борис Константинович, просим о том.

Виноваты мы, сироты, тебе, Борис Константинович, что в Еренской на сроки по государеву указу не бывали. Ей-ей, государь, такая скудость

* Работа публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

в миру, что и сказать, государь, невозможно. А собрать в миру не мочно единой гривны. А се, государь, распутье. Многа мирских людей дома нет.

И ныне мы, сироты, послали к тебе целовальника да посыльщика просити у тебя, государя, милости, чтоб ты, государь, нас бедных еще для ради Христа недели на две посрочил, потому что, государь, ныне мы, сироты, збираемся дань рубить.

А от того тебе, государю, челом бьем два рубли деньгами. А как, государь, в мир изверстаемся и дань срубим и мы, сироты, все будем в тот час. И твоему здоровью будем бить челом.

А ныне, государь, без рубежа исправитца ей-ей невозможно. Посему здравствуй, государь, на множество лет.» (Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Соликамск № 2. Л. 723 об.–724 об.).

Приведенный документ свидетельствует о том, что крестьяне далеко от северного уезда, населенного, в основном народом коми, не чувствовали себя в приниженном положении, общаясь с представителем элиты Московского государства. Деловой тон и спокойная уверенность в том, что общее дело будет доведено до логического конца – характеризуют данный документ.

Еще интересно то, что тут нет каких-либо преувеличений, характерных для обращений представителей общин к государю.

Еще на то хочу обратить внимание, что авторы документа – в подавляющей массе неграмотные крестьяне, причем для них русский язык не родной.

Всеми приведенными аргументами хочу подчеркнуть своеобразие и уникальность данного документа и хочу надеяться, что он войдет в научный оборот и историков и филологов.

**ЛЕТОПИСЬ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ
СЕЛА АНЫБЬ УСТЬ-СЫСОЛЬСКОГО УЕЗДА
ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ (1869–1894)**

В Аныбском приходе с благословения Преосвященнейшего Евлампия, епископа Вологодского и Устюжского, в 1855 году построена усердием прихожан деревянная одноэтажная церковь с двумя приделами в честь Преображения Господня и во имя Святителя и Чудотворца Николая. В 1863 году разделена на теплую и холодную, с устройением в теплой придельного алтаря во имя Преподобного Феодосия Тотемского.

У жителей до 1855 года была от глубокой древности деревянная часовня, принадлежащая к Деревянскому приходу в 22 верстах от Аныба. В 1862 году отведено место для кладбища, так как последовало запрещение хоронить тела у церкви. С 1859 года причт состоит из настоятеля и псаломщика. Для них дано пахотной земли до двух десятин и сенокосной земли до 40 возов. Жалованье – 144 руб., руни – 105 пудов, печоного хлеба по четыре ковриги с каждого дома. Дома для причта построены обществом.

Название прихода от реки Аныбы. Прихожане финского племени – зыряне, из села Аныб и деревень Мало-Аныбы, Фокинской. Населения мужского – 180, женского – 205 душ, дворов – 70. В 1872 году 22 октября Фокинская деревня причислена к Аныбскому приходу, в ней жителей: 25 мужского пола, 24 женского пола, дворов 9.

Список причта с 1861 года по 1881 год.

1. Священник Матфей Васильев Доброумов с 1861 по 1869 год. Никольского уезда Халежской Введенской церкви священнический сын. Окончил Вологодскую духовную семинарию с аттестатом 2-го разряда. 1860 году 20 ноября рукоположен к сей церкви, от которой по прошению 3 мая 1869 года переведен к Николаевской Заозерской церкви Кадниковского уезда.

И.д. дьячка Онисим Филиппов Попов с 1860 по 1867 год. Из села Керчомья диаконский сын. Обучался Яренском духовном училище, которое окончил 20 октября 1860 году и определен к сей церкви. В 1864 году 27 июля послан в Сольвычегодский монастырь на послушание.

2. Священник Василий Андреев Пономарев с 1869 по 1877 год, из г. Никольска Сретенского собора дьяческий сын. Окончил Вологодскую

ДС с аттестатом по 2-му разряду 1844 г. 12 декабря 1845 года рукоположен во священника к Анданской Происхожденской церкви Никольского уезда. 1852 году 26 января к Пушемской Троицкой церкви переведен того же уезда. 1867 году 1 мая переведен к Гривенской Георгиевской церкви сего уезда. С января 21 числа до 24 июня 1869 года был запрещен священнодействия и уволен от одного места. 28 августа 1869 года определен к сей церкви. 1870 году от сей церкви перемещен в Никольский уезд к Вохомской Преображенской церкви.

Дьячек Филарет Васильевич Вишерский с 1867 по 1879 год из села Вишера священнический сын. Уволен из Вологодской ДС 4 сентября 1867 года, определен к сей церкви во дьячка. 1876 году 15 февраля рукоположен во диакоа, 1878 году переведен село Нившеру.

3. Священник Иоанн Алексеев Тюрнин с 1871 по 1875 год, из села Ульяново бесприходной церкви, сын священника. Уволен из 2-го класса Усть-сысольского духовно-приходского училища. 1825 году 15 августа определен село Помоздино пономарем, 1843 году 7 ноября переведен в диакона село Деревянск, а во священника рукоположен 1871 году 14 ноября к сей церкви. В 1874 году переведен село Мыелдино. В 1875 году священническое место праздно.

4. Священник Александр Платонов Кузнецов с 1876 по 1880 год.

Устюжского уезда Морозовской Спаской церкви пономаря сын. Окончил Вологодскую ДС в 1840 году с аттестатом 2-го разряда, 8 сентября рукоположен во священника к Шарденской Георгиевской церкви Устюжского уезда. В 1854 году перемещен к Ветложемской Троицкой церкви. В 1856 году перемещен к Пречистенской Богородской церкви, отсюда в следствие неудовольствия был устанен и 28 ноября 1862 года был определен на два года до совершеннолетия девицы к Утмановской Михайло-Архангельской церкви. В 1866 году определен к Ертомской Троицкой церкви Яренского уезда. В 1869 году переведен Спасо-Репко-пустынской церкви Кадниковского уезда, в 1872 году 1 марта перемещен для пользы службы к Верховской Богородской церкви, затем 10 октября к Верхне-Подюгской Афанасьевской церкви перемещен Вельского уезда. В 1874 году 23 октября – к Пырской Преображенской церкви Сольвычегодского уезда, где за старостью и слабостью здоровья уволен был заштат. В 1876 году 23 марта определен к сей церкви. 1868 году за обращение двух раскольников награжден набедренником. В 1880 году 16 октября по прошению за старостью уволен заштат.

Псаломщик Александр Феодоров Прозоровский с 1879 по 1880 год. Мыелдинской церкви священнический сын. Уволен Вологодской ДС 28 марта 1862 года и определен Усть-Немской церкви в пономаря. 1879 году 13 марта перемещен к сей церкви, в том же году за потерю зрения уволен заштат.

И.д. псаломщика Диакон Николай Васильев Попов с 1880 по 1882 год. Тотемской церкви дьяческий сын. 1857 году уволен из Вологодской ДС, был учителем селе Часово с 12 октября 1862 года по 12 октября 1867 года, в декабре 6 числа рукоположен в Дякона село Помоздино. В 1872 году 19 октября уволен от места с запрещением священнослужения. В 1875 году 18 июня по прошению был определен псаломщиком к Тотемской церкви. 12 августа текущего года по прошению уволен заштат с причислением к причту села Помоздино с запрещением священнодействия. В 1880 году 14 августа определен к сей церкви и.д. псаломщика.

Список церковных старост.

1. Крестьянин Михаил Адрианов Лобанов с 1868 по 1871 год, служил ранее строителем церкви.

2. Крестьянин Григорий Анисимов Нестеров с 1871 по 1876 год.

3. Крестьянин Федор Федоров Нестеров с 1876 по 1880 год.

4. Крестьянин Максим Осипов Казаринов с 1880 по 1883 год.

Церковно-Приходское Попечительство открыто 1873 году 7 февраля.

Председатель крестьянин Иван Михайлов Лобанов

Члены: Осип Назаров Казаринов

Федор Петров Нестеров

Андрей Иванов Пименов

Крестный ход. К благочестивым обычаям сей церкви относится Крестный ход издревле ежегодно совершаемый в первое воскресенье Петрова поста вокруг Аныбского села.

Прихожан:

1861 г. – 70 дворов, 197 муж. пол., 221 жен. пол.

1871 г. – 74 двора, 231 муж. пол., 236 жен. пол.

1880 г. – 78 дворов, 312 муж. пол., 355 жен. пол.

1881 год

Сведения о причте и приходе современные.

Священник Викентий Васильев Попов, природою сего уезда дьяческий сын Вотчинской Богородской церкви. Обучался в Вологодской ДС, по увольнении из оной в 1843 году 6 августа был определен на дьяческое место к Вотчинской церкви; в 1864 году 8 июня произведен в той же церкви во Дякона с оставлением на дьяческой вакансии; в 1872 году 31 августа переведен на штатную должность дякона к Объячевской Николаевской церкви; в 1879 году 3 февраля произведен во священника к Чупровской Спасской церкви Яренского уезда. С 16 октября того же года проходил должность Благочинного и Попечительских Советов до перемещения от оной церкви. В 1881 году 13 января по прошению перемещен к сей церкви.

И.д. псаломщика Диакон Николай Васильев Попов.

Староста крестьянин Максим Осипов Казаринов с апреля 1880 года. Прихожане.

К церковному Богослужению, говению, исповеди и причастию Святых Тайн, слушанию бесед душещипательных, к поминовению усопших, к отправлению молебнов и вообще к делам благочестия, за исключением не многих, мало усердны. Занятиями и промыслами прихожане преимущественно снискивают себе пропитание и средства к жизни от землевладения и от заработков на заводах в Пермской губернии. Прихожане сего прихода находятся в бедственном положении, вследствие того, что они, кроме одной черной работы, никакого ремесла не имеют.

В течение июня-июля месяцев с Северной стороны на казенный счет устроена церковная ограда. Для входа в ограду между оной устроены так называемые Святые ворота с одною калиткою. Употреблено казенных денег на оную постройку до 40 рублей. В настоящем году лето было сначала сухое, потом мокрое, а под исход исход переменная погода. Урожай хлеба, судя по местоположению, был хороший. Река Вычегда замерзла ноября 2 числа. Зима была не очень холодная и снегу было довольно глубоко.

Ведомость по Метрической книге.

Родилось: муж. пол. – 17 Браков – 6. Умерло: муж.пол. – 8 жен.пол. – 22 жен. пол. – 12.

Ведомость о числе бывших и не бывших на исповеди у Святого причастия.

Исповедавшихся Не испов., по малолетию: др. причинам: по опущению: и причастившихся: не прич.:

муж. пол. – 21	25	76	29	170
----------------	----	----	----	-----

жен. пол. – 30	35	89	26	182
----------------	----	----	----	-----

Всего: муж. пол. – 321, жен. пол. – 362, обоого пола – 683, дворов – 78
Священник – п/п Викентий Попов.

1882 год

12/21 января по новому распределению церковей Вологодской Епархии на Благочинные округа, состоявшемуся 1882 году, утвержден Благочинным 5-го округа Устьсысольского уезда священник Деревянской Христорождественской церкви Евгений Богданов на место уволенного от должности священника Пожегодской Троицкой церкви Михаила Шайтанова.

По приговору прихожан и с согласия причта избраны и утверждены нове члены в приходское Попечительство. Председателем 20 ноября 1881 года утвержден местный священник Викентий Попов, а членами крестьяне: Нестеров, Аврам Моторин, Афанасий Расов с 1882 по 1884 годы.

Заштатный псаломщик Александр Федоров Прозоровский, уволенный по паспорту для лечения, помер 28 января.

И.д. псаломщика диакон Николай Васильев Попов 6 марта Указом Духовной Консистории за N 1052 за свою не трезвость и не пригодность для церковного служения окончательно удален от должности с исключением заштат и продолжением запрещения в Священнослужении. На место уволенного и.д. псаломщика дикона Николая Попова определен окончивший курс в 1879 году и.д. псаломщика Геннадий Леонидов Попов, обучавшийся в Устьсысольском ДУ. Природою сего уезда Устькуломской Петропавловской церкви священника сын, 29 июля 1882 года Указом Вологодской ДК определен к сей церкви со званием и.д. псаломщика.

Вскрытие реки Вычегды было 29 апреля. В сем году от частых дождей и переменчивой погоды через весь июль месяц сено сгнило. Река Вычегда замерзла в начале ноября.

1883 год

Староста Михаил Адрианов Лобанов избран на 3 года, до того был строителем при постройке церкви. В 1874 году награжден серебряной медалью для ношения на шею на Станиславской ленте. Решено построить новую каменную церковь одноэтажную с колокольней и двумя приделами в честь Преображения Господня и во имя Святого Николая Чудотворца. Пристав 2-го стана Устьсысольского уезда Константин Клеопатров и Благодичинный священник Евгений Богданов составили акт для Консистории о месте постройки. Инженер-архитектором Шильдкентом составлена пояснительная записка о строительстве.

Весною река Вычегда очистилась от льда 3 мая. Покрылась льдом в половине ноября.

1884 год

Священник Викентий Попов награжден 23 марта набедренником Пресвященнейшим Израилем Епископом Вологодским и Устюжским.

Начата заготовка кирпича для новой церкви.

1885 год

По случаю неурожая хлеба 1884 году цена возвысилась до 1 руб. 30 коп. за пуд.

Новый председатель Попечительства крестьянин Николай Иванов Пименов избран на 3 года. Члены: Семен Попов, Михаил Лазарев Казаринов.

1886 год

Заштатный диакон Николай Попов определен 14 января псаломщиком к Пыелдинской церкви. За смертью местного Благодичинного священника села Деревянск Евгения Богданова, 15 мая утвержден Благодичинным свя-

щенник Усть-Куломской церкви Николай Доброумов, а помощником ему Усть-Немской церкви священник Николай Сапожников. Старостой избран на 3 года Димитрий Димитриев Лобанов.

1887 год

По выбору духовенства 5-го Благочинного округа Устьсысольского уезда.

29 января сего года утвержден духовником священник села Мыелдино Михаил Тюрнин и депутатом по делам следственным и хозяйственным священник села Пожег Александр Сапожников.

1888 год

Избраны в Церковно-Приходское Попечительство: председатель – крестьянин Фока Нестеров, члены – крестьяне Михаил Пименов, Михаил Казаринов. Начата заготовка на фундамент каменной церкви булыжного камня и колка извести.

16 июня в первом часу по полудни проездом из Ульяновского монастыря в город Усть-Сысольск Его Преосвященство Преосвященнейший Иоанкий Вологодский и Устюжский посетил церковь, а потом и дом священника.

19 июня псаломщик сей церкви Геннадий Попов в городе Усть-Сысольске Преосвященнейшим Иоанкием посвящен в стихарь.

16 сентября Указом Устюжского Духовного Правления псаломщик Геннадий Попов и псаломщик Николай Щетинин Чухломской церкви перемещены один на место другого. В последних числах ноября псаломщик Геннадий Попов отправился в Чухлом. В первых числах декабря прибыл псаломщик Николай Щетинин к сей церкви.

1889 год

Для постройки новой церкви назначен подрядчиком крестьянин Николай Григорьев Конаков.

1890 год

14 июня сего года Его Преосвященство Преосвященнейший Иоанкий, Епископ Великоустюжский, предпринимая весною сего года поездку для осмотра дальних церквей своего Викариатства, изволил вторично быть в Аныбском приходе. Владыка на этот раз был в Аныбе проездом в обратный путь по осмотру самых отдаленных церквей Усть-Сысольского уезда, находящихся по реке Печоре и верховьях реки Вычегды. Приплыл Он сюда по реке из Помоздина в небольшой крытой лодке, сопровождаемый протоиереем Усть-Сысольского Троицкого собора Андреем Поповым, местным Благочинным священником Усть-Куломской церкви Николаем Доброумо-

вым и приставом 2-го стана Клеопатровым. Под Аныбом Владыке благоугодно было остановиться не к пристани, приготовленной по причине отмени на реке Вычегде у Аныба на две версты ниже села, но против церкви и отсюда с версту изволил подняться пешком до села. Здесь, встречаемый сначала Благовестом на колокольне приходской церкви, а по вступлении в село звоном во все колокола. Он последовал к церкви, где при значительном числе собравшихся прихожан и всех учеников местной приходской школы, был встречен приходским духовенством Святым Крестом и Святой водою у Святых ворот церковной ограды. Приложившись к Святому Кресту и окропив себя Святою водою, Преосвященнейший, в сопровождении всех встретившихся и сопутствовавших Его лиц при пении тропаря в честь храма Преображения Господня, вступил в церковь. В церкви, выслушав обычную встечу Ему, по возглашении священником Викентием Поповым многолетия сперва Царственному Дому, а потом Священному Синоду и местным епископам, Владыко Сам осенял Святым Крестом, предстоящий Ему народ. Затем, облобызав Святой Крест Сам и дав приложиться ко Кресту священнику, псаломщику и всему народу, принимал к Архипастырскому Своему Благословию. При встрече в церкви на клиросе вместе с псаломщиком пели и ученики. Обревизовав церковь, Он при колокольном же звоне изволил последовать к месту, вновь строящегося каменного храма, где внимательно осмотрел, заложенный уже фундамент для здания и самый проект его. Отсюда направлся в квартиры церковно-приходской школы, куда из церкви были собраны все ученики. По пути в школу Владыко посетил вновь отстроенный общественный дом для ЦПШ. Здесь он указал на некоторые необходимо-нужные усовершенствования комнаты для школьных помещений и изъявил желание, чтобы эти недостатки, прежде чем будет переведена в этот дом школа, обществом были исправлены. В школе Преосвященнейший был встречен пением учащимися молитвы Духу Святому – «Царю Небесный», по окончании которой спрашивал у некоторых учеников Символ Веры по членам и молитву Господню, а затем раздавал книжки всем ученикам. После школы удостоил Своим посещением дом местного священника Викентия Попова. У него пил чай и закусывал. От священника Владыко отбыл на пристань, на приготовленных Ему подводах, сопровождаемый сопутствующими Ему лицами, при звоне на колокольне, который был все время пребывания Его в Аныбе.

18 ноября прибыл в Аныб подрядчик по постройке каменной церкви крестьянин Николай Григорьев Конаков с восьмью рабочими каменщиками и по отправлению местным причтом молебного пения, начал первые кирпичные работы.

19 июля псаломщик Николай Щетинин и псаломщик с Деревянск Николай Хватов, перемещены один на место другого.

24 июля около 5 часов вечера под Аныбом разразилась гроза во время которой молниєю ударило в желтый крест над куполом приходской церкви. Расчепав маковку и разбросав стенки у осмерика и часть купола с восточной стороны, она проникла в холодную церковь. Крест же провалился в осмерик, отшиб при падении два украшения в концах. В церковь молния проникла в правый Преображенский придел, над иконостасом, около потолка, сквозь стены. Здесь электрический ток расколол на двое резного из дерева Ангела над иконостасом, а другого, стоящего рядом, сдвинул с места вперед. Осколком от первого Ангела ударило в нижнюю часть восточной стены теплого храма и сделало в одном бревне рубец в палец глубины, а электрическая сила сдвинула четыре бревна в этой стене по направлению теплого храма, не роняя однако их. От молнии пострадал больше правый Преображенский придел. Здесь предалтарном иконостасе побросаны от местных икон колонны, опалено посебрение их, а равно позолота в рамке у икон, раскорезены немного Царские врата и также опалены, расколотые тумбы у некоторых колонн, выброшены четыре лампы и раскиданы подсвечники, разбит книжный шкаф на клиросе, скомкан ковер в Царских вратах, во втором ярусе опалена и разбросана часть резьбы и выброшена одна икона. В левом приделе во имя Святого Николая Чудотворца значительных повреждений нет, только были наклонены металлические свечи в лампаде, перерезан ковер в Царских вратах и одна часть его разорвана на мелкие куски, до по разрезу ковра на конце видна черная полоса. В церкви был брошен один аналой с лежавшей на оном иконой. «Святцы» в рамке и бывшая одежда на аналое разорвана на лоскутки, а верхняя доска аналая и рамка у иконы были расчепаны в Восточной и Северной стенах, выброшены по две рамы наружу и одна во внутрь храма, у выпавшего среди церкви паникадила оторваны и выброшены на пол несколько украшений. В алтарях не было никаких повреждений. В теплом храме также не было, только рама в капитальной стене, отделявшая холодную церковь от теплой, была выброшена в теплый храм с разбитием стекол. О случившемся было в тот же день донесено с нарочным местному Благочинному, который по освидетельствованию нашел убытку от повреждений на 100 рублей.

5 сентября выбраны прихожане для свидетельства прихода и расхода церковных сумм: Федот Федотов Нестеров и Стефан Михайлов Лобанов.

30 октября р.Вычегда покрылась льдом и 3 ноября укрепилась окончательно и открылась зимняя дорога. С 10 по 20 ноября мороз стоял необыкновенно стойкий.

1891 год

Избраны на трехлетие в Попечительство: председателем крестьянин Андрей Ветошкин, членами крестьяне Владимир Пименов и Василий Пахомов.

7 марта утвержден Духовником 5-го Благочинного округа священник сей церкви Викентий Попов.

22 марта около 9 часов вечера из кружки, поставленной вне ограды на столбе для добровольных пожертвований на устройство нового храма, похищено через взлом желтых полос, коими была укреплена кружка, замка и церковной печати. Сколько было в кружке всех денег неизвестно, но по немедленном розыске похитителя крестьянина Небдинской волости Саввы незаконнорожденного Вавилова отобрано от него похищенных денег 2 руб. 82 коп. с половиной, виновен еще крестьянин с. Деревянск Егор Игнатьев Ракин, они отправлены в Усть-Сысольск тюремный замок.

28 июля сего года окончено строительство церкви, составлен акт и расчет с подрядчиком.

30 декабря. Прихожане, положенную ругу на содержание причта, не все смогли уплатить и более половины прихожан остались в недоимках из-за плохого урожая.

1892 год

Избран церковный староста на трехлетие 1892–1894 гг. крестьянин Павел Федотов Пименов.

16 февраля Указ о постройке дома для священника.

Зима 1891–1892 гг. была обильна снегом. Всю почти зиму крестьяне терпели нужду в продовольствии. Земством проводилась деятельная закупка повсеместно по сысольскому и вычегодскому краю хлеба. Местные крестьяне доставляли, заготовленный земством хлеб, из Вотчинской волости.

Весной крыша нового храма покрыта тесовой крышей, а глава листовым железом.

18 июня сообщено отцом Благочинным о перемещении Преосвященнейшего Петра, Епископа Великоустюжского на самостоятельную кафедру Епископа Пермского.

6 июля получено священником Викентием Поповым через местного Благочинного наградное скуфьею священство.

26 июля сообщено о назначении Ректора Казанской ДС Архимандрита Варсонофия во Епископа Великоустюжского, Викария Вологодской епархии.

20 августа местным Благочинным дано известие причту о посещении Преосвященнейшим Варсонофием города Усть-Сысольска и Свято-Троице-Стефановского Ульяновского монастыря. Мимо Аныба Владыко поднялся на пароходе «Север» в Ульяново 22 августа и отплыл здесь обратно 24 августа. При проездах встречаем был и провожаем колокольным звоном. Для обривизования церкви не останавливался.

Начало осени дождливое. Многие из прихожан отправились на ежегодные заработки на заводах в Пермской губ.

10 сентября подняты на главы новой церкви Святые Кресты, снятые с глав старой церкви и перезолоченные. На старую церковь подняты деревянные кресты. Крестовоздвижение, совершенное после Божественной Литургии по освещении крестов, окропленных святой водой на отправленном в след за Литургией водосвятном молебне, было торжественное при значительном числе собравшегося народа.

1893 год

Многоснежная зима повлекла за собою большое наводнение.

У устьсысольского нотариуса господина Васильева заключен договор с крестьянином Яренского уезда Александром Торлоповым на устройство иконостаса.

17 июня умер скоропостижно от падучей болезни и.д. псаломщика сей церкви Николай Хватов и 22 июня погребен на приходском кладбище.

19 декабря выбраны крестьяне для освидетельствования церковных сумм Михаил Пименов и Евфимия Моторина.

1894 год

28 января, Указом Великоустюжского ДП, определен к сей церкви на должность и.д. псаломщика заштатный Диякон псаломщик Устюжской градской церкви Спасо-Преображенской Рафаил Шутов.

23 апреля в 12 часов утра скончался в Волге после кратковременной болезни Преосвященнейший Израиль, Епископ Вологодский и Тотемский на 65-м году от рождения после 10 лет управления Вологодской епархией.

28 мая дано знать, что утвержденному Св. Синодом о бытии первому vicарию Волынской епархии Преосвященнейшему Острожскому Антонию Епископом Вологодским и Тотемским.

19 июня в местном храме произведен сбор пожертвований в пользу жителей Греческого Королевства, пострадавших от землетрясения.

Сруб для священнического дома поднят рядом со священническим домом.

15 августа заключено условие между председателем приходского попечительства Моториным и крестьянином Вильгортской волости дер. Кочпонской Викентием Павловым Холоповым на взятие последним иконописного подряда для нового иконостаса в новом храме, по сему условию Холопов должен за 80 руб. и 10 пуд. хлебом написать 7 новых икон, 6 клейм под чекан на золотом фоне и поставить старые иконы из иконостаса старого храма.

17 октября получено от местного Благочинного Доброумова предписание и с заключением телеграмма господина Секретаря ДК князя Елецкого о том, что Св. Синод благословляет повсеместное служение молебствий и

возглашение на эктениях прошения о здравии Государя Императора Александра III. В Аныбе это было первое тревожное известие о слабом состоянии здоровья Государя Императора Александра III.

3 ноября от Благодичного было получено печальное известие о смерти Благодетельного Императора Александра III.

20 декабря Преосвященнейший Варсонофий, Епископ Великоустюжский, перемещен на кафедру Епископа Глазовского.

(Национальный архив Республики Коми. Ф. 230. Оп. 1. Д. 193).

Публикация А.Г. Малыхиной (Сыктывкар)

**ИЗ ЖИЗНИ УСТЬ-СЫСОЛЬЦЕВ В 1921 ГОДУ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «УДЖ» / «ЮГЫД ТУЙ»)***

Вестник института просвещения

20 января 1921 г. в здании педкурсов (б[ывшее] духовное училище) состоится трудово-торжественное открытие Коми Института Просвещения,** первого высшего учено-учебного заведения среди «Коми».

Деловая часть с 11 час. Вечером композиция-концерт и спектакль.

Приглашаются учреждения, организации принять активное участие: певческие силы, музыкальные, театральные труппы «коми» – все обязаны принять трудово-культурное участие без всяких видов саботажа, не говоря о лекторах, слушателях.

Вход по пригласительным билетам.

Программа дня будет вывешена в здании Института просвещения.

А.А. Чеусов.

«Удж», 17 января 1921 г., с. 1.

Открытие Коми института

В 12 часов дня 20 января 1921 г. в здании б[ывшего] «духовного» училища в третий год существования Советской власти на месте открыт коммунистический Коми-Институт Просвещения с именем Коммунистического Интернационала.

От Коми подотдела Наркомнаца выступил В.А. Молодцов, остановившись на всей истории возникновения и создания Института.

От Укомпартии выступил тов. Я.Ф. Потапов.

От Уикома тов. В.П. Юркин.

От Укомола т. Харапов.

От Губкома партии тов. М.И. Безносков.

* Работа публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

** Позднее данное учебное заведение будет переименовано в Коми Институт народного образования (КИНО), а 1922 г. его переименуют в Практический Институт народного образования (ПИНО).

От Наркомпроса т. Т.Т. Сердитов.

От коми-педагогических курсов в гор. Яренске т. Калимов.

От Уотнаробраза т. В.А. Никитин.

От Упрофбюро официального* представителя не оказалось

Был пропет гимн трудящихся: «Гажажик коми – жоз – сло».

От полномочной комиссии по организации Института выступил тов. Чеусов А.А.

Как гражданин-поэт, выступая т. Савин В.А., преподнес свое умное, деловое и красивое стихотворение на языке «коми» – Коми Институту. Речи ораторов были полны бодрости, энергии, твердого убеждения не только построения Института и Коммунистического просвещения, но и славой труду и трудящихся к их исторической победе не только в человечестве, но и над природой.

С пением «Интернационала» официальная часть открытия закончилась.

Вечером в Народном доме прошел коми спектакль, играла коми труппа.

До спектакля тов. Чеусов А.А. призвал всех участников в Институте, обрисовал всю линию поведения Государства Труда, как почвы коммунистического строя высшего порядка.

В здании школы II ступени № 2 с 11–12 часов до половины второго при прекрасном электрическом освещении и украшении был завершен праздник труда с пожеланием будущим поколениям и человечеству вечно радоваться радостью живых революционеров-творцов.

Добровольный сбор в пользу Коми-клуба – Университета им. Энгельса дал за день 16 тысяч руб.

ЧАР.

«Удж», 29 января 1921 г., с. 2.

Коми-клуб – университет им. Энгельса

По предложению тов. Чеусова при Коми – подотделе Нацменшинств организован Президиум Коми-клуба – Университета им. Энгельса, представленный на утверждение Наркомпросу. Задача Президиума клуба: немедленно организовать научную работу при Коми-Институте по отделениям истории и социологии, естествознания, этнографии, археологии, языка «Коми» и его литературы с музыкально-этнографической секцией, иметь свой печатный орган (на всех тех языках, которыми будет располагать коллектив, начиная с языка «коми») Юортыс (Вестник), иметь постоянные коммунистически-научные связи со всеми центрами научной работы в России.

ЧАР.

«Удж», 29 января 1921 г., с. 2.

* Так в тексте. Написание коми слов в тексте оставлено без изменения.

«Сыкомтевчук»

В Устьсысольске при Уполитпросвете организована театральная труппа под названием «Сыка-карса Крми Театры Сью чукор», или сокращенно «Сыкомтевчук».

Цель труппы: создать народный театра, дать малопросвещенному народу коми культурное воспитание путем постановок спектаклей на родном (коми) языке. Запись в труппу продолжается*.

Выбрано постоянное Правление членов. Распределены ответственные должности.

Готовится к постановке спектакль труппы «Сыкомтевчук» 12, 13, 14 февраля в Народном доме большая пьеса «Бабы» в переводе на коми язык.

«Удж», 9 февраля 1921 г., с. 3.

Экономическое положение уезда

Электропромышленность.

С 25 октября в городе работает электростанция. Электро-машина – 30 лошадиных сил, паровая-быстроходная Унион – 47 сил. Мощность 25 киловатт. Обслуживает освещение 8 улиц города, совучреждений и граждан. Всего 875 лампочек. Максимальный расход энергии за 12 часов работы – 12 киловатт, расход топлива – до 3 саж. Дров, воды до 1000 ведер. Обслуживается командой 12 человек, подсобных рабочих – 12 человек.

С мая месяца предполагается расширение сети освещения улиц города по Интернациональной, Севро-Загородной, продолжить по Республиканской, Рабочей, Трудовой и Пролетарской. Материалы установок и лампочки в количестве до 1500 штук ожидаются из центра. Предполагается получить и установить на станции второй котел и машину в 20 лошадиных сил на 12 киловатт и установить до 1600 лампочек.

К осени предполагается установить пять электро-моторов на 25 лошадиных сил для обслуживания промышленных предприятий.

Механизация промышленности.

За Сысолой, южнее флотской мастерской производится постройка дроворезного завода. Рабочих 36 человек. К 10 апреля выполнены работы: выведены стены завода, построена сторожка, начата выкладка печи, вставляются оконные рамы. Закончена постройка помещения кузницы, установлены горн и механизмы. Предстоит закончить помещение для машин, устроить вымостки для штабелей бревен. Все работы предполагается закончить в июне и к 1 июля завод пустить в ход. Завод с городом будет соединен электричеством и телефоном. Осенью предстоят постройки для помещений служебных и для рабочих.

* Участниками труппы являлись: П.А. Суханов, П. Чеусов, А. Панбков, В. Савин, А. Суханова, А. Каракчиева и др.

С осени предполагается установка паровой мельницы при электростанции.

Телефонная станция.

Обслуживает 8 телефонисток.

К 10 апреля работают 34 №№. Предполагается правильная установка проводов по изоляторам. Имеется 8 аппаратов в ремонте.

«Удж», 14 мая 1921 г., с. 2–3.

Взялись за труд

Проходя по Устьсысольску и внимательно вглядываясь по сторонам улиц, замечаешь через полуразваленные заборы, что каждый дом окружен целой комбинацией грядок, на которых копошатся какие-то люди.

Это устьсысольцы взялись за ум.

Продолжительные голодовки доказали им, что одним Советским пайком не проживешь, и надо выдумывать другие пути для питания организма. Сперва пробовали менять. Меняли все: материю, стулья, брюки, ножи, иголки, нитки и т.д.

Но скоро все так поменялись, что начали рисковать остаться в костюме праотцев, а так как в Устьсысольске климат довольно прохладный и райские костюмы довольно скверная вещь, то принялись искать других путей.

Пути нашлись. Несколько устьсысольцев, знакомых с огородным делом, начали сами садить картошку, репу и пр. их пример оказался заразительным и скоро все устьсысольцы взяли в руки лопаты и «пошла писать губерния»*.

Молодцы! Здорово принялись за работу. И сразу замолк Устьсысольск. Сразу прекратились спектакли, концерты, вечера.

Н. Ланской.

«Удж», 1 июля 1921 г., с. 2.

Нужно пресечь

Участившиеся за последнее время «овинные пожары» в Устьсысольске невольно наводят на разные размышления. Не кроется ли здесь спекуляция? Уж и так ходят слухи, что овины крестьяне набивают пустой соломой и сами потом поджигают с целью освобождения от уплаты продналога «на основании декрета».

Во всяком случае, будь это зло или стихийное бедствие, но нужно пресечь. В такой тяжелый момент продовольственного кризиса отдавать пожиз-

* Кроме индивидуальных огородов в городе стали возникать огороды коммунальные. Возделывались они по окраинам города силами комсомольских ячеек и профорганизаций.

рать огню хлеб – величайшее преступление перед Республикой, и преступник тот, кто оставляет ценнейший продукт на время сушки в затопленном овине без надзору.

Это не есть стихийное бедствие, ибо здесь всегда можно это бедствие избежать.

Нужно применять в данном случае не меры сожаления, не относиться к «пострадавшему от стихийного бедствия» с сочувствием, а наоборот – карать и карать беспощадно.

Возмущенный.
«Югьд туй», 3 сентября 1921 г., с. 2.

Центральная библиотека

Обполитпросвет решил реорганизовать Устьсысольскую центральную библиотеку наладив в ней как технику библиотечного дела, так и обогатить ее новыми книгами. Причем настоящая библиотека должна будет обслуживать всю Коми Область.

Ликвидация безграмотности

При Устьсысольском Исправдоме открывается пункт по ликвидации безграмотности.

«Югьд туй», 24 ноября 1921 г., с. 2

Публикация И.Л. Жеребцова, Б.Р. Колегова (Сыктывкар)

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКОВ СТАТЕЙ «ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КОМИ КРАЯ» (2006–2010 гг.)

Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2006. Вып. 1. 124 с.

Сметанин А.Ф. Предисловие	3–4
Мацук М.А. Торговля как реалия повседневной жизни населения южной части Коми края в первой половине XIX столетия.....	5–12
Рогачев М.Б. Общественная жизнь в Усть-Сысольске (XIX – начало XX вв.)	13–33
Хайдуrow М.В. К вопросу о быте духовенства Коми края в XIX в.: «жилищный вопрос».....	34–39
Титков О.Н. «Вологодские губернские ведомости» о нравственных чертах коми крестьянства середины XIX века.....	40–46
Якоб В.В. Питание крестьянской семьи в 1920-е годы	47–51
Попова К.А. Двадцатые годы XX века. Странички моего детства	52–70
Таскаев М.В. В последний раз Усть-Сысольск, или Столица Коми области в 1929 году.....	71–81
Золотарев О.В. Коми учительство в 1920–30-х годах	82–103
Попова Р.Л. Из жизни семей служащих в годы войны	104–113
Галева М.А., Бондаренко О.Е. Фронтовые письма Великой Отечественной войны (по материалам Национального музея Республики Коми).....	114–116
Жеребцов И.Л. «Экономические примечания к Генеральному межеванию» – о жизни крестьян и рабочих Коми края.....	117–122

Повседневная жизнь Коми края.

Сыктывкар, 2007. Вып. 1. 144 с. (2-е издание, дополненное).

Сметанин А.Ф. Предисловие.....	3–4
Мацук М.А. Торговля как реалия повседневной жизни населения южной части Коми края в первой половине XIX столетия.....	5–12
Рогачев М.Б. Общественная жизнь в Усть-Сысольске (XIX – начало XX вв.).....	13–33
Хайдуrow М.В. К вопросу о быте духовенства Коми края в XIX в.: «жилищный вопрос».....	34–39
Титков О.Н. «Вологодские губернские ведомости» о нравственных чертах коми крестьянства середины XIX века.....	40–46
Якоб В.В. Питание крестьянской семьи в 1920-е годы.....	47–51

Попова К.А. Двадцатые годы XX века. Странички моего детства.....	52–70
Таскаев М.В. В последний раз Усть-Сысольск, или Столица Коми области в 1929 году.....	71–81
Золотарев О.В. Коми учительство в 1920–30-х годах.....	82–103
Попова Р.Л. Из жизни семей служащих в годы войн.....	104–113
Галева М.А., Бондаренко О.Е. Фронтовые письма Великой Отечественной войны (по материалам Национального музея Республики Коми).....	114–116
Жеребцова С.В. Штрихи из жизни сыктывкарцев в военные и послевоенные годы.....	117–130
Жеребцов И.Л. «Экономические примечания к Генеральному межеванию» – о жизни крестьян и рабочих Коми края.....	131–136
Жеребцов И.Л. «Говорит особым языком, но обращен в православную веру» (Материалы Русского географического общества – о коми).....	137–143

Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2006. Вып. 2. 128 с.

Таскаев А.И. Предисловие.....	3–4
Хайдуров М.В. Малоизвестные источники о быте коми духовенства в XIX веке.....	5–9
Шарапова Н.А. Судебные чиновники Усть-Сысольского уезда (конец XIX – начало XX вв.).....	10–19
Колегов Б.Р. Из жизни устьсысольцев в 1919 году (по страницам газеты «Зырянская жизнь» / «В зырянском краю»).....	20–32
Якоб В.В. Крестьянский двор в Коми в 1920-е годы: обеспеченность скотом.....	33–38
Таскаев М.В. Как отмечали первое десятилетие Коми автономии (Коми область в 1931 году).....	39–47
Таскаев М.В. «Спасибо товарищу Сталину» (Сыктывкар в 1936 году).....	48–57
Таскаев М.В. «Марсиане» за работой и на отдыхе (Коми АССР в 1939 году).....	58–66
Артеев А.Б. С чего начинается «Родина»: «военное детство» старейшего кинотеатрареспублики.....	67–80
Золотарев О.В. Женское движение в Коми.....	81–107
Леванова Р.М. Мои воспоминания О Великой Отечественной войне.....	108–121
Жеребцов И.Л. Штрихи из жизни печорских крестьян в начале XX века.....	122–125

**Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2010. Вып. 2. 144 с.
(2-е издание, дополненное)**

Хайдуров М.В. Малоизвестные источники о быте коми духовенства в XIX веке.....	3–8
Шарапова Н.А. Судебные чиновники Усть-Сысольского уезда (конец XIX – начало XX вв.).....	8–16
Колегов Б.Р. Из жизни устьсысольцев в 1919 году (по страницам газеты «Зырянская жизнь» / «В зырянском краю»).....	17–29
Якоб В.В. Крестьянский двор в Коми в 1920-е годы: обеспеченность скотом.....	30–35
Таскаев М.В. Как отмечали первое десятилетие Коми автономии (Коми область в 1931 году).....	36–44
Таскаев М.В. «Спасибо товарищу Сталину» (Сыктывкар в 1936 году)....	45–54
Таскаев М.В. «Марсиане» за работой и на отдыхе (Коми АССР в 1939 году)	55–63
Артеев А.Б. С чего начинается «Родина»: «военное детство» старейшего кинотеатрареспублики.....	64–77
Золотарев О.В. Женское движение в Коми.....	78–104
Леванова Р.М. Мои воспоминания О Великой Отечественной войне.....	105–118
Жеребцов И.Л. Штрихи из жизни печорских крестьян в начале XX века.....	119–123
Жеребцов И.Л. Из «Приходской летописи Нившерской Воскресенской церкви» (1874–1876 годы).....	123–133
Лейман И.И. «Мысли к улучшению быта» (По страницам газеты «Вологодские губернские ведомости», 1852–1855 гг.).....	134–142

Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2009. Вып. 3. 124 с.

Мацук М.А. «...Почести несли ему 20 алтын» (Повседневные реалии взаимодействия выборных лиц местного самоуправления и представителей уездной администрации Яренского уезда в XVII веке).....	3–12
Лейман И.И. Полезные советы губернской газеты. (По страницам «Вологодских губернских ведомостей» 1838–1839 гг.).....	13–17
Жеребцов И.Л. Летопись Нившерской церкви.....	18–33
Лейман И.И. Ярмарки: как считали и как обсчитывали (охрана правопорядка и статистика на ярмарках в IX в. на примере Европейского Севера России).....	34–41
Чупров В.И. Крестьянская община в Коми крае в начале XX в. и ее роль в организации кооперативно-благотворительной деятельности....	42–54

Попова Р.Л. «Ленчик! Не крашенные...!» (Мои родители и наша семья).....	55–83
Золотарев О.В. Теневые стороны жизни Коми автономии в период НЭПа.....	84–110
Сурков Н.И. Детскими глазами (Орловское село в послевоенные годы).....	111–114
Колегов Б.Р. Из жизни сыктывкарцев в 1960 году (по материалам газеты «Красноезнамя»).....	115–121

Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2009. Вып. 4. 124 с.

Мацук М.А. Судебная деятельность городских воевод в XVII в. (наматериалахЯренскогоуезда).....	3–13
Жеребцов И.Л. Приходская летопись Нившерской Воскресенской церкви (1870–1873 годы).....	14–24
Власова В. В. Система запретов и конфессиональные символы коми староверов: бытовые явления как маркеры группы.....	25–39
Лейман И.И. «Премудрости» и казусы ярмарочного дела в XIX – начале XX вв. (на примере Европейского Севера России).....	40–52
Бондаренко О.Е. «Оказать... содействие посильным пожертвованием деньгами, материалом и личным трудом».....	53–61
Лейман И.И., Сметанин А.Ф. Январская ярмарка в Вологде в XIX – начале XX века: из истории повседневности.....	62–67
Золотарев О.В. Рабочие Коми края в период НЭПа.....	68–98
Таскаев М.В. Из жизни населения автономной Усть-Цильмы в 1920-е годы.....	99–108
Колегов Б.Р. Из жизни сыктывкарцев в 1952–1953 годах (по материалам газеты «За новый Север»).....	109–116
Артеев А.Б. Пионеры картофельных грядок.....	117–121

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	3
----------------------	---

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Смирнов Ю.М. О муромском менталитете.....	5
Шарапов В.Э. «Подожгли мы к тем качелям...»	15
Лейман И.И. Такая многогранная ярмарка... ..	21
Рогачев М.Б. Семейный быт мещан Усть-Сысольска (XIX – начало XX века).....	30
Сурков Н.И. Штрихи к портрету усть-сысольского преступного мира второй половины XIX – начала XX века	54
Золотарев О.В. Динамика уровня грамотности населения в Коми автономии в 1920–1930-е годы	62
Артеев А.Б. Рай на земле	70
Казакова К.А. Дневник: странички личной жизни	79
Глущенко Л.И., Смирнов Ю.М. Детские дворовые игровые сообщества: формулы дворового общения (Муром, 1960–1970-е годы)	84
Галева М.А. Из жизни народной артистки Коми АССР С.С. Ростиславиной (по материалам дневников)	91

ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

Мацук М.А. «...Рабски челом бьем и милости просим» (К вопросу о мирской документации органов земского самоуправления уездов Европейского Севера XVII столетия)	94
Летопись Преображенской церкви села Аныб Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (1869–1894) (<i>публикация А.Г. Малыхиной</i>)....	96
Из жизни усть-сысольцев в 1921 году (по материалам газеты «Удж» / «Югьд туй») (<i>публикация И.Л. Жеребцова, Б.Р. Колегова</i>)	107

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Содержание сборников статей «Повседневная жизнь Коми края» (2006–2010 гг.)	112
--	-----